

ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ

КНИГА I-я

БОГ

НЕ ОПРОВЕРЖИМ НАУКОЙ

И. А. Карышева.

С.-Петербург.

Паровая Скоропечатня и Литография "Надежда", Литейный пр., д. № 49.
1895.

Дозволено цензурой. СПб. 16 апреля 1895 г.

Предисловие.

Когда в пылу сражения, в горячей рукопашной битве воин задался целью во что бы то ни стало вскочить на неприятельский бруствер, он занят одной только этой мыслью, всё его существо жаждет только этого одного; он весь превратился в свою идею, и для него ничего больше на свете не существует, кроме своего желания и неприятельского бруствера. В это время не спрашивайте его, зачем это ему нужно, он не в силах соображать, ибо он увлечён, охвачен своей идеей и больше не рассуждает. Для того чтобы попасть на бруствер, он жертвует всем, что имеет: он убивает, ранит, колет направо и налево, не замечая своих собственных ран, той опасности, которой подвергается, и даже в бешеном бою, поражённый насмерть роковым ударом, он, уже мёртвый делает несколько шагов по направлению к своей цели.

Не так ли поступают и все интеллигентные представители высшей расы земных существ в большинстве случаев своего жизненного пути? Ведь жизнь во все эпохи существования человека никогда никому из нас не давала очнуться или одуматься; всегда и у всех одни впечатления и ощущения быстро сменяются другими, одни жизненные задачи без малейшего перерыва следуют за разными испытаниями и превратностями, и каждый из нас, охваченный и увлечённый вихрем житейского Вавилона, с самых юных лет до самой старости, стремится достигать земных идеалов и всякого рода житейских кумиров, возводимых требованиями своего века в цели земной жизни. Мы называем их образованностью, учёностью, талантами, славой, властью, господством и т.д., и т.д., и несёмся без оглядки в общем потоке житейской суеты, опасаясь

больше всего отстать в чём-нибудь от века, или как-нибудь отделиться от своего общества, от этого вальпургиева стада, или этой тысячеголовой гидры, завладевающей нами и всецело присасывающей нас к себе. Мы не смеем не быть во всём солидарным с ним во всякой мелочи и до малейших подробностей, ибо знаем, как оно немилосердно казнит всех отщепенцев и заклёвывает, и умерщвляет их так же, как заклёвывают галки всякую свою подругу, имеющую какую-нибудь лишнюю против других отметину. Напротив того, зная направление общественного и модного стремления и его кумиров, наша заветная, но всегда скрытая от всех мечта опередить своих сверстников и через все правды или неправды, во что бы то ни стало, обогнать их и стать впереди.

В этой бешеной жизненной скачке, в этой отчаянной борьбе кого за своё существование, кого за своё первенство, мы ничего кругом себя не видим, не разбираем и не сознаём, кроме потребностей дня, способных удовлетворить условиям общего стремления, а впереди себя не видим ничего, кроме намеченных нами кумиров.

В течение всей своей жизни мы попираем ногами всё внутри нас находящееся святое, возвышенное; отгоняем от себя всякие мысли, могущие чем-нибудь задержать или замедлить успех земных удач, и когда, наконец, видим свои мечты сбывающимися, мы самодовольно говорим себе: «задача жизни блестяще мной окончена; всё, что было на меня возложено, я выполнил и теперь могу умереть спокойно».

Но рядом с этим, во все времена человечества, появлялись люди исключительные по нравственному и духовному развитию. Они всегда выделялись из толпы и никогда не следовали общему потоку жизненной суеты, но, напротив, останавливали людей в их заблуждениях и говорили: «Ведь Вы совершенно на ложном пути и решительно не понимаете истинной цели жизни и земной задачи. Разве земная слава и власть, разве возможность господствовать и эксплуатировать людей или приобретать знания и богатства могут быть названы конечными целями существования человека на земле? Неужели Бог создал людей для того только, чтобы дать одним возможность эксплуатировать, обижать и унижать других? Это было бы ужасно! Одумайтесь, остановите ваше стремление,

оно ложно и доведёт вас до гибели. Вы принимаете средство за цель. Власть, слава, богатство, таланты суть только орудия испытаний ваших добрых и злых качеств, это только средства для исправления вас же самих, но цель жизни несравненно возвышеннее, она есть добро и милосердие, которые вы посеете на земле через свои дела и старание».

Но общество никогда не понимало этих людей, не выслушивало их, а ещё меньше исполняло их советы. Оно никогда не умело согласовать требований, предъявляемых этими людьми к каждому человеку, с условиями удовлетворения потребностей практической ежедневной жизни и с условиями борьбы с роковыми атрибутами нашей земной жизни, как-то: нужда, холод и голод; а изменять обычный ход образа жизни или сделать его более подходящим к преследованию высших целей жизни никому и в голову прийти не могло, ибо это значило бы идти против общепринятого течения жизни. Притом же люди эти требовали от толпы, чтобы каждый стал выше своих страстей и пороков, требовали здравого отношения каждого к самому себе, большей работы над своим умственным и нравственным самоусовершенствованием и меньшей горделивой жажды и пристрастия к земным делам. Понятно, что при малом развитии людей исполнение этих требований казалось чрезмерно трудным и, во всяком случае, несравненно труднее, чем исполнение условий обыденной практической жизни, а потому всё общество оставляло свою жизнь течь привычным порядком.

Века сменялись веками, поколения поколениями, и на старых выводах практической опытной деятельности воздвигались требования новых, для каждого века современных, условий жизни. Люди с каждым веком становились всё умнее, развитее, но зато и требовательнее; стали строже относиться не к себе, но к окружающим людям и к условиям жизни. Они стали отчётливее и настоятельнее понимать и чувствовать свой жизненный расчёт и условия своих личных выгод и невыгод. Практика общественной деятельности приспособляла разные понятия в форму наиболее подходящую под строй своей практической жизни, почему взамен понятий о добродетели выработались мало-помалу понятия о чести, честности, благородстве и великодушии; понятия о всеобщем братстве

и взаимной любви заменились понятием о праве и понятием о традиционно геральдических рангах наследственного происхождения высших и низших семейств, сообразно обладания каждым из них белой и чёрной костью; понятия о благочестии, смирении и покорности заменились чувством чёрствого исполнения своего долга, деловой аккуратности, настойчивости и педантичности; и всё человечество зрело в атмосфере пороков, страстей, интриг, зависти, гордости, тщеславия и им подобных атрибутов общественной практической жизни.

При подобных условиях жизнь общества и каждого его члена не могла постоянно не усложняться; весь строй жизни, мысли, убеждений, науки и мировоззрений должен был создавать всё более и более ненормальное и антиальтруистическое направление жизненной деятельности, а потому и общее стремление к развитию принимало всё более и более характер личный и эгоистичный.

Эта ненормальность жизненной деятельности не могла, конечно, не завести всё человечество далеко в область запутанностей, бесконечно затрудняющих существование каждого, и, как следствие полного искажения естественных взглядов друг на друга, отношения между людьми стали многосложны и для многих окончательно невыносимы.

Каждый, возвышаясь в каком-либо отношении над другими, получал легальное право господствовать над ними, а нелегальное – эксплуатировать, притеснять и унижать их. С одной стороны, людям умным, практичным, сильным волей или талантами, для того, чтобы с большим успехом возвышаться над людьми, было выгодно скрывать от всех и маскировать разными способами свои дела, свои намерения, а в особенности свои сильные и слабые стороны, т.е. свои пороки, недостатки и уродства как физические, так и нравственные. С другой стороны, людям более слабым или скромным и вообще менее одарённым природой умственно или физически, необходимо было ограждать себя от чрезмерного коварства людей, от их хитрости и дерзких посягательств, как на их личность, так и на их права. Всё это вызывало необходимость заключить в какие-нибудь рамки взаимные отношения между людьми, чтобы стеснить разгул и распущенность и хотя сколько-нибудь отрядить слабых от произвольных поступков и всякого

рода посягательств на них. Для удовлетворения обеих сторон в обществе установились этикет моды, принципы, правила приличия, светские обязательные обычаи и разные формы жизни, стесняющие поступки людей. Все эти меры были, конечно, бесполезны и не уберегали человека от тайных врагов, которым было может быть ещё удобнее действовать под прикрытием общественного благочестия, но эти меры обеспечивали по крайней мере внешнюю, показную сторону общественной жизни и устанавливали внешнюю сторону в отношениях людей.

Но многое, что было необходимо и имело смысл 100 или 200 лет тому назад, когда средний уровень умственного и нравственного развития людей стоял ниже чем теперь, то могло бы в настоящее время считаться лишним и бесполезно усложняющим нашу жизнь. Но человечество, однажды привыкшее к известному этикету, к правилу подчиняться существующим: принципам, модам, приличиям и обычаям, уже не так легко расстается с ними, как бы они ни были стеснительны и нелепы; как бы отдельные личности не протестовали против них, ничто не в силах изменить общего модного течения жизни.

Поэтому каждый из нас, сам не замечая того, порабощенный смолоду привычкой исполнять в угоду обычаям все обращенные к нему требования жизни, торопится оправдать свою задачу, не уклоняясь от предначертанной ему программы, захлёбываясь от массы возложенных на него прямых обязанностей и от, ещё большего количества совершенно в настоящее время не нужных и бесцельных обязанностей, перешедших по традициям из глубокой старины.

В таком состоянии застаёт нас преддверье двадцатого столетия, и перед нашими глазами начинает совершаться диковинное, до сих пор в истории человечества небывалое явление: от общего кипучего, модного потока жизни стали сотнями и тысячами выделяться люди, утомлённые бесцельностью своих собственных поступков, своей пустой жизнью, влекущей их ложными путями к ложным идеалам. Они стали останавливаться поодаль от общего течения жизни, просыпаться как от тяжело удручающего их кошмара и требовать применения разума к анализу основ нашей жизни. Они стали ощущать всю недостаточность сухого расчёта,

но требовать более живой естественной мысли, доходящей до причины каждой необходимости и раскрывающей все последствия её, и требуют от людей и от себя поступков, которые могли бы прямее вести к истинной цели его жизни.

С их точки зрения, нужно радикальное изменение всего умственного строя мысли и новое мировоззрение, более соответствующее естественным требованиям природы от человека. Они говорят, что в настоящее время интеллигентный человек достаточно созрел для того, чтобы быть в состоянии додумываться до конца и уметь различать значение временных и переходных истин и целей, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни, от вечных и абсолютных. Интеллигентный человек должен уметь различать цель от средства, причины от их следствий и должен уметь отводить всему этому соответствующее место и давать преобладающее преимущество главенствующим моторам жизни и прогресса, как духовного, так и нравственного и умственного.

Неужели в самом деле людям никогда не суждено понять, что вся жизнь общества и каждого отдельного его члена ведётся в разрез с указаниями разума и здравого смысла; что в ней чрезвычайно много лишнего, пустого и даже совсем бессмысленного, без чего людям жилось бы несравненно легче. Пусть каждый проверит свою жизнь, и если он в состоянии беспристрастно проследить её, то увидит, что всё общество и он сам, совершенно того не понимая, живёт машинально исключительно в силу привычек, образовавшихся вследствие внушений, которые производили на него с самых ранних лет кормилицы, мамки, няньки, родители, воспитатели, учителя и школы, и что эти внушения дополнялись внешними давлениями, произведёнными окружающей средой, обществом и условиями благосостояния и довольства.

Родители и воспитатели наши, внушая нам жизненные привычки, руководствовались так же, как и мы, не разумом и здравым смыслом, но следовали своим собственным наследственным привычкам, возведённым в принципы жизни ещё дедами и прадедами, отчего так часто мы в своих поступках можем усмотреть осколки традиции самых древних времён, нисходящих чуть не до времён языческих и каменного периода, т.е. до такой древности, когда люди были ещё так мало развиты, что в сущности не могли дать

никаких полезных указаний относительно образа жизни здравомыслящему и интеллигентно-развитому современному человеку. А эти-то самые традиционные привычки и принципы, перешедшие в нас в силу внушений, были всегда самыми злейшими врагами всякой новой, свежей и возвышенной идеи, а следовательно, приносят чрезвычайно много вреда, как нашему личному усовершенствованию, так и общему развитию века.

Заметьте, как на каждом шагу при обсуждении своих поступков или своих мнений мы неправильно употребляем свой разум и здравый смысл, как мы часто им злоупотребляем и в какие компромиссы входим с ним; касается ли наше суждение общественной или практической жизни, науки, наших отношений к людям или к окружающей природе, это всё равно, везде наши суждения переменчивы, узки, поверхностны и никогда не имеют достаточности основания. Это лучше всего обрисовывается при обмене мнений.

Нет двух одинаковых мнений между людьми; каждый настаивает на своём, решительно не заботясь о том, чтобы через посредство спора или обоюдного обмена мысли восстановить истину и затем держаться её. Этого никогда нет, истина остаётся всегда одна в стороне от спорящих, и после спора всякий остаётся при своём мнении, даже тот, кто принужден считать себя побеждённым.

Ведь если основания, принятые для суждения, одни и те же, то выводы разума и логики должны вести к одинаковым результатам и разногласий не должно быть; стоит только спорящим добросовестно согласиться между собой, проверить основания мысли, ход суждения, указать друг другу обоюдные ошибки, и вывод получится бы одинаковый. Но дело в том, что редко ведутся споры с целью выяснения истины, но всегда преследуется тщеславное намерение, во что бы то ни стало взять перевес над своим противником, быть победителем и, став в общественном мнении выше, осмеять его и восторжествовать.

Многие спорят для того, чтобы спорить; им нравится самый процесс спора; сегодня они защищают одно мнение, а завтра ему противоположное и хвастают тем, что в обоих случаях остаются

победителями. Эта любовь к одержанию победы при обмене мнений совсем не редкость и несравненно более распространена, чем об этом думают; напротив, её надо до некоторой степени искать в каждом из нас и в каждом споре, ибо людей способных судить беспристрастно и радоваться успеху ближнего очень мало; большинство никогда не отказывается от случая указать другому, что и в его, хотя и правильном, суждении есть доля смешного.

Если это не было бы так, то не существовало бы целой науки *эристики* об искусстве вести в обществе дебаты. Наука эта возводит искусство вести спор на степень настоящего турнира, где спорящие прямо становятся в оборонительные друг против друга положения и, как на каждом поединке, наносят удары, парируют их, и более искусный спорщик должен всегда иметь перевес, независимо от того на чьей стороне правда.

При сём необходимо заметить, что эристика не создана искусственно для научения человека злу и пренебрежению к истине; совсем напротив, она обращает лишь внимание на наиболее распространённые уклонения от правильного суждения или на ошибки мысли, которые, сами того не замечая, допускают люди, делая свои выводы и заключения. Она основывается на практике жизни и весьма наглядно указывает, как далеко заводит неправильная форма суждения в область самообмана.

Разбирая все уклонения от правильного суждения, на которые указывает эристика, и находя то одни, то другие неверности положительно в каждой речи, в каждом суждении и на каждом шагу, надо, к сожалению, сказать, что ничто так не редко между людьми, как светлый и ясный разум, здравый смысл и непритворное желание быть ближе к истине.

В ещё большие ошибки, чем форма суждения и образ мысли, заводят нас недостаточность оснований, принимаемых нами как исходные точки нашего мышления. Выражая свою мысль, или обсуждая какой-нибудь вопрос, мы всегда имеем какую-нибудь базу или основу мышления, которую мы можем тут же и высказать или можем подразумевать, но всегда от неё мы строим дальнейший вывод разума. Например, я говорю: так как я привык ежедневно спать

ночью по 8 часов и просыпаться в 9 часов утра, а завтра мне предстоит встать в 7 часов, то я лягу двумя часами раньше, а вас попрошу разбудить меня в 7 часов утра». Я могу высказать всю эту мысль, или сказать только последнее, т.е. разбудите меня завтра в 7 часов утра, тем не менее, естественный ход моего мышления основан на положении, что я привык спать ежедневно по 8 часов и просыпаться в 9 часов, и это положение служит в данном случае основанием или исходным пунктом дальнейшего вывода.

Мы всегда принимаем исходные пункты своего мышления за непреложные истины, за нечто не подлежащее ни оспариванию, ни доказательству, потому что они состоят из наших привычек, из нашего привычного мировоззрения или обычных и общепринятых принципов и правил жизни, которые, как мы себе представляем, не подлежат никакому контролю разума, так как в них не может быть внесена ни малейшая поправка, ни изменение, так как они освящены давностью в истории нашей жизни и в жизни наших предков. А между прочим, вот эти-то самые непогрешимые основы нашего мышления в слишком частых случаях не имеют никаких ни разумных, ни логических оснований. Вот их-то мы всегда меньше всего подвергаем контролю нашего разума, так как всегда мы меньше всего сомневаемся в своей собственной погрешимости и в погрешимости основных принципов и обычаев, принятых обществом. С другой стороны, если бы даже признали их неразумными и нелогичными, мы всё же не были бы в состоянии ни отрешиться от своих собственных привычек, ни сломать принципов и обычаев общества, и всякий наш протест в этом направлении напоминал бы только борьбу с ветряными мельницами.

Само собой разумеется, как бы вывод ни был разумен и логично построен, он всегда будет лжив, если исходит из недостаточно разумом проверенных данных, и все наши поступки, вызванные подобными выводами, будут одинаково ошибочны и неестественны.

И как много в жизни общества и каждого из нас ошибок, заблуждений, нелогичностей, на которых основывается наша жизнь, но которые мы считаем до такой степени непреложными, что нам и в голову прийти не может проверить их, а все они отражаются неблагоприятно на нашей жизни и заставляют нас совершать часто

совсем бессмысленные поступки.

Для более наглядного выяснения своей мысли мы считаем необходимым привести несколько примеров, но решительно теряемся в массе и обилии их. Их мы находим в каждом уголке деятельности человека: среди наук, искусств, медицины, общественных отношений, между людьми в практической жизни, в семейной и решительно где угодно. Всякий знает и чувствует на себе, как много в его ежедневной жизни мелочей и дрызг разного рода, от которых желал бы он отделаться, видя их полную бесцельность и не видя никакой разумной причины их существования. Стоит войти в любую гостиную любой страны мира, в любой семейный дом, в любую хату рабочего, обратить внимание на любой факт из жизни живущих в них людей и спросить: чем оправдываете вы этот обычай, или привычку или всё, что касается строя жизни? Всякий удивится подобному вопросу и с первого раза затруднится ответом и откажется отвечать; но если вы будете настойчивы и сумеете заставить говорить, то вы всегда будете получать одни и те же стереотипные ответы: это так принято, а потому без этого нельзя; или – как же иначе, все так делают; или это требование века, и мы уже так привыкли; или это делали наши деды и прадеды, зачем будем мы иначе делать; и ни одного объяснения не получите вы со ссылкой на здравый смысл и на чистый разум.

И это не в каких-нибудь мелочах жизни, в которых было бы действительно всё равно, как ни поступать, так или иначе. В этих случаях, понятно, не стоило бы раздумываться, а действительно было бы проще всего делать так, как принято, или так, как другие поступают, но ведь это часто касается фактов серьёзных, влекущих за собой важные последствия, которых каждый должен бы был остерегаться как чего-нибудь опасного, вредного или безнравственного, а потому должен бы избегать.

Приведём первый пример: Обратите внимание, как каждая добродетельная и разумная мать холит и бережёт свою всей душой любимую дочь. Она просто не насытится ею, учит, воспитывает, внушает скромность и самое утончённое приличие не в одних только внешних формах, но учит сохранять чистоту душевную и учит возвышать свои чувства до высших идей всего прекрасного, святого и разумного. Одна из её главных задач состоит в том,

чтобы оберегать свою дочь от худого примера: она удаляет от её взоров всё нечистое, порочное и двусмысленное; и результаты разумного и задушевного воспитания выходят действительно удивительны; дочь растёт ангелом добродетели и обладает некоторыми талантами. Таким образом, цель матери – сделать из своей дочери добродетельную жену, мать-воспитательницу своих будущих детей и добрую и достойную своего отечества гражданку – оправдывается прекрасно.

Сколько посеяно хлопот, сколько любви, самоотвержения, осторожности, умения и предусмотрительности; какие прекрасные и возвышенные преследовались цели и стремления; одним словом, всё изобличает в матери женщину умную, рассудительную и в высшей степени благонамеренную.

Но вот период образования кончается. Мать объявляет дочери, что она уже почти большая и что наступила пора показать на практике жизни результаты того, чему она так долго училась, и что она должна выказать все свои добрые качества, скромность, умение вести себя в обществе и т.д. Дождавшись первого большого бала, начинаются приготовления её к первому выезду в большой свет. Никто не потрудится спросить, чувствует ли она к этому влечение или отвращение. Если она не хочет того, ей говорят: дурочка, ты ещё жизни не понимаешь, все сперва боялись и привыкли же к тому; и сама мать одевает дочь в бальное платье, т.е. снимает с неё все те одеяния, которые не принято снимать публично, обнажает ей всё, что до сих пор сама учила скрывать, и заставляет в ярко-освещённом зале, обнявшись с мужчиной, принимать самые невозможные позы и делать самые соблазнительные телодвижения при многочисленном обществе, осматривающем со всех сторон эту несчастную жертву, приносимую модному веянию. Многие ли замечают, что на алтарь общественного приличия приносятся все лучшие чувства, вся природная скромность и стыдливость? Многие ли оценивают всю важность этого грустного факта, который не может не отразиться пагубно на всей последующей жизни и иметь важные последствия в образовании характера этого молодого, ещё не сложившегося существа? Наконец, многие ли уважают те горячие слёзы, которыми заливалась бедная девушка перед тем, чтобы выйти в зал в костюме, унижающем достоинство

всякой жены, всякой матери и всякой женщины, как венца творения живых существ на земле? – Нет, в обществе нет сострадания, ни пощады никаким отщепенцам от него, и никто не смеет быть лучше и чище других, все должны подходить под общий строй, делать то же, что делают другие, и переживать то же, что переживали другие. Общество только надзирает, оценивает и критикует: кто смотрит на бедную жертву со злой иронической улыбкой, если она вполне безупречна и во всех отношениях прекрасна, а потому нельзя послать по её адресу ни одного обидного или критического замечания; а кто просто – с видом эксперта, осматривающего вновь привезённый на базар свежий живой товар.

Проанализируйте хорошенько этот совершенно обыденный жизненный факт, сколько найдёте вы диссонансов, нелогичностей, непоследовательностей, ошибок против совести, нравственности, здравого смысла, и вы сами удивитесь, как может подобный образ действий держаться в интеллигентном и разумном обществе? Ответ один: «так принято».

Второй пример. Многие находят совершенно логичным после полученного ими личного оскорбления драться на дуэли для восстановления своей якобы утерянной чести. Спросим себя: что такое честь? – «Честь есть сознание своего личного достоинства, состоящего из доброго имени, незапятнанного никакими преступлениями, ни проступками, и признание этого факта другими».

Каким же образом, если признать это объяснение правильным, можно понять, что, совершая преднамеренное убийство, можно восстановить свою честь, утерянную будто бы вследствие одного праздного слова, сказанного другим, на которое сам оскорблённый не подавал никакого повода? Каким образом это слово может запятнать честь, а преднамеренное собственноручное убийство может восстановить её? Совершенно непонятно. Одно объяснение: «так принято».

Третий пример. Всё здание материалистического и позитивного изучения физики, химии, физиологии, космогонии и многих других естественных наук построено на двух главных основных положениях: во-первых, что материя вечна, т.е. что количество её, которое существует ныне, существовало от вечных времён и будет

вечно существовать, а во-вторых, что материя обладает от вечности достаточным количеством свойств и качеств, чтобы быть в состоянии сама, без помощи и вмешательства какой бы то ни было посторонней причины, самостоятельно творить все явления природы, весь видимый нами мир и всё живущее.

Сколько тысяч лет существуют науки (если признать их происхождение от Арабов и древних Египтян)! Сколько сотен тысяч учёных положили свою жизнь на изучение и разработку их; как старался каждый из них всё выше и выше надстраивать здание своей науки, быть безупречным и непогрешимым в своих выводах, для чего обставлял науку всевозможными способами проверок знания и строгим анализом: всё гипотетичное и сомнительное не включалось в область позитивного метода изучения природы и только одни положительные и неоспоримые данные получали право служить основанием для дальнейших выводов. Всё здание наук представляется нашему воображению чем-то непоколебимым, неоспоримым и великим.

Но спросим себя: чем доказываются оба основных положения наук, служащие ей краеугольным камнем и исходным пунктом всякого материалистического и позитивного научного вывода? Чем доказывается, что материя вечна или что она обладает всеми необходимыми качествами и свойствами, чтобы творить миры? Оказывается, что о доказательстве этих двух положений меньше всего озабочивались учёные; за них говорит одна давность. Учёные просто привыкли считать их за неоспоримые научные истины, и эта привычка переходила из поколений в поколения без малейших изменений, несмотря на протесты сотни великих учёных, в числе которых находились ещё Ньютон и Лейбниц.

В настоящее время можно сказать, что современная наука очень близка к тому, чтобы окончательно опровергнуть оба этих положения и признать полную подчинённость и зависимость материи от сил, действующих на неё и образующих её.

Во что обращается здание, если разрушить его фундамент? Много ли в позитивной науке останется неоспоримых данных, если признать основные положения, служащие исходными пунктами для всех научных выводов, ошибочными? Сколько в таком случае потребуется ввести в неё изменений, сколько дополнений и

переделок, если наука будет принуждена покинуть господствующий ныне позитивизм и его принципы: 1) автоматичности, 2) необходимости, 3) всеилия законов природы и перейти на принцип господства в природе Разумной Воли, предусмотренности и полной целесообразности всех явлений?

Если только позитивизм будет принужден признать, как многие уже лучшие учёные признали, что силы образуют материю и что силы эти имеют разумное начало, то придётся признать и сосредоточие сил в одном Всеобъемлющем, Разумном Центре всех сил и Бесконечно Премудрую и Разумную Единую Волю, правящую вселенной, а при этом допущении, конечно, от позитивизма и камня на камне не останется. Но за то новая обновлённая наука, поставленная на истинную и логическую почву, даст после всех её преобразований необыкновенный скачок вперёд, ибо многое, что теперь кажется нам непонятным, при новом строе наук получит совершенно простое и естественное разрешение.

Четвёртый пример. Человек заболевает, например, болезнью печени и желчи; во всех подобных случаях принято посылать немедленно за доктором и начинать серьёзное лечение. Доктор, рассматривая больного как субъекта, в которого проникло известное количество болезнетворного яда, старается дать соответствующее количество противоядия, чтобы парализовать действие яда, и прописывает лекарства, диету и режим.

Лечение помогает, но по прошествии известного времени болезнь возвращается и притом каждый раз с новою силой. Лечение каждый раз возобновляется, дозы лекарств усиливаются и с течением времени и те лекарства, которые оказывали благоприятное действие, становятся недостаточными. Приходится прибегать к сильнодействующим лекарствам и разного рода наркотикам, которые, собственно говоря, не излечивают болезнь, но только притупляют ощущения боли, позволяя болезни усиливаться и идти своим естественным ходом. Все сильнодействующие лекарства, и в особенности наркотики, действуя благоприятно в одном направлении, оказывают в высшей степени вредное действие на другие органы, бывшие до сих пор здоровыми. Доктора охотно допускают подобного рода расстройства в том предположении, что, когда коренная болезнь пройдёт, то излечатся сами собой все побочные недуги,

вызванные наркотиками и сильнодействующими лекарствами. Но предположите, что болезнь упорствует, то в результате получается полное расстройство всего организма, и все удивляются, отчего явились столь сильные осложнения болезней у человека, который всю жизнь был здоров?

Никому и в голову не придёт спросить себя о причине болезни, несмотря на то, что этот вопрос должен всегда стоять раньше самого лечения, ибо: 1) если устранить причину, то и болезнь должна прекратиться сама собой без всякого лечения; а во 2) если причина не устранена, то сколько ни лечить, болезнь должна же вновь вернуться; ибо нельзя залечивать рану, если в ней находится какая-нибудь щепка, которая делает больше вреда, чем приносит пользы лекарство.

Например, разбирая настоящий случай, надо заметить, что болезни печени и желчи бывают, конечно, от разных причин; но очень часто причина этой болезни зависит от нравственных мотивов. Человек зол и завистлив, всякая его собственная неудача раздражает его и приводит в ярость; каждый успех других доводит его до дрожи во всём теле и заставляет внутренне завидовать до скрежета зубов; его болезнь, мешая ему в делах, приводит в отчаяние, и злость и зависть кипят в нём и день и ночь. Такое ненормальное напряжение желчных пузырьков служит основной причиной расстройства, как самой желчи, так и соседних непосредственно с ней связанных органов. Разумно ли в этом случае лечить болезнь сильно действующими лекарствами и наркотиками и не обратить несколько внимания на причину болезни и не постараться удалить её?

Более половины всех существующих на земле болезней, и в том числе почти все нервные болезни, могут быть причислены к числу тех болезней, причина которых кроется в нравственных недостатках, пороках, в неправильных отношениях к жизни и в том мировоззрении, с которым человек смотрит на себя, на окружающих его людей и на препятствия и превратности, встречаемые им на жизненном пути.

Если бы люди разумно относились к своей жизни и поступкам, они поняли бы, что сам здравый смысл указывает во всех этих болезнях: прежде чем начинать страиваться лекарствами, следует

усиленно постараться исправить свои пороки, недостатки и своё мировоззрение, и что радикальное излечение всех подобного рода болезней возможно только при этом условии. На лекарство следовало бы смотреть только как на средство, временно облегчающее страдания и дающее больному время одуматься или, так сказать, справиться с своим внутренним человеком, но что лекарство никогда не в силах оказать столь сильное действие, чтобы радикально излечить болезнь в то время, когда человек столь изобильно отравляет сам свой организм. При этих же обстоятельствах все старания докторов будут всегда тщетны и будут только расстраивать здоровье человека.

Как капля воды, капая на одно место, пронизывает камень; так и наши хотя бы самые малые несовершенства и порочные склонности, проявляясь в нас постоянно и всегда, должны вызывать ненормальные отправления нервной системы и, следовательно, влиять на состояние здоровья организма. Сколько раз уже было замечено, что краткое пребывание на минеральных водах излечивало болезнь, тогда как перед тем целые годы употребления этой же самой воды не оказывали никакого действия! В этом случае сама вода играет только вспомогательную роль; важно же то, что человек устранил на время причину болезни, изменил свою обычную жизнь, сопровождаемую трудностями, дрязгами, заботами, неприятностями, которые вызывали в нём потребность сердиться, негодовать, завидовать, волноваться и т.д., на жизнь более спокойную в нравственном отношении, окружённую комфортом, музыкой и развлечением. Наконец, не все нравственные причины могут быть названы мелочными; некоторые из них действуют в высшей степени пагубно на организм. Случалось, что от чисто нравственных причин следовал моментальный паралич и даже мгновенная смерть.

Мы называем свой век нервным, потому что видим массу болезней нервной системы. Но не правильнее бы было назвать наш век порочным, так как причина расстройства нервной системы таится всегда в людских пороках? Если бы люди были менее самоуверенны и тщеславны, то ясно видели бы, что они не успевают за веком, что отстали от него и что они недостаточно подготовлены ни духовно, ни нравственно к тем требованиям, которые

предъявляют к ним жизнь.

Современная жизнь интеллигентного человека действительно чрезвычайно трудна и многосложна от бесчисленного количества самых разнообразных требований, предъявляемых человеку. Она несравненно сложнее и запутаннее, чем была жизнь не только сто лет тому назад, но и пятьдесят. А чем больше количество надо выполнить условий для получения полной жизни, тем больше надо работать и тем меньше вероятий, что все эти условия будут выполнены и сложатся для нас в благоприятном смысле. В действительности так и выходит: как бы каждый из нас ни обставлял свои дела, ему непременно недостаёт одного или нескольких самых для него существенных условий; а у многих их недостаёт чрезвычайно много, и потому всякий из нас желает и добивается чего-нибудь, а именно того, что ему труднее всего может достаться, так как этого ему не дано. Всё дело в том нравственном настроении, с которым он добивается желаемого; – вот тут-то и есть начало всех наших внутренних душевных страданий и из них истекающих, как следствие, болезней организма.

Вся причина наших страданий заключается всегда в нас самих и в нашем несовершенстве. Мы не обладаем достаточным количеством: во 1) терпенья, чтобы столько переносить трудностей жизни и выжидать лучших времён, не раздражаясь, не волнуясь и не отчаиваясь; во 2) нет уменья вести свои житейские дела так, чтобы не преступать естественных законов нравственной и духовной жизни своей души; в 3) у нас никогда нет достаточно смирения, покорности Воле Божией, проливающей Свои Дары на помощь недужному и слабому человеку в тех случаях, когда он Его просит о том; в 4) нет благоразумия и достаточно силы воли над собой, чтобы сдерживать при многочисленных жизненных неудачах свой расхолодившийся злой элемент, как-то: страсти, гнев, зависть, злость, оскорбленное самолюбие, неудовлетворённую природную гордость и тщеславие; а эта нравственная распущенность причиняет нам самые сильные внутренние, душевные страдания, которые и служат прямой причиной расстройства организма и лучшей подготовительной почвой для удобного восприятия всевозможных болезней.

Более подробно мы позволим себе разобрать этот вопрос в одной из последующих книг. В настоящее время мы скажем только, что, бросая уже один беглый взгляд на жизнь человека, нельзя не заметить на каждом шагу неестественности и непоследовательности, в которых ясно обрисовывается вся несостоятельность человека в связи с его порочностью и недостатком интеллектуального развития; и если с одной стороны надо признать, что человек сам виноват во многом этом, то с другой стороны нельзя не пожалеть его от души и не признать, что он заслуживает большего снисхождения.

Разберите жизнь человека и увидите, при каких трудных условиях принуждён он влачить своё существование; 1) живёт он на земле, не помня своего прошлого, не знает откуда он произошёл, что предшествовало его жизни на земле; не знает зачем он живёт, где истинная цель его жизни и где конечный пункт, которого он должен добиваться. Всё это он должен, однако, постигнуть через свою жизнь на земле, которая не даёт ему ни одного прямого указания, а для очень наблюдательных одни только намёки, по которым человек может лишь смутно догадываться о своём назначении и цели жизни. Человек должен назваться окончательно слепым для своей жизни, и ему крайне трудно избирать верный жизненный путь при его сильных порочных и страстных наклонностях и его бессильной воле, долженствующей смирять в нём зло.

2) Убеждения его шатки и неопределённы, и если иногда и озаряют его светлые мысли, открывающие ему отчасти истинную цель и назначение его бытия, то это всегда происходит так смутно и бездоказательно, что часто принуждён медлить исполнением их, так как опасается впасть в ещё большие ошибки.

3) Кругозор человека крайне ограничен, и он всегда более склонен останавливать своё внимание на том, что перед его глазами, или на те нужды, в которых он чувствует немедленную потребность, отодвигая далеко на второй план то, что, несравненно существеннее, но могло бы принести ему в будущем несравненно большую пользу, просветлить его мировоззрение и облегчить задачу познания бытия. Одним словом, мало таких, которые живут настоящей жизнью для будущей, но большинство живёт просто для того, чтобы жить, не давая себе ясного отчёта для чего вся их

жизнь нужна.

Мало того, есть люди, которым, вследствие их узкого кругозора, нравится самый процесс жизни на земле, со всеми её тёмными сторонами, с интригами, с борьбой за своё личное существование, с частными победами над людьми, и даже собственные неудачи не тяготят их; они согласились бы на ещё большие несчастья, лишь бы только земная жизнь никогда не прекращалась; они слишком полюбили её, и мысль о смерти конечно, не может их занимать, а потому они всегда отгоняют её, не заботясь о том, что с ними дальше будет.

4) Организация человека слишком слаба; он скоро устаёт при всякой работе над собой, и в особенности если эта работа сопряжена с борьбой и преодолением своей злой природы; а борьбы с самим собой невероятно много у каждого человека, который смотрит на свою жизнь мало-мальски разумно и не желает предоставить себя и всю свою участь общему роковому потоку жизни, сознавая вполне отчётливо, что этот поток может увлечь его только к гибели.

Людей, сознающих весь губительный путь общего стремления человечества и начинающих бороться с ним, отставать от него и требующих для себя большей разумности и здравого смысла в поступках, стало в последнее время появляться чрезвычайно много. Они все ищут более свежей атмосферы, более чистых идей и более светлых и лучезарных целей жизни, на которых они могли бы сосредоточить своё внимание и отдохнуть от давящей рутины автоматичной и безотчётной жизни, без прошлого, без настоящего, с бессодержательным и вместе с тем крайне трудным настоящим. Они ищут, но пока ещё смутно понимают своё положение; они бродят пока ещё как заблудшие в тёмном лесу, не имея никакой возможности выйти из него.

Как поступает человек, заблудившийся в дремучем лесу, из которого ему не видно ни солнца, ни звёзд, ни окружающей его местности? Он влезает на более высокое дерево и старается оттуда найти направление своего дальнейшего пути. Он видит солнце, а потому может определить, где юг, где север, видит горы, реки, и если вдали увидит колокольню, означающую близость жилья, то

может считать себя спасённым. Он поминутно будет влезать на деревья, чтобы как-нибудь не потерять прямого направления и понапрасну не удлинить пути.

Так точно должен поступать всякий, который считает себя заблудшим на жизненном пути и который желал бы выйти из этого положения. Он должен призвать на помощь весь запас своих умственных сил, напрячь свой разум, знания и здравый смысл и затем постараться как можно более возвыситься над своей жизнью, т.е. отрешиться на время от всяких своих личных чувств, предрассудков и привычек, не основанных на чистом разуме, и посмотреть на самого себя и на окружающий его мир философским, не заинтересованным ни в свои дела, ни в свои поступки взором, как смотрел бы он на дела и жизнь постороннего, совершенно чужого ему человека. Но этого всего ещё окажется недостаточным, ибо необходимо, чтобы в этом, так сказать, таинстве участвовал бы весь человек со всеми его силами, а потому кроме ума он должен напрячь все свои духовные чувства и способности. Для этого он должен мысленно приблизиться, насколько у него только хватить духовного разумения, к идеям высшей правды, справедливости, милосердия, добра и любви, молитвенно сосредоточиться и вознестись к источнику Вечной Истины с горячей молитвой, прося Его о помощи, без которой человеку ничего не дано знать чистого, светлого и великого. Сравнивая в этом настроении свою жизнь, поступки, желания и стремления с жизнью лучших людей, уже постигших до некоторой степени цель и тайны бытия, восстановив в своей памяти всё величие окружающей его природы, всю премудрость вселенной и всех миров, её составляющих, все бесконечное любвеобилие Творца вселенной, проливающего дары на всё сущее, сотворённое Им, – тогда перед ним скоро открылось бы его собственное положение во вселенной и вся его собственная жизнь. Он увидал бы себя мелким, ничтожным, жалким существом, потопаемым в своих ошибках, заблуждениях в своей пустой и бессодержательной жизни, вечно сопровождаемой праздными и никому не нужными желаниями, заботами и хлопотами. Вид его будто бы великих знаний природы дополнил бы ему картину, обрисовав её ещё рельефнее, ибо все его знания, вся наука и всё его мировоззрение представились бы ему одним сплошным рядом заблуждений и микроскопично малым в сравнении с глубиной и обилием великих

вечных истин и тайн бытия, бесспорно существующих в мире, которые всегда при известных условиях и при сильном желании человека открываются и просветляют его внутренний мир, но которые без соблюдения этих условий и без сильного и настойчивого с его стороны желания остаются им непознанными. Люди ходят постоянно и ежедневно кругом и около них, будучи решительно не в состоянии заметить и уловить их.

Вот эти-то впечатления или, скорее, настроения должен ловить человек, если желает следовать ближайшим путём к цели своего земного странствования. Он должен в течение всей своей жизни почаще возвращаться к ним, и познания, приобретённые этим путём, должен бы был начертать неизгладимыми буквами в своём сердце, как основу своего мышления. Перед каждым своим поступком он должен бы справляться с ними и жить в том расчёте, чтобы держаться по возможности ближе к ним. Если обстоятельства заставили бы его удалиться, он всегда должен знать то уклонение, которое он принял, чтобы по возможности скорее выправить направление своей жизни и быть вновь на кратчайшем пути к вечным истинам и прямой цели своей жизни.

При добром желании у каждого нашлось бы всегда достаточно умения проанализировать себя в подобном направлении, ибо Бог не посылает никому испытаний, превышающих его силы. Всё дело нашего исправления задерживается всегда нашим личным нерадением и ленью приблизить себя к истине.

Истина достигается с разных сторон, разными путями; но главная задача знать те пути, которые ведут к ней, для того чтобы избежать таких крупных абсурдов и диссонансов, какие мы встречаем в настоящее время в разрешении не каких-нибудь маловажных вопросов нашей жизни, но даже вопросов, составляющих первую насущную потребность человеческих знаний, а эти вопросы, составляющие краеугольный камень всех знаний, остаются до сих пор спорными.

Первый вопрос подобного рода, на который мы укажем здесь, есть вопрос *о существовании Бога*.

С одной стороны, мы действительно видим, что людей, верующих в Бога значительное большинство; с другой стороны, мы ви-

дим людей неверующих, которых несравненно меньше, чем верующих, но большинство их принадлежит к числу наиболее умственно развитых, стоящих близко к очагу познаний, у нашей науки, которая имеет тоже атеистический характер.

Человек ничто не ставит так высоко, как разум и науку; и это понятно: разум есть высшая способность человека, наука же есть лучший и полезнейший результат деятельности разума. Если мы не считаем науку совсем непогрешимой, то по крайней мере мы привыкли думать, что она приближает нас к истине настолько, насколько только может высший людской разум приблизить нас к ней, и то, что не подтверждается наукой, мы привыкли считать сомнительным.

Наша же современная наука не находит необходимым допускать присутствие Божие во вселенной. Она ведёт свои изучения природы в том предположении, что все явления природы происходят в силу естественных законов по необходимости, т.е. признаёт принцип автоматичности, причём, конечно, понятие о Высшей Воле и о Высшем Разуме, правящими вселенной, становится излишним. Наука обещала нам, что, идя подобным путём своих исследований дальше, она рано или поздно раскроет нам все тайны бытия, решительно не изменяя своих основных принципов и мировоззрений. И мы безусловно верим ей без всякой проверки, отчасти по привычке верить науке, а отчасти по необходимости, ибо думаем всегда, что отдельная личность никогда не может дерзнуть проверять науку, так как она составляется из корпоративных трудов всех наиболее посвящённых в неё людей, обладающих высшим умственным развитием.

Непризнание существования Бога наукой для нас равносильно отрицанию. И как бы каждый из нас ни веровал глубоко, отрицание наукой Бога поселяет в нас большое сомнение, и люди верующие и одновременно с этим занимающиеся наукой, чтобы совсем не отстать от веры и когда подымается вопрос о существовании Бога, в котором им необходимо принять участие, — они принуждены становиться в какое-то двусмысленное положение, похожее на положение людей, оправдывающихся после того, как их поймали в каких-нибудь проступках. Одни говорят: «да, я верю, хотя

существование Бога не может быть доказано разумно». Другие говорят: «по слабости своей организации я должен верить; это может быть и неразумно, но я позволяю себе эту роскошь, так как меня смолоду приучили к тому и это стало моей потребностью». Третьи говорят: «Вера есть осколок необразованности, оставшейся в нас в силу привычек ещё дедов и прадедов и перешедший к нам с разными другими нелепостями, которые они оставили нам в наследство».

Вопрос о существовании Бога слишком важен в жизни человека, чтобы можно было бы дальше оставлять людей в недоумении. Ему мы посвящаем эту книгу и желали бы, чтобы она разубедила хотя некоторых и уверила их, что это далеко не традиционный осколок старины и не бездоказательное предположение, но вполне неоспоримый доказанный серьёзной наукой факт.

Второй вопрос, следующий по своему значению за первым, есть вопрос *о существовании души у человека*.

Можно ли назвать разумным, что наше интеллигентное человечество, подвергая всё строгому контролю разума, меньше всего интересуется вопросом о том, есть ли у него душа или нет? Вся наука изучает человека в предположении, что души в нём нет или, по крайней мере, нет такой души, которая отличалась бы чем-нибудь от души животных, т.е., как называет позитивная физиология, «жизненные свойства материи». Трудно понять в этом случае, какое делает себе представление о душе всякий здравомыслящий человек, который и верует в Бога, значит, признаёт в себе душу, и одновременно с тем занимается наукой, следовательно, отрицает её. Какой логикой руководствуется он? Каким образом раздваивается его здравый смысл, чтобы одновременно при одних суждениях говорить в положительном смысле и о том же предмете при других обстоятельствах говорить в отрицательном?

Наконец, оставляя в стороне вопрос о раздвоении в известных случаях здравого смысла у людей, считающих себя здравомыслящими, мы обратимся к нашему практическому разуму и жизненному расчёту, на которые люди нынешнего века останавливают своё главное внимание, и спросим: как не обратят они внимания на то, что практический смысл жизни окончательно меняется, будем ли мы думать, что наша земная жизнь имеет окончательный

характер и что со смертью она уничтожается безвозвратно, или будем ли мы разбирать земную жизнь лишь подготовительной к будущей загробной? То, что он может себе позволять в одном случае, того он должен себя лишать в другом; то, что в первом случае ему было бы выгодно делать, то во втором было бы опасно.

Разъяснение этого вопроса мы намереваемся поместить во второй книге, которую думаем издать вслед за этой; в ней также ясно будет доказано, что наука должна признать душу в человеке, как самостоятельный разумный и духовный элемент его существа, но понятие это выше средств позитивного метода, принятого ныне наукой для изучения природы, а потому понятие о душе недоступно ему. Для того чтобы позитивизм имел возможность изучать отвлечённые вопросы когда-нибудь, необходимо капитальное изменение всего строя его и всех его научных взглядов на природу вещей т.е. нужно его уничтожить и создать новую науку.

Цель обоих этих трудов состоит в том, чтобы доказать, что понятие о Боге и о душе ни в каком случае не может быть отнесено к числу бездоказательных положений и основанных лишь на одной вере и догадках; но что, совершенно наоборот, существование Бога доказывается чисто научным путём, ибо высший результат знания и венец всякой здоровой научной мысли ведёт каждого к признанию Бога Творцом мира и Промыслителем вселенной.

Укрепление же в умах интеллигентно развитых людей понятия о полной доказанности существования Бога и души в человеке должно необыкновенно благотворно отразиться на всей их духовной разумной жизни. Оно должно разрушить множество сомнений, увеличить их кругозор, открыть им совершенно новый взгляд на систему мира и дать более правильное направление их мысли.

Все религии стараются развить и укрепить в человеке веру в Бога; но, идя теологическим путём мышления, они действуют главным образом на наши духовно-нравственные силы и внутренние чувства. Они вполне правы, так как у большинства людей жизнь внутренних чувств преобладает над жизнью разума, и то, что они приняли чувствами, немедленно принимается ими к руководству в их жизни, независимо от того, принято ли это их разумом.

У нормального человека мы должны себе представить жизнь

духовных чувств развитой в одинаковой степени с их разумом, но подобные примеры очень редки.

Характеристика современного интеллигентного человека не такова: он подавлен с самых юных лет исключительно деятельностью своего разума в ущерб развитию внутренних чувств. Истый последователь положительных и рациональных наук окончательно не верит свидетельству даже своих собственных глаз, если свидетельство это не оправдывается научными положениями, он отвергает самые достоверные факты, им самим виденные, которым нет научных подтверждений, основанных на научной логике, до того верит он в непогрешимость науки и своему научному складу разума.

Для подобных людей недостаточно одно теологическое доказательство. Чтобы подействовать на его жизнь и убеждения, необходимо дать сперва научные доказательства, а затем уже для подкрепления выводов разума действовать на его чувства.

Раскрывая настоящим трудом перед ними всю картину истории научных знаний, мы думаем вполне доказательно выяснить, что истина в мире одна и что начало её находится в Боге, что Он Один владеет ею всецело, а что все знания, какие бы они ни были, теологические или научные, приближают человека к истине только отчасти, и что наибольшее приближение возможно только при условии, чтобы человек весь, всем своим существом, безраздельно стремился к ней, как своими духовными чувствами, так и разумом. Только подобное сочетание духа с разумом может дать истинную, христианскую, разумную веру, непогрешимую руководительницу всех поступков, открывающую лучше всего цель жизни, истинное назначение человека на земле и Милосердного Бога Творца вселенной.

ГЛАВА I.

Главное разногласие.

Ещё в древности мудрецы старались внушить человечеству, что самое существенное знание и самая трудная наука – есть наука о самом человеке. Они настаивали на этом, и увековечили своё глубокое убеждение следующей надписью на Дельфийском храме: «Познай самого себя».

Много лет прошло с тех пор. Сколько труда было потрачено, чтобы разъяснить место человека в природе и истинное назначение его жизни на земле. Однако все вопросы, касающиеся внутренней жизни, остаются и до сих пор неразъяснёнными. Человечество не пришло ни к какому заключению, и разногласия в понимании себя и коренного смысла окружающей их природы доходят до самых резких противоречий.

В данном случае мы и не думаем употреблять слово «человечество» в полном и обширном его значении. Если бы мы стали разбирать всех людей на земном шаре, мы встретили бы громадную разницу в их происхождениях, расах, организациях, развитиях, образе жизни, вызванных климатами, обычаями и верованиями, и, наконец, состоянием наук и образованности их, вследствие чего нельзя было бы и ожидать однообразия мысли и убеждений. Но мы хотим указать на то, что люди, исповедующие одну и ту же веру, последователи одного и того же Христа, черпающие все свои знания из одного и того же источника, имеющие приблизительно одни и те же обычаи, одно и то же умственное развитие, – расходятся в самых основных принципах и в самом корне понимания себя и своей природы. Мы до сих пор не знаем, что такое: Игра

ли мы случая? Следствие ли движения атомов? Продукт ли сил и способностей, заключающихся в материи? Или, может быть, мы сотворены? Подчинены чужой воле? Для чего же сделались мы послушными её исполнителями? Имеем ли мы свою собственную волю? Можем ли мы располагать своими поступками? Имеем ли мы самостоятельную личность, или это всё нам только кажется? Всё это, может быть, сумма наших собственных жизненных ощущений, которые прекращаются и пропадают вместе с жизнью нашего тела? С другой стороны, эта личность – наше «я» – не должно бы пропадать после нашей смерти. Мы это чувствуем, мы сознаём, но, однако, куда всё это девается? Во что преобразовывается то, что в нас чувствовало, стремилось и думало? Что это за проблески свободной воли, которые мы так ясно в себе ощущаем? Что это за проявление ума, силы слова, стойкости убеждений, дающих нам несомненные преимущества перед всеми тварями земли, и которые позволяют нам господствовать над ними? Почему мы господствуем и приспособляем всю природу и весь земной шар под свои потребности? Имеем ли мы на это право? Может быть, человек есть в самом деле независимый царь природы и единственный властелин вселенной? Может быть, он рано или поздно силой своего ума и воли покорит не только одну землю и все на ней находящиеся силы и стихии, но и другие небесные тела, и само солнце преклонится пред всесильной волей его? Или мы – полное ничтожество, незаметная инфузория, тля вселенной? Если мы – ни то и ни другое, то что мы именно? Что такое человек? Где же, наконец, место его в природе?

Чем более совершенствуется общество, тем логичнее относится оно к своим знаниям и предъявляет к ним несравненно бóльшие требования. Отделяясь мало-помалу от всякой рутины научных предрассудков и предвзятых идей всякого рода, оно перестаёт удовлетворяться одним поверхностным изучением природы, но требует более глубокого взгляда, могущего выяснить внутренний смысл явлений и фактов, их происхождение, причину и сущность; а потому всё чаще и чаще встречается необходимость касаться подобного рода вопрос. Но где искать ответа на них?

Адепты науки, конечно, обращаются к своей науке для разрешения всех недоразумений. Они подвергают все мнения, мысли и

ощущения неумолимой оценке позитивных наук и анализируют их, не отступая от их общепринятых правил. Неизбежным следствием позитивизма в науке является потребность относиться ко всему скептически и с недоверием, даже к свидетельству своих собственных чувств, если они не могут быть подтверждены или выяснены научным опытом, и если они не поддаются мере, весу и другим положительным и неоспоримым мерам или доказательствам.

Этот самый обычный приём или взгляд положительных и материалистических наук, который наши учителя стараются развить и укоренить в нас с самых юных лет и к которому мы действительно привыкаем, обращаясь с наукой, проявляется впоследствии в таком же точно виде и во всей нашей жизни при решении каждого даже житейского вопроса. Этот взгляд как бы сродняется с нами, проникает во все отправления разума, и мы до такой степени привыкаем к нему, что готовы отвергать факты, даже существующие или, по крайней мере, готовы оспаривать их достоверность, если они не поддаются научному анализу и принципам позитивизма.

С другой стороны, и у каждого человека есть врождённое чувство почитания Божества. Мы все рождаемся с задатками веры, чувствуем и сознаём свою духовную или нравственную сторону. Этим человек отличается от животного. Животное тоже живёт и также умирает, но оно не знает ни своей жизни, ни своей смерти, оно не думает и не соображает, оно просто живёт и чувствует. Человек отчётливо сознает своё существование; постоянно видя смерть на других и представляя себя в таком же состоянии, он невольно задумывается и предаётся потоку мыслей, исходящих из самой глубины сердца, вызывающих самые своеобразные ощущения.

В эти минуты все чувства его не только не находят ни малейшего отголоска в науке, но, напротив, окончательно противоречат всем данным её. Несмотря ни на всё наше уважение к науке, ни на привычку всюду следовать и всегда преклоняться перед ней, какой-то внутренний голос или какое-то безотчётное влечение заставляет нас в эти минуты совершенно отказываться от неё, отчёт-

ливо сознавать всю её пустоту и ничтожество, в сравнении с глубиной и полнотой волнующихся в нас чувств, удаляющих нас от всего житейского вещественного и материального.

Если же в таком состоянии находится большинство людей, стоящих у одра умирающего, то что могли бы мы сказать о самом умирающем в полном сознании и памяти? Какие чувства и представления заполняют последние минуты его жизни? Какие мысли роятся в его голове? Многочисленные примеры показывают, что все люди умирают с одним и тем же убеждением будущего и бесконечного бытия. В эти минуты человек не допускает и мысли, чтобы его личность пропала бесследно; он чувствует, что существование его не кончается, что смерть есть только следствие слабостью организации его, но что дух его остаётся здоров и бодр. Мы видим самых ярких атеистов, которые ещё накануне смерти отдали бы голову на отсечение, что всё существо их ничего, кроме игры атомов, в себе не заключает, но которые в торжественные минуты смерти смирились, признавали свои заблуждения, плакали как дети и прибегали к помощи Бога. Так создан человек! Люди упорные, с сильным характером, бывают в состоянии удержаться от подобных нарушений атеистического принципа, который они преследовали в течение всей их жизни. Они бывают в состоянии даже во время своего смертного часа, идя против своей природы, заглушить в себе внутренний голос насмешками и остротами, направленными на самих себя, на верующих и даже на Самого Бога. Подобные смерти оставляют всегда впечатление полнейшего разлада всех внутренних чувств и ощущений с внешними действиями человека.

Мы с самых ранних лет привыкаем безмолвно уважать и беспрекословно следовать за своей наукой, мы вполне убеждены, что только через неё мы можем получить знания. Мы через неё ищем одного доказанного, непреложно-верного всего умственно возвышающего нас над окружающей природой и тварями.

Рядом с этим мы видим массу настроенных церковей; миллионы молящегося в них народа; пастырей церкви, проповедующих одни прекрасные истины, смысл и глубина которых поражают нас. Но это не те истины, это не тот приём, не те начала, что даёт наука, а потому они чужды нашему пониманию. Мысли эти так резко

противоположны всему тому, что усваивалось нами с самых ранних лет, благодаря нашей науке. Пастыри церкви говорят, что видимый мир создан Богом, что всё, что живёт, есть творение Его всемогущей Воли, что мы сами живём для будущей жизни, что мы будем и после смерти жить, только в другой форме, в другом месте.

Но наша наука ничего подобного нам не указывает. Материалисты убеждены, что отлично объясняют все явления естественными законами природы, без всякого участия Высшего Разума. Они вполне удовлетворяются своим мировоззрением, которое решительно не нуждается в присутствии Божиим во вселенной. Их физика, химия, физиология, анатомия, космогония и т.д. не нуждаются ни в каких отвлечениях, для полного выяснения всех необходимых положений, и всё, что их интересует в природе, они объясняют одинаково для себя, отчётливо и определённо.

Далее мы видим, что во главе учения Церкви стоят люди безупречные, посвятившие человечеству всю жизнь с полным убеждением, с полной готовностью на всё доброе и на всякие самопожертвования. Они ставят свои убеждения и свои воззрения выше своего покоя, выше своего тщеславия и своей личности.

С другой стороны, мы видим тружеников науки, не менее преданных своему делу. Они своими собственными силами выработали всё, чем только обладает наука, начиная от азбуки и таблицы умножения. Они с полным рвением старались выяснить себе все явления и открыли множество законов природы; все успехи науки слагались через усиленные труды людей, которые относились всегда в высшей степени ревностно к своему делу. Мы не имеем права сомневаться в добром желании каждого из них к отысканию истины и тем способствовать благу человечества, – но! – мы совершенно то же должны сказать и об Отцах Церкви.

От этого недоразумение не устраняется, а, напротив, затруднения только усложняются и растут. Мы говорим: истина одна в мире, двух противоречащих истин допустить мы не можем, а подавно таких, которые по своему смыслу диаметрально противоположны одна другой, а именно: 1) *что Бог есть, и Он начало всего;* 2) *Бога нет, материя господствует и сама производит все.*

Вот какая невероятная пропасть установилась между этими

двумя учениями. Эта пропасть имеет своё начало с того самого момента, как наука стала самостоятельной от Церкви. По мере того, как наука крепла, эта пропасть сколько раз суживалась, потом опять увеличивалась, и образованное человечество мало-помалу совсем перестало интересоваться вопросами веры.

Люди до того сжились и привыкли к этой пропасти, к этому неизмеримому пространству, разделяющему учения Церкви от данных науки, что считают это совершенно нормальным явлением. Мы можем указать множество людей, которые в жизни преданные христиане, веруют в Бога и исповедуют самым ревностным образом свою религию, исполняя беспрекословно все её обрядности, но которые, вместе с тем, в вопросах науки придерживаются крайнего материализма со всеми его последствиями, ведущими к атеизму в науке, а следовательно, к полному отвержению всего духовного и невидимого, всего разумного и волевого в природе.

Кто возьмётся объяснить это чрезвычайно типичное разноречие в понимании вещей, что один и тот же человек может принять основными принципами всех своих убеждений в жизни два совершенно противоположных по своему существу понятия? Он как будто чувствами своими принял и усвоил одно ученье, а разумом – другое, ему противоречащее. И это не только у людей нашего века, но и во все времена истории науки; например, родоначальник европейского атеизма Гессенди был настоятелем ортодоксального католического монастыря в Диньи, приверженец короля, Епископской господствующей церкви и самым ревностным католиком. Лорд Бэкон Веруламский, второй виновник распространившегося атеизма, был не только верующим и человеком, имеющим правильное понятие о Боге, но он был в высшей степени набожным и даже суеверным, ибо лечил заговором бородавки, мозоли и зубы, и верил во всё чудесное и сверхъестественное. Эпикур, представитель атеистов древности, также верил в своих богов, строго исполнял все обрядности своей языческой религии и самым аккуратным образом приносил жертвы своим богам.

Если мы находим такое разнообразие убеждений в одном и том же и притом вполне образованном и разумном человеке, – что нашли бы мы, если бы стали разбирать взгляды целого общества?

Разноречиям, конечно, нет конца, и они действительно доходят до невероятных пределов: что признаёт один, то отвергает другой, и всякий старается сослаться на свою науку и найти в ней оправдание своего материалистического и атеистического мировоззрения.

Вопрос о том, есть ли Бог в природе или ничего подобного нет, и всё это вымысел и заблуждение, слишком важен и серьёзен для каждого человека, желающего правильно смотреть на природу вещей, чтобы в жизни своей делать по возможности меньше ошибок, ибо он составляет основу всякой логической мысли. Вопрос о существовании Бога составляет краеугольный камень всех знаний и должен бы быть первой и главной посылкой всякого логического мировоззрения, а между прочим, наукой он совершенно не выяснен.

Если доказано, что Бога нет, зачем же люди верят в Него и молятся Ему, зачем строят церкви, зачем самовольно лишают себя земных благ, преследуя какие-то вечные истины, надеясь на загробную жизнь и на будущее бесконечное блаженство? Если же признано, что Бог есть, если неоспорим факт, что Разумная Воля правит Вселенной, а не бессмысленные атомы сами управляют собой, то ведь надо серьёзно обдумать всё связывающее нас лично с этим вопросом и всю постановку наших научных основ, дающих камертон всей разумной стороне нашей жизни. И оказалось бы, что надо во многом исправить нашу современную атеистическую науку. В таком случае наука бесспорно упростилась бы во многих отношениях и приняла бы совершенно другой характер; из односторонней и сухой она превратилась бы в великую, возвышенную и божественную науку, что более приличествовало бы истинному и святому её назначению.

Но адепты положительных наук протестуют заранее и не допускают подобного строя или характера в науках. Придерживаясь позитивной философии Огюста Конта, они говорят, что каждая отдельная мысль и каждый класс человеческой идеи проходит через три фазиса мышления: в младенческом состоянии – мысль теологическая, затем переходит в метафизическую, и венец знаний должен иметь мысль положительную.

В первом периоде человек объясняет явления природы каким-нибудь произвольным образом на основании предполагаемых им

аналогий. Недостаток его знаний заставляет его смотреть на природу, как на арену произвола и минутных прихотей верховных существ, где разыгрываются самые разнообразные и изменчивые роли. Необыкновенные случайности наводят на людей страх, и они принуждены объяснять их какими-нибудь чудесами.

Во втором периоде, в метафизическом, замечается несравненно большая состоятельность *разума*; человек начинает требовать для объяснения явлений каких-нибудь априорностей, прирождённых способностей и свойств, переходит на *сущности* и, на основании замеченного им *постоянства* в явлениях, приходит к заключению, что они совершаются не вследствие какого-нибудь *вмешательства* со стороны внешнего существа, но вытекают из свойства самих вещей.

В третьем периоде, в позитивном, человек объясняет явления природы раскрытыми ему законами, основанными на очевидной и бесспорной достоверности и имеющими своё оправдание в долговременных и тщательных вековых исследованиях. Законы эти не только доказательны для разума, но и согласны с действительностью, так как отличительный характер науки заключается в том, что она постигает явления природы и предвидит их. Наука есть предвидение. Достоверность есть её основа и её слава.

Ссылаясь на эту классификацию знаний, адепты науки, считая себя в третьем периоде развития мысли, как более близко стоящие к источнику разума и познания, не удивляются, что все прочие, менее образованные люди, чем они сами, находятся ещё в первом фазисе развития, а потому верят ещё в Бога и поклоняются Ему. Несмотря на глубокую уверенность, с которой Огюст Конт и его последователи относятся к этой классификации, она возбуждала целые потоки опровержений. Очевидно, что подобный взгляд на цивилизацию не верен. Например, Гизо, более Конта сведущий в исторических фактах и более его наблюдательный, совершенно противоположного мнения. «Невозможно, – говорит он, – искажать сильнее историю человека и мира. То, что Конт признаёт тремя последовательными периодами жизни рода человеческого, ничто иное, как полное и постоянное состояние человечества. Изучение физического мира, теологические воззрения и метафизиче-

ские выводы далеко не обладают положительным значением. Различные взгляды и труды – необходимая принадлежность человеческой природы. Никогда и ни в какой стране люди не переставали и не перестанут поклоняться Богу в духе и истине, также как и не перестанут заниматься изучением физического мира для удовлетворения своих нужд. Народы и века имеют различные нравственные направления; религиозная вера, метафизическое воззрение и научное любопытство более или менее продолжительны и развиваются то одиночно, то вместе». (*Méditations sur la religion chrétienne, tome II, page 285*).

Люди, верующие в Бога, положительно возмущаются подобной классификацией и говорят: чтобы составить такую классификацию, надо абсолютно исказить действительность и не видеть фактов и существующего порядка вещей в истинном их свете. Можно было бы признать эту классификацию верной только в таком случае, если бы действительно атеизм и материализм как в отдельных личностях, так и в целых государствах, возрастал пропорционально знаниям, образованию и развитию людей. Если бы мы могли видеть, что чем отдельная личность или чем целое государство более развито, обладает более обширными знаниями, чем выше поставлен его культ и интеллектуальность, – то тем и понятие их о Боге и о религии слабее. Но ведь этого решительно нет: это крупное заблуждение!

Обратите внимание на два государства, считающиеся самыми образованными в мире, на Англию и на Америку; там атеизма решительно нет и никогда не было ни в народе, ни в учёных кружках, ни в обществах. Если бы конечный результат научных знаний и интеллектуального развития доводил бы до атеизма, то его надо было бы искать в этих государствах, но как раз там его нет.

В Англии, говорит профессор М.П. Погодин, материализм XVII столетия принёс даже некоторую пользу, – он значительно умерил господствующий там сильнейший клерикальный педантизм и, таким образом, установил более правильный взгляд на науку и искусство, вследствие чего сделал образование доступнее для всех классов народа. В особенности выиграло от этого бедное население, ибо оно заставило обратить на себя внимание аристократии, что несомненно отразилось благоприятно на увеличении

их торговли и промышленности. Материализм XVIII и XIX столетий решительно не имел успеха в Англии.

Атеизм и материализм господствовал в Германии и во Франции в середине и в конце восемнадцатого столетия. Вот когда, как показывает история, он поглощал всю образованную публику, все учёные общества и университеты. Но с тех пор это мировоззрение, с усилением образования и возвышением общего уровня развития, уменьшается и понемногу пропадает.

Во Франции вообще относились всегда безразлично к вопросам веры. Там никогда не было ни глубокой и педантичной веры, какую можно встретить, например, в Англии, ни абсолютного отрицания. Французский народ всегда отличался своим лёгким, фривольным характером, он верит и не верит в одно и то же время, ибо это не составляет сущности его убеждений; у него от веры до безверия один только шаг, переступить который он не задумается, лишь бы это соответствовало его настоящему настроению и удовлетворяло его желаниям и страстям. Атеизм же в нашем девятнадцатом веке никогда не был модным веянием Франции.

В настоящее время в Германии атеизма в публике совсем нет; в учёных кружках и у профессоров он большая редкость, остался он ещё у студентов. В Германии народ всегда стоял близко к европейским учёным, которые работают и оглашают свои труды, за которыми каждый следит, совершенно разумно и добросовестно разбирает их, исправляет их ошибки, отвергает или принимает их учения. Там каждый имеет возможность доходить до сомнений и отрицаний строго осмысленным и научным путём, – путём анализа, критики и свободным обменом мысли. Занимаясь свободно, легко и непринуждённо, дойдя иногда даже до края бездны атеизма, он всегда имеет возможность рано или поздно опомниться, одуматься и выбраться на истинную дорогу. Там разгульные студенты, откупив положенное время, делаются строгими лютеранскими пасторами; – а наши, русские учителя, а тем более ученики, находятся гораздо дальше от центров образования, поэтому и знания их более поверхностны и достаются им гораздо труднее. В Западной Европе, говоря вообще, вместе с материализмом проникает в народ сперва образование, а затем уже немного атеизма; у нас же это делается наоборот: материализм поселяет гораздо больше атеизма,

чем просвещения.

Нельзя не согласиться с почтенным профессором М.П. Погодиным, который говорит, что ни в одной стране подобный материализм не отражается так пагубно на нравственное состояние полубразованного люда, как у нас в России, и если материализм всегда оспаривался и возбуждал сильнейшие протесты в Западной Европе, то тем более это должно относиться до нас, при сравнительно низшем уровне умственного и нравственного культа и при чрезвычайной восприимчивости и впечатлительности, свойственной характеру нашего молодого и только что возрождающегося народа. Теперь в девятнадцатом столетии происходит у нас в России то же, что было во Франции и в Германии в восемнадцатом веке, т.е. сто лет назад. Образованная публика не убеждена в логичности своих религиозных воззрений и, не умея совместить требования церкви с практикой своей жизни, охотно примыкает к более простейшему мировоззрению и модному веянию, просто отрицает то, чего не понимает, и обходит молчанием или всеми силами маскирует то, чего не знает, считая позорным в обществе выказать своё незнание или непонимание чего-нибудь.

Кроме того, русская литература не очень заботится о народной пользе, она бедна, однообразна, малодоступна для большинства и всегда потворствует господствующим вкусам и моде времени, чем ещё больше разжигает страсти и укореняет каждого в его пороках, страстях и в его фальшивых взглядах. У нас не публика следит за литературой, не литература ведёт публику по пути прогресса, но литература старается лишь поддакивать публике и угодить её вкусам и желаниям. При этих условиях, если кому-нибудь и удастся отрезвиться, – он оказывается совершенно беспомощным и положительно не знает, каким образом оправиться, где почерпнуть данные, могущие сколько-нибудь направить его новый взгляд, соответствующий тому настроению, которое приобретено им, как следствие разбитой жизни и полного разлада внутренних чувств с привычками ума; и умирают они, как выражается профессор М.П. Погодин, в мучениях телесных и нравственных.

В России между профессорами университетов и академий атеисты встречаются реже, чем между учителями школ и гимназий, и

гораздо больший процент их найдётся между самими обучающимися. Наибольшее число закоренелых атеистов бесспорно находится между людьми, не имевшими достаточно умственных сил окончить университет или другие высшие учебные заведения.

Было бы совершенно понятно, если бы люди одной какой-нибудь школы или какой-нибудь одной отрасли знания делались повально атеистами; тогда, конечно, можно было бы сказать, что учение этой отрасли знания ведёт к атеизму; например, если можно было бы усмотреть, что люди, изучившие естественные науки или медицину, или вообще те научные предметы, которые занимаются строением человека и животных, или их происхождением, или те, которые указывали хотя бы косвенно на то, что такое жизнь, в чём заключается сущность её и причины возникновения материального мира, – делались бы все повально атеистами; но этого мы решительно не видим; например, между студентами-медиками и естественниками столько же атеистов, сколько между студентами-филологами, юристами и математиками, наука которых решительно не имеет соприкосновения ни с чем, что могло хотя бы косвенно им доказывать и опровергать существование Бога. Наука их не имеет ничего общего ни с религией, ни с чем-либо духовным и, казалось бы, не могла никаким образом влиять на их религиозные убеждения, а в действительности она оставляет за собой безверие.

Совершенно то же мы увидим, хотя, может быть, и в меньшей степени, между техниками и инженерами.

Наконец, атеизм можем мы встретить между коммерсантами, биржевыми деятелями, торговцами, чиновниками, разночинцами разного рода, и положительно надо удивляться: из каких таких особенных познаний могли они почерпнуть своё безверие? Знания их вообще небольшие, то, что они знают, – знают поверхностно, неосновательно, отрывочно и без всякой последовательности; вопросами веры также они никогда не занимались, а при каждом удобном случае с величайшею готовностью высказывают крайние мнения самой авторитетной оппозиции.

Факт давно доказанный, что представители истинных высоких знаний во всех странах мира, адепты чистого идеального человеческого разума, которых Иммануил Кант в своих философиях так справедливо противопоставляет практическому разуму, люди,

увенчавшие себя пальмами первенства мировых открытий в научном мире и действительно способствовавшие общему прогрессу науки, – были все людьми, глубоко верующими в Бога и в загробную жизнь. Ньютон никогда не позволял себе произносить имя Бога, *не сняв предварительно шапки*, и чем выше было понимание природы, тем и глубже была вера каждого учёного, ибо перед ним всё шире и глубже открывалась необъятная и беспредельная премудрость Божья, перед которою приходилось только преклоняться и смиряться.

Доказательство тому мы увидим ниже.

ГЛАВА II.

Мировоззрение учёных.

Истинные учёные относились всегда очень осторожно ко всякого рода отрицаниям, а тем более – к отрицанию Бога. Они всегда понимали, что прямая обязанность и назначение науки заключается в том, чтобы искать и доискиваться объяснений именно всего непонятого для неё. Все факты и явления, как ни казались бы на первый взгляд загадочными и чудесными, не могут быть отвергнуты наукой; было бы совершеннейшим отступлением от самого коренного назначения науки отрицать неразъяснённый факт, или отвергать непонятое явление, ибо, в конце концов, рано или поздно, все они должны получить своё научное разъяснение, становясь таким образом совершенно ясными данностями науки.

Лейбниц прямо предостерегает каждого от ошибок отрицания. Он говорит: «Я всегда находил, что большая часть учений оказывалась справедлива в том, что они утверждали, и почти всегда ошибалась в том, что они отрицали», т.е. в том, что они признавали нелепым. В этих простых словах ясно проглядывает то всеобъемлющее глубокомыслие, вследствие которого Лейбниц отделяет великих мыслителей и людей, действительно преданных науке, от дилетантов и полуобразованной толпы. Обыкновенно принято судить обратно: умными людьми называть тех, которым нравится отрицание, которые во всём сумеют найти смешную сторону, которые всё бранят, ничего не одобряют, а только отрицают. Эти личности вполне упускают из вида, что каждое утверждение, может быть, не совсем точное или даже совершенно ошибочное, – есть

всё-таки продукт мысли или исследования, имеющие всё-таки какое-нибудь основание, тогда как простое отрицание, без серьёзного и основательного опровержения, является всегда продуктом незнания и непонимания.

Истинная наука никогда не высказывалась в смысле отрицания Бога; такого примера никто нам указать не может, ибо его никогда не было. Напротив, чем глубже знания человека, тем определённое его понятия о познании Божества; в этом смысле высказывались, по крайней мере, многие учёные, и даже Ньютон сказал: «Чем дальше человек проникает тайны природы, тем яснее перед ним открывается Единство Предвечного Плана».

Если бы истинное глубокое изучение науки доводило до отрицания Бога, то все высшие и лучшие представители науки, или, все, так сказать, столпы человеческих знаний были бы вместе с тем и самыми рьяными атеистами; но этого нет, — они оказываются глубоко верующими людьми, все признавая истинного Бога Творцом Вселенной и Руководителем всего сущего:

Для большей наглядности приведём их подлинные выражения:

1) Анаксагор первый в философии высказал противоположность между чувственно-ощущаемой материей и разумным Духом. Он учил, что из покойного, хаотического состояния, в котором находились сначала омиомерии (однородные частицы вроде атомов), они перешли к движению не вследствие необходимости, как учил Эмпедокл, а по воле Управляющего миром, Духа, находящегося вне мира. (Истор. Философии Бауэра).

2) Сократ заключил свою знаменитую речь, произнесённую им после объявления ему смертного приговора, следующими словами: «Теперь нам пора расстаться, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить; но кого из нас ожидает лучшая доля, — это неизвестно никому, кроме Бога». (Апология Сократа).

3) Платон доказывал, что понятие о существовании Бога присуще каждому человеку и что оно волнует и увлекает наши души сознанием нашего сродства с Ним. «Бог, — говорит он, — есть Единое Существо, обнимающее все другие и заключающее в себе причину всего, что существует на небе и на земле. Бог есть высшая идея». С какой бы точки зрения мы ни взглянули на космогонию

Платона, примем ли мы, что Бог создал Идею или что Он только преобразовал бесформенную материю по образцу идей, – в обоих случаях, по учению Платона, Бог есть высшая Идея всякого бытия, Он есть Великий Разум, Источник всякого разума, Солнце, светом Которого озарён мир. Бог есть совершенство, Он всегда одинаков, Ему чужда зависть, и Он всегда желает только хорошего. Познать Бога в совершенстве невозможно для смертных, можно иметь только приблизительное понятие о Нём, или о том, с чем Он представляет сродство. Он должен быть добрым, потому, что доволен Собою, равным образом и мир должен быть прекрасен, потому что создан Им. Но почему Бог создал мир? Потому что Бог чужд зависти и желает, чтобы всё как можно более походило на Него; ввиду этого Он убедил Необходимость сделаться постоянной и гармоничной и дать преобразовать себя по совершенному образцу. «Убедил» – это выражение Платона. Согласно его воззрению, существуют два вечных принципа: Разум и Необходимость, из смешения которых произошёл мир, но Разум убедил Необходимость дать себя преобразовать по совершенному образцу. Приводя в порядок хаос, Бог обратил его в Красоту. (Льюис, т. I, стр. 215).

4) Аристотель. Принцип аристотелевской теологии очень хорошо и очень сжато изложен у Ибервега, (Grundriss, 1, 4 Aufl. S. 175 u.f.): «Мир имеет свой принцип в Боге, Который есть принцип, не только таким образом, как порядок в войске, как имманентная форма, но и как сама по себе и для себя сушая субстанция, подобно полководцу в войске». Его заключение теологии показывает лежащую в основании этическую тенденцию, но онтологическая опора отвлечённого Бога заключается в положении, что всякое движение, а также и развитие от возможности к действительности, имеет движущую причину, которая сама по себе недвижима. Как всякий отдельно возникший объект предполагает действительную движущую причину, так и мир вообще предполагает абсолютного Первого двигателя, который образует косную саму по себе материю (Ланге т. I, примеч. V, стр. 67 – 68). В своей логике и метафизике Аристотель учил, что каждый предмет состоит из материи и формы, т.е. из материального субстрата и из идеи, по которой образуется материя. Поэтому для объяснения всего мира достаточно признать два начала: совершенно бескачественную материю и чи-

стую форму, или бескачественное мышление. По этому Божественному мышлению материя принимает различные формы, когда возможность (потенциальность) переходит в ней в действительность (акциональность). Такое безначальное и бесконечное происхождение есть движение, никогда не достигающее своей цели, – само Божество. (Истор. Философии Бауэра).

5) Учение стоиков отличалось существенным образом от начал аристотелевского учения тем, что признавало Божество телесным и считало материю не вечной, а сотворённой Божеством, которое само себе образовало своё собственное тело. (Истор. Филос. Бауэра).

б) Александрийская школа учила, что Бог, как бытие и мысль, есть Бог, представление о Котором выработано человеческим разумом, и подняться до высшего понятия о Боге человек не может. Однако уже то, что разум наш сознаёт в этом отношении своё бессилие и уверен, что Бог есть нечто невыразимое и непостижимое, приводит нас к убеждению, что *en dernière analyse* Бог не есть бытие и Мысль. Что такое мысль? Каков её тип? – Очевидно, типом её служит человеческий разум. Но что показывает нам исследование человеческого разума? – Оно проводит нас к заключению, что мыслить – значит сознавать какой-либо объект, от которого мыслящий отличает себя. Мыслить – значит сознавать себя, отделять свою личность от всех других объектов, определять отношение своего «я» к «не-я». Но вне Бога нет ничего, следовательно, в этом случае не может быть и речи об установлении различий, о самоопределении и взаимных отношениях. Таким образом Бог, в Своей высшей форме, не может думать, Он не может быть мыслью, не должен быть выше её. Отсюда необходимость третьей ипостаси, которая является третьей лишь в порядке обнаружения её логическим анализом, не должна быть первой в порядке бытия; эта ипостась есть единство.

Единство не есть ни бытие, ни разум, но выше того и другого, выше всякого действия, выше всякого самоопределения. Как сложное содержится в простом, а многое в едином, точно так же простое содержится в единстве. Пока мы не признаем этого абсолютного единства, мы не овладеем сущностью предмета, ибо как

возможно составить себе понятие о ней вне этого принципа единства? Что такое индивид, животное, растение, как не единство, главенствующее над множеством? Что такое само множество – армия, собрание, стадо? Это связь, соединяющая части самых сложных предметов. Единство безусловно, неизменно, бесконечно и в самом себе находит удовлетворение; это не единица в арифметическом смысле и не неделимая точка. Единство есть абсолютное, всемирное Единое в его совершеннейшей простоте. Это высшая ступень совершенства, идеальная красота, высшее Добро. (Льюис, т.1., стр. 290, 291).

7) Декарт учил: «Дабы познать природу Бога, насколько это доступно моей природе, я должен только соображать о каждой вещи, идею коей в себе имею: было бы совершенством или недостатком владеть ею? Я могу быть уверен, что всё, отмеченное каким-либо несовершенством, отсутствует в Нём, всё совершенное в нём находится. Таким образом в нём не может быть сомнений, непостоянства, грусти и подобных вещей, не иметь которых и я был бы рад. Далее, я имею идеи о многих вещах телесных и чувственных, ибо, хотя я и предположил, что нахожусь в состоянии сновидения, и что всё мною видимое и воображаемое есть обман, я должен был, однако, признать, что идеи эти действительно присутствовали в моей мысли. Но познав очень ясно, что во мне разумная природа вполне разделена от телесной, и соображая, что всякая составленность свидетельствует о зависимости, а зависимость есть явно недостаток, заключим, что быть сложенным из двух природ не было бы для Бога совершенством, и что, следовательно, в нём нет такой составленности. А если есть во вселенной какие-либо тела, умы или иные натуры, не имеющие совершенства, то всех их бытие должно зависеть от Его могущества, так что без Него они не могли бы просуществовать и одного мгновения.

«Наконец, если есть ещё люди, которых и приведённые доводы не убедят в существовании Бога и их души независимо от тела, то пусть знают, что все другие вещи, в кои они, может быть, более верят, как-то: что они имеют тело, что есть звёзды, земля и тому подобное, – менее достоверны». (М. Любимов, Филос. Декар. 1886, стр. 117 – 119).

Посвящая свои «Размышления» Сорбонне, он говорит: «Я всегда думал, что два вопроса – о существовании Бога и о сущности души – должны считаться самыми главными в ряду тех вопросов, решать которые следует скорее философии, чем теологии; ибо, хотя для нас, верующих, совершенно достаточно верить в Бога и в то, что душа не погибает вместе с телом, но, без сомнения, неверующих невозможно заставить признать какую-либо религию или даже какую-либо нравственную добродетель иначе, как путём доводов разума». (Льюис, т. II, стр. 81).

8) Лорд Бэкон Веруламский находил, что учение о Боге не должно отделяться в воззрениях человека от того религиозного понятия, которое внушает Церковь; как мы должны против своей воли повиноваться Закону Божию, так точно должны приноравливаться к вере там, где она противоречит нашей природе. Чем сверхъестественнее кажется Божественная тайна, тем бóльшую славу воздаём мы Богу, когда веруем в Неё. (Истор. Филос. Бауэра).

9) Спиноза был долгое время пугалом для теологов и для робких мыслителей и всегда представлялся каким-то чудовищем, атеистом, и притом, к вящему ужасу, атеистом-евреем; даже те, которых не пугал самый смысл его системы, всё-таки считали его не более как холодным логиком. Но в сущности этот мощный диалектик был мудрым, добродетельным и любящим человеком.

В течение всей своей в высшей степени несчастной жизни, отверженный всеми, окружённый самой безысходной нищетой, он отличался высоким мужеством, не оставившим его и в его последние минуты, и при холодном, спокойном стоицизме он обнаруживал всегда детскую весёлость, исходящую из его мягкой и доброй души. В учёном мире распространял свои доктрины, на разработку которых потратил огромный труд, но детей он постоянно поучал аккуратному посещению богослужений.

Он имел обыкновение беседовать с своим хозяином и хозяйкой, по возвращении их из церкви, о слышанной ими проповеди и о той пользе, какую она им приносит. Ему был чужд тот неблагоприятный прозелитизм, который разрушает известного рода убеждения в умах, не способных принять убеждения другого рода. Од-

нажды хозяйка спросила его, – убеждён ли он, что её религия спасет её. Он отвечал: «Ваша религия хороша, и вам не следует искать другой; не сомневайтесь в том, что она спасёт вас, если вы присоедините к своему благочестию мирные добродетели семейной жизни». (Истор. Фил. Льюиса, стр. 105).

Шлейермахер (Rede über die Religion, стр. 47) восклицает, говоря о Спинозе; «Отдайте вместе со мною прядь своих волос праху святого, но отверженного Спинозы! Всемирный дух одушевлял его: бесконечное было для него началом и концом всего; вселенная – его единственная и вечная любовь; он исполнен был религиозного духа и религиозного чувства, и в этом отношении он стоял одинокий и непонятый; достигнув совершенства в своём искусстве, он высоко возносился над толпою, не имея никаких приверженцев и даже лишённый прав гражданства».

Одни из главных положений его этики суть следующие: «Есть одна только бесконечная субстанция, – она есть Бог. Всё, что существует, существует в Боге; вне Его ничего нельзя себе представить. Он есть всемирное существо, по отношению к Которому все предметы суть проявления Его. Он есть единственная субстанция; всё же другое есть модус; без субстанции, однако, модус не может существовать. Бог, как соединение атрибутов бесконечной субстанции, есть *natura naturans*, а как проявление, как ряд модусов, под которыми являются Его атрибуты, Он есть *natura naturata*. Он – причина всего, причина постоянная (имманентная), а не преходящая. Он имеет два бесконечных атрибута – Протяжение и Мысль. Протяжение есть видимая мысль, а Мысль есть невидимое протяжение; это объективная и субъективная стороны, тождество которых есть Бог. Всякий предмет есть модус Божественного атрибута мысли. Декарт считал субстанциями протяжение и мысль, но что это несправедливо, ясно из того, что и то и другое мыслятся не *per se*, но *per aliud*. Если нечто протяжённо, то оно есть не само протяжение, но что-то предшествующее ему, оно есть субстанция. Субстанция не создаваема, но она сама творит в силу внутренней сущности своей. Существующих предметов может быть много, но существование только одно; точно также и форм много, но субстанция только одна. Бог есть “*Idea immanens*” – Единое и Всё». (Истор. Филос. Льюиса, стр. 115, 116).

10) **НЬЮТОН** в своей «Optics» говорит так: «Первоначальное устройство таких чрезвычайно искусных частей животных, как глаза, уши, мозг, мускулы, сердце и проч., также инстинкт зверей и насекомых, – всё это не может быть произведением чего-нибудь другого, кроме мудрости и искусства могущественного, вечно живого Деятеля, который, будучи во всех местах, может двигать телами, заключёнными в его безграничном и однообразном чувствилище, и таким образом образовать и преобразовать части мира гораздо легче, чем мы можем двигать по нашей воле частями нашего тела. Мы не смотрим однако же на мир, как на тело Бога, и на части мира – как на части Бога. Бог есть однообразное существо, лишённое органов, членов или частей, и они суть Его создания, подчинённые Ему и служащие Его Воле.

Органы чувств не служат для того, чтобы ощущать образы вещей, а только для того чтобы доводить эти образы до чувствилища, Бог же не имеет нужды в таких органах, так как Он повсюду присутств. самым вещам». (Мир как Целое, Страхова).

11) **Лейбниц** считал правильное понятие о Боге неизбежным и необходимым; ибо если бы не было в Боге, Творце мира, достаточной причины для существования последнего и при том, если бы в нас не было достаточно условий и определённых способов для ведения всего существующего, то можно бы было с полною справедливостью спросить, почему «ничто» не лучше, чем «нечто»?

«Бог, служащий основанием всего бытия, существующий единственно по своей внутренней необходимости, должен естественно соединять в Себе всю реальность, все совершенства; Он есть безграничное существо, чужд всякого отрицания, абсолютная интеллигенция; потому и может быть только один Бог, Его Одного совершенно достаточно». (Истор. Филос. Бауэра).

12) **Гейлинкс Арнольд**: «Если моё тело двигается соответственно моему желанию, то основание этого движения не лежит во мне, не в моей воле, но единственно по воле Бога движение моё это происходит в тот момент, когда я захочу.

Мы заблуждаемся, воображая, что мы в состоянии сделать сами что-либо в этом мире, мы только невольные наблюдатели зрелищ, даваемых Богом». (Истор. Фил. Бауэра).

13) Локк доказывает существование Бога тем, «что мир должен же иметь Творца, так как из «ничего» ничего не может сделаться, всё должно иметь свою причину. Многие естественно-исторические знаменитости XVII века выражались в этом направлении». (Истор. Фил. Бауэра).

14) Кант: «Мы постулируем бытие Бога, как основание нравственного образца действий». (Ланге, т. I, стр. 272).

«Две вещи, – говорит он в заключении своего сочинения (Kritik der pract. Vern., 194), – наполняют меня всё новым и возрастающим изумлением и страхом, чем чаще и продолжительнее я о них размышляю. Это – звёздное небо надо мной и нравственный закон во мне. И то, и другое я отнюдь не должен мыслить скрытым от себя в каком-то сумраке или лежащим в бесконечности за моим горизонтом; и то, и другое я действительно вижу перед собою и моё существование непосредственно связано с их бытием. Звёздный мир начинается с того самого места, которое я занимаю во внешнем чувственном мире, и расширяет мою связь с окружающим в необозримые протяжения миров над мирами и систем за системами... Нравственный закон имеет начало в моём невидимом «я», в моей личности и делает меня членом другого мира, истинно-бесконечного, но доступного только разумному познанию. И в этом новом мире я нахожу себя уже не случайным звеном, но в необходимом и общем соединении (с другими, подобными мне, существами). Взгляд на звёздное небо с его бесконечными мирами уничтожает всё моё значение, как физического существа, он напоминает мне, что я должен буду отдать моё тело нашей планете (которая сама составляет только точку в бесконечном мире), моё тело, в котором малая часть вещества, на короткое время и непостижимым образом получила жизненную силу. Но взгляд на присущий моей личности нравственный закон вновь и бесконечно поднимает моё значение, и именно как разумного существа. Этот закон открывает мне новую жизнь, независимую от моей животной природы и даже от всего чувственного мира, открывает по крайней мере по столько, поскольку я целесообразно подчиняюсь в своих действиях этому нравственному порядку, не ограниченному условиями и пределами этой жизни, но простирающемуся в бесконечность».

15) Шлоссер в своей Римской истории (XIV, 7) говорит: «Таким образом, даже заблуждение и обман людей стали одним из орудий, посредством которых Божество из гниющих остатков древнего мира, развило новую жизнь» (Ланге, т. I, стр. 135).

16) Виктор Гюго окончил своё духовное завещание словами: «В Бога верую».

17) Паскаль: «Божество христиан не заключается просто в Боге, только Творце геометрических истин и системы элементов – это принадлежность язычников. Оно не заключается просто в Боге, Который влияет на жизнь и благосостояние людей, чтобы дать счастливое течение лет тем, которые пред ним преклоняются – это удел иудеев. Но Бог Авраама и Иакова, Бог христиан есть Бог любви и утешения; это Бог, наполняющий избранную душу и сердце, Бог, дающий им чувствовать их нравственную нищету и своё бесконечное милосердие; наконец, Бог, соединяющийся с их душою и наполняющий её блаженством, радостью, доверенностью и любовью.

Бог христиан есть Бог, дающий чувствовать душе, что Он её единственное благо, что весь покой её заключается в нём и что радость её – любить Творца, Который в то же время заставляет её ненавидеть препятствия, удерживающие и не позволяющие любить Его всеми силами. Самолюбие и похоть, удерживающие душу, для Него нетерпимы. Бог даёт ей чувствовать, что хотя она в основании и обладает самолюбием, но что Он один в состоянии её от того исцелить.

Вот как нужно по-христиански понимать Бога; но, чтобы Его узнать, нужно в то же время проникнуться своей нравственной нищетой и своей гнусностью и знать, что имеешь нужду в посреднике, чтобы приблизиться к Нему и соединиться с Ним. Подобные чувства не должны быть разъединены, потому что в таком случае они не только бесполезны, но и опасны. Познание Бога без понимания нашей нравственной нищеты зарождает гордость. Познание нашей нравственной нищеты без познания Христа, производит отчаяние, потому что в нём мы находим Бога, нашу нищету и единственный путь к её улучшению.

Мы можем знать Бога, не зная наши слабости, или зная наши слабости, не зная Бога, или даже Бога и наши слабости, не зная

средств избавиться от них; но мы не можем знать Христа, не зная вместе Бога и наши слабости и средства от них, потому что Христос не только Бог, но это Бог, исправляющий наши слабости.

Таким образом, ищущие Бога без Христа не находят удовлетворительного или истинно для себя полного света, потому что или они не достигают до сознания одного Бога, или если достигают, то бесполезно для себя, от того что находят средства сблизиться с Богом без посредника, как без посредника узнали Его; следовательно, они впадают или в атеизм, или в деизм, – две вещи, почти одинаково не признаваемые христианской религией». (Pensees, page 244 – 246).

18) **Агассис:** «Соотношение родов и видов органического мира указывает на предшествовавший акт свободной, премудрой и всемогущей воли Божией». (Contributions to the natural history).

19) **Малебранш:** «Бог есть начало всех наших представлений и воли в человеческом уме. Он же есть единственная причина движения всех чувственных предметов». (Истор. Филос. Бауэра).

20) **Берклэ:** «Наши представления, – это нечто духовное, истекающее из Бога, – Бог, в котором первообразно соединены все идеи, создаст их в нашем воображении; поэтому идеи могут существовать вне нас, но только в мыслящем существе, – в Боге». (Истор. Фил. Бауэра).

21) **Ватсон,** астроном: «Изучение дивного механизма звёздного неба возбуждает и укрепляет в нас удивление к бесконечному совершенству Всемогущего и живого Бога». (Theoret. Astronomy, 1877, стр. 8).

22) **Астроном Гершель:** «Чем более наука укрепляется в своих знаниях, тем с каждым днём является больше и больше доказательств бесконечной жизни, существования Творца и силы Его всемогущества. Геология, математика, астрономия, естественная история, – все приносят по камню в храм науки, воздвигаемый для восхваления и прославления Творца-Бога нашего.

23) **Кеплер,** открыв три великих удивительных закона, на которых основывается новейшая астрономия, восклицает в заключении *Гармонии мира*. «О Ты, Который чрез свет природы побудил нас желать страстно света Твоего милосердия, чтобы открыть нам свет Твоей славы: благодарю Тебя, Создатель мой и Бог, за то, что

дозволяешь мне удивляться Твоим творениям и любить их! Я окончил теперь подвиг своей жизни, вполне уверенный, что Творец дал мне силу совершить его. Я поведал людям славу Твоих творений настолько, насколько мой ум мог понять их величественную бесконечность. Мои чувства обратились на отыскание истины; и насколько возможно было для меня это, я отыскивал её со всею справедливостью и чистосердечием. Если я, ничтожный червь пред Тобою, рождённый во грехе, высказал что-нибудь противное Твоим благим намерениям, пусть Св. Дух внушит мне это, чтобы я мог то исправить. Если чудная красота Твоих творений возвысила мою душу, и если я искал славы между людьми по мере того, как подвигался в своём труде, предназначенном только к Твоему прославлению, то прости мне по Твоей благодати и милосердию, и соделай, чтобы все мои произведения клонились к Твоей славе и способствовали к благу людей. Славьте Господа, о небесные гармонии, и вы, постигающие земную гармонию, славьте Его! Да прославляет душа моя Творца в продолжении всей моей жизни! Им и в нём существует весь мир материальный и духовный, существует всё, что мы постигаем и чего ещё не постигаем, потому что много ещё предстоит работы над тем, что мы оставляем неоконченным!»

24) Гёте говорит Экерману: «Я утверждаю, что у меня составилось точное понятие о Боге, все мои мнения заключаются в следующем: Бог непостижим, в человеке есть о Нём только смутное предчувствие и тусклое понятие. Но природа и чувство до того проникнуто Божеством, что оно нас руководит и поддерживает! В нём мы живём, дышим и существуем; мы радуемся и страдаем по вечным законам, в отношении которых мы, в одно и то же время, являемся существами действующими и страдательными; мы подчиняемся им часто бессознательно. Дитя ест с удовольствием сладкий пирог, не заботясь о том, кто его приготовил; воробей клюет вишню, не спрашивая, как она выросла.

Понятна ли для нас идея о Боге? Хоть бы мы, подобно туркам, дали Ему сотню имён, всё-таки не могли бы объять всех Его бесчисленных свойств и были бы ещё бесконечно далеки от истины. Высочайшее Существо, Которое мы называем Богом, проявляется в человеке, во всей богатой и могущественной природе и великих

событиях мира; поэтому идея о Нём, составляемая применительно к свойствам человеческим, очевидно недостаточна».

25) Гизо сказал: «Вот факт, который, я думаю, заслуживает внимания противников сверхъестественности. Наукою признано и доказано, что наш земной шар не всегда находился в таком состоянии, как теперь, но что в различные и неопределённые эпохи, он выдержал перевороты и преобразования, изменившие ему вид, физический строй, народонаселение; что человек, в особенности, не всегда существовал на нём, и он не мог существовать в те различные и последовательные периоды, через которые прошёл этот мир. Но как же он появился на нём? Человек может иметь только два объяснения своего начала: или он был совершеннейшим произведением природных сил вещества, или же творением сверхъестественной силы, высшей над веществом; и только двумя причинами – самовозрождением или сотворением – может он объяснить своё появление на земле. Но, признавая самовозрождение (чего я ни в каком случае не допускаю в своём сочинении), этот образ творения мог только рождать существа младенческие в первом возрасте начинающейся жизни, и никто, я думаю, не говорил и никогда не скажет, что силою только одного самовозрождения, человек, т.е. мужчина и женщина – человеческая чета – могли произойти и однажды произошли из недра вещества совершенно сформированными и взрослыми, в полном обладании сил и всех их способностей; только при этих условиях, человек, явившись в первый раз на земле, мог жить на ней, увековечить себя и основать род человеческий. И так, очевидно, другое начало человеческого рода единственно возможно, и только один факт сверхъестественного сотворения объясняет появление человека на земле». (*L'Eglise et la société chrétienne*, 1861, chap. IV).

26) Уоллес: «Большой шаг вперёд составляет то, что мы, вместо всей этой сложной теории, порождающей бесчисленные дилеммы и противоречия, можем предложить гораздо более простое и основательное мнение, именно: материя не существует, как сущность, отличная от силы, и что сила, в свою очередь, есть продукт духа».

Философия уже давно показала, что мы не можем доказать существование вещества, как его обыкновенно понимают, и в то же

время она допускала, как доказанное для каждого из нас, наше собственное, самосознающее существование. Теперь наука пришла к тому же результату, что и философия, и это согласие должно бы поселить в нас доверие к тому, чему они вместе нас учат.

«Взгляд, к которому мы теперь пришли, кажется мне более возвышенным и величественным, равно как и более простым чем какой бы то ни было другой. По этому взгляду вся вселенная проникнута разумом и волей. Благодаря ему же, мы, наконец, можем перестать считать невозможным исследования о духе иначе как с точки зрения устаревших представлений о материи. Этот взгляд открывает нам возможность бесконечных форм бытия, связанных с бесконечно разнообразными проявлениями силы, совершенно отличной от того, что мы называем веществом, хотя не менее его реальной».

27) А. Секки: «Организм, каков бы он ни был, есть дело Предвечного Зодчего и то, что мы называем природой, ни что иное, как работа и искусство этого Высочайшего Зиждителя. Он то и дал форму организованной материи, подобно тому, как призвал к существованию и движению грубую материю. Исключить это начало под каким бы то ни было предлогом значило бы закрыть себе путь к объяснению даже таких явлений, где оно ясно. Это до такой степени справедливо, что те, которые хотели бы всё объяснить одной материей, находятся вынужденными одарить её силами и активными свойствами, хотя и весьма разнообразными, но всё-таки недостаточными для достижения их целей; но они забывают, что эти силы стоят в явном противоречии с основным свойством материи – с инерцией. Во всяком случае, последнее звено этой цепи чудных существ всегда будет неразрывно связано с понятием Божества и служит для нас знаменитой аллегорией Гомера».

28) Дарвин, по поводу постепенного усовершенствования глаза на различных ступенях органической лестницы, говорит: «Пусть этот процесс будет происходить в течение миллионов лет; и в течение каждого года на миллионах особей разных видов; – не можем ли мы поверить, что живой оптический инструмент мог бы этим путём стать настолько совершеннее стеклянного, насколько дела Создателя совершеннее дел человеческих?» (Orig. of spec., VI

edit., p. 146). – На последней странице этого сочинения (т. IV, стр. 429) мы находим следующие слова: «Есть величие во взгляде на жизнь с её различными силами, по которому она была первоначально вдохнута Творцом в немногие, или в одну форму».

Кроме того, в заключительной главе той же книги (стр. 421, 422) мы находим следующее: «Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные в этой книге, могли бы быть оскорбительными для чьих бы то ни было религиозных чувств. Весьма утешительно вспомнить, как доказательство того, насколько переходящи подобные впечатления, что на величайшее из открытий, когда-либо сделанных человеком, – на закон тяготения – Лейбниц напал, как на подрывающее естественную религию и непочтительное по отношению к религии откровенной. Знаменитый писатель и вместе духовное лицо писал мне, что он постепенно научился видеть, что верование в то, что Бог создал небольшое число первобытных форм, способных к саморазвитию в другие необходимые формы, составляет столь же верное и столь же возвышенное понятие о Божестве, как и то, по которому Ему понадобились бы новые акты творчества для возмещения пустот, причинённых действием Его же законов». (Данилевский, Дарвинизм, т. I, стр. 8, 9 и 11).

29) Карл Фохт в Естественной истории Мироздания (перев. Пальховского, Москва, 63, стр. 18), говоря о небесных телах, заканчивает главу нижеследующими словами: «Как велик и как прост весь этот процесс! Только Божество могло задумать и выполнить его; человеку же остаётся только размышлять о нём и исследовать его. И, конечно, мы через это приближаемся прямым путём к нашему Величественному Отцу, Который может всё задумать, – соприсутствуем Ему и пребываем на Его совете; если же этого нельзя, то падите в прах и молитесь безмолвно».

30) Тиндаль кончает свою речь, читанную им в British Association, в Белфасте, в 1874 году, следующими словами: «Мир вмещает в себе, наряду с Ньютоном, Шекспира, наряду с Байлем – Рафаэля, наряду с Кантом – Бетховена, наряду с Дарвином – Карлейля. Ни в одном из них, лишь во всех их вполне выражается человеческая натура. Они не противоплагаются друг другу, они

друг друга восполняют, один не исключает другого, и все соединимы вместе. И когда дух человека, не удовлетворённый всеми ими, подобно пилигриму в тоске по родине, обратится к той тайне, из недр которой он вышел, захочет соединить мысль и веру, когда при этом будет изгнан всякий след нетерпимости и изуверства и ясно будет сознано, что здесь для мысли нигде не может быть положено крайней преграды и что последующим временам должна быть гарантирована свобода установить свои отношения к этой Тайне сообразно со своими собственными потребностями, тогда я, разбив те преграды, которые выставляет материализм, буду утверждать, что здесь открывается поле для упражнения благороднейших способностей, которые, в противоположность *познавательным*, можно назвать *творческими* способностями.

31) Линней, окончив свои наблюдения над организацией растений, восклицает: «Вечный, беспредельный, всеведущий и всемогущий Бог прошёл мимо меня. Я не видал Его лицом к лицу, но отблеск божества наполнил мою душу безмолвным удивлением. Я видел след Божий в Его творении; и везде, даже в самых мелких, незаметных Его произведениях, что за сила! Что за мудрость! Что за неизречённое совершенство! Я наблюдал, как одушевлённые существа, стоя на высшей ступени, связаны с царством растений, а растения, в свою очередь, с минералами, которые находятся в недрах земного шара, и как этот самый шар земной тяготеет к солнцу и в неизменном порядке обращается вокруг него, получая от него жизнь. Я видел, как солнце и все другие звёзды, вся солнечная система, бесконечное звёздное небо движется в пространстве, поддерживается в пустоте по воле непостижимого первоначального двигателя, Существа существ, Причины причин, Правителя и хранителя мира, Господа и Создателя всякого творения...

Все вещи носят на себе печать божественной мудрости и силы; в них заключается наше благо и источник нашего счастья. В пользе, какую они нам приносят, я вижу благость их Творца, их красота показывает Его мудрость, а их гармония – продолжение их существования, их точные размеры и неисчерпаемая производительность показывают могущество этого великого Бога!»!

Не это ли вы называете провидением? Да, это и есть провидение; им только и объясняется устройство мира. Итак, справедливо

верить, что есть Бог, существо беспредельное, вечное, ни от кого не происходящее, не сотворённое, без которого ничего не существует, которое создало и устроило мир. Он невидим для наших глаз, которые наполняет лучами своего света; мы только мысленно постигаем Его, и Его величие таится в глубоком святилище нашего духа». (Бог в природе. Флам. стр. 5).

32) Вольтер, несмотря на то, что всю жизнь нападал на клерикалов и религию, находил богатую пищу для своего остроумия в исповеданиях вер, смеялся над чудесами, отлучениями от церкви, над *кафедрой и катехизисом* и считал за великую для себя честь быть гонимым клерикалами, приправляя всякое столкновение с ними ядами своей сатиры, – всё же верил в существование Бога. В вопросе, следует ли принять достаточное основание для действия Бога, Вольтер ставит очень высоко убеждения Лейбница, который отвечал на это утвердительно; кроме того, он во многих своих произведениях рекомендует взгляды Ньютона на Бога и на целесообразность вселенной. Передавая теорию Ньютона, он прямо выражается следующими словами; «Ньютон рассматривает пространство и время как два существа, существование которых необходимо следует из существования Бога; ибо бесконечное существо существует на каждом месте, следовательно, каждое место существует; бесконечное существо существует бесконечное время, следовательно, бесконечное время есть нечто существующее». (Мир как Целое, стр. 446).

Вольтер не хотел быть материалистом и энергично осмеивал атеизм. В нём бродило, очевидно, неразвитое и не вполне сознательное им начало основной исходной точки зрения Канта, когда он неоднократно возвращается к теме о Боге, которую он резче всего выражает известными словами: «Если бы не было Бога, то нужно было бы Его изобрести». Он чрезвычайно остроумно смеётся над Бэлем, считавшим возможным атеистическое государство, и говорит, что если бы Бэлю дать пятьсот или шестьсот крестьян под его управление, то он сейчас же заставил бы проповедовать учение о Божественном возмездии. Очистив этот взгляд от юмора и колкости, можно безошибочно заключить, что Вольтер считал понятие о Боге вполне необходимым для поддержания добродетели и справедливости. Если он и был очень далёк от того, чтобы, следуя

своим учителям Ньютону и Кларку, заключить мир с Церковью, то он всё-таки оставался всю жизнь верным двум великим основным мыслям из метафизики. Нельзя отрицать, что человек, который со всею силой работал над разрушением церковного верования, автор знаменитого *Ecrasez l'infame*, есть великий приверженец теологии, и что он относится к бытию Бога может быть серьёзнее, чем кто-либо из английских деистов. Для него Бог есть художник, Который создал мир на основаниях мудрой целесообразности. Если Вольтер позднее и перешёл к мрачному воззрению, любящему представлять зло в мире, то всё-таки он был очень далёк от признания слепо правящих законов природы.

Вольтер полагал, что следует потерять всякий здравый человеческий смысл для того, чтобы думать, что уже простого движения материи достаточно, чтобы произвести чувствующее и мыслящее существо (см. Nettener, II, S. 183). Следовательно, не только Творец нужен для того, чтобы создать мыслящую материю, но Творец и не может произвести в ней мышление посредством простого движения вещества. Должна быть особенная сила, которою Он наделяет материей, и эта сила, по всей вероятности, хотя она сама и не есть движение, может вызывать и движение (в произвольных действиях). (Ланге, т. I, стр. 270 – 273).

33) Фихте в *Sittenlehre* (стр. 189 – 194) говорит: «В Бога мы должны верить, а не умозаключать о Нём. Вера есть основа всякого убеждения как научного, так и нравственного. Почему мы убеждены в существовании мира? Мир есть не что иное, как воплощение того, что заключено в нас самих, а между тем мы убеждены, что он существует. Точно так же Бог существует в нашем сознании, но мы признаём Его бытие. Бог есть нравственный порядок мира, только такое представление о Нём истинно. Лишь только мы начинаем приписывать Ему разум или олицетворять Его, – мы необходимо впадаем в антропоморфизм. Бог бесконечен, поэтому Он вне ведения нашей науки, способной обнять лишь конечное, но Он не вне нашей веры». (Льюис, т. II, стр. 298).

«Я убеждён также, что мы являемся в этот мир не для наслаждения, а для тяжёлого труда; всякая радость ниспосылается нам только для того, чтобы подкрепить нас для последующих усилий, и я уверен, что от нас требуется не устройство своей собственной

судьбы, но саморазвитие. Поэтому я вовсе не беспокоюсь о том, что находится вне меня; я стараюсь не казаться, а быть. Быть может, этому я и обязан тем глубоким спокойствием, которым наслаждаюсь; впрочем, и моё внешнее положение довольно благоприятно для такого настроения духа». (Льюис, т. II. стр. 282).

33) Шеллинг. Если отделить его умозрения от чисто диалектических рассуждений, то выводы получаются такого рода:

«Идеализм односторонен. Кроме субъекта, должен существовать объект; оба же они совмещаются в Абсолюте. Этот абсолют не есть ни идеальное, ни реальное, – ни дух, ни природа, но и то, и другое. Он есть Бог; он есть всё во всём, вечный источник всякого бытия. Одна форма, в которой он реализует себя, есть объективность, другая – субъективность. Он сознаёт самого себя в человеке; человек же проявляет разум, как высшую форму своего существования, и посредством этого разума Бог познаёт Самого Себя». (Льюис, т. II, стр. 307).

35) Гегель признавал Троицу, да и вообще вся его система носит тройственный характер. Бог Отец есть вечная идея *an und für sich*, т.е. идея, как необусловленная абстракция. Бог Сын, рождённый от Отца, есть идея, как *Andersein*, или как обусловленная реальность. Происшедшее таким образом разделение сообщает абстракции, путём отрицания, реальное бытие. Бог Дух Святой есть совмещение Бога Отца и Бога Сына или, другими словами, отрицание отрицания и совершенная целостность бытия. Бог Дух Святой есть сознание самого себя как духа, сознание, составляющее условие его бытия. Бог Отец существовал прежде и создал его, это значит, что Бог Отец существовал *an sich*, как чистая идея, прежде чем принять реальность. Он создал мир потому, что творить – это его природа (*es gehört zu seinem Sein, Wesen, Schöpfer zu sein*). Если бы Он не создал мира, Его собственное бытие было бы неполно.

С вышеприведённым воззрением связано и другое, менее точно формулируемое, но столь же распространённое воззрение, согласно которому Бог, создав мир актом Своей воли, предоставил затем мир Самому Себе и не вмешивается в его развитие, как говорит Гёте: «Бог восседает на высоте, смотря на движущийся мир». Но не таково учение Св. Павла, которое он выразил полными глубокого смысла словами: «В нём мы живём и движемся, имеем

бытие». Мы живём в Боге, а не вне Его и не только при посредстве Его. Это и понимает Гегель, утверждая, что творчество не есть единственный акт. Творчество было, есть и всегда будет. Творчество есть реальность Бога, это такая деятельность Его, которая прекращается после одного акта и не исчерпывается им. (Льюис, т. II, стр. 326, 327).

36) Шлейден: «Органы, бывшие в молодости мягкими и гибкими, делаются жёсткими, костенеют и отказываются служить. Прах нашего тела всё больше и больше приближается к праху земли; душа, утомлённая постоянным стеснением, освобождается, наконец, от своей тяжёлой оболочки; тело, происшедшее из земли, предоставляется медленному горению, которое мы называем разложением. А душа одна, бессмертная и нетленная, сбросив вещественные оковы, улетает к вечному Источнику духовной свободы».

37) Клод Бернар: «Если бы нужно было определить жизнь одним словом, я сказал бы: «жизнь есть Творчество». (Introd. a l'étude de la médecine expérimentale, p. 163).

38) Физиолог Бер говорит: «Очевидно, что в основании нападок на телеологию лежит лишь отвержение известной её формы, при которой представляют себе человекообразным Создателя, действующего на пользу человека при каждом отдельном процессе природы. Тогда, конечно, можно находить дурным, что жареные голуби не летят прямо в рот человеку. Тогда происходит странный взгляд, что необходимости не могут служить средствами для достижения целей. Кто же в том виноват, что эти господа исходят из такого жалкого и мелочного взгляда, а не смотрят на законы природы, как на постоянные выражения воли Творческого начала»? (Studien aus dem Geb. d. Naturw. II, 235).

39) Жофруа Сент-Илер в «Principes de philosophie zoologique», развивая теорию Литтре о законном развитии, утверждает, что она не только не отрицает Бога, но напротив есть: «славнейшее проявление творческого могущества и побудительная причина к большому удивлению, признательности и любви к Нему».

40) К.Д. Кавелин в своих «Задачах Этики» решает следующий вопрос: «Как же объяснить то равнодушие и забвение, которым христианская этика подвергалась в XVIII и XIX веках? Если она

есть единственно верное напутствие личной душевной жизни, то как могло случиться, что мы его отбросили, от него отворотились и ищем на всех путях то, что у нас перед глазами и сияет ярким светом глубочайшей правды, проникающей человеческую психическую природу до мозга костей? Многие приписывают это врождённой греховности человека, суемудрию и гордыне, обуявшим человеческий ум до слепоты и ожесточения. Мы не разделяем этого мнения. Дурные и порочные склонности отдельных лиц не могут объяснить повального отступничества от истины и правды. Христианское учение о нравственности – такая же неопровержимая правда личной духовной жизни, как математические, химические, механические и т.д. формулы в особенности положительного, реального знания. Как же можно их отвергать или от них отворачиваться людям с здравым человеческим смыслом, которые во всех сферах и слоях общества составляют огромное большинство? Ссылка на врождённую греховность не имеет, с точки зрения веры, никакой силы и убедительности, так как вероучение прямо говорит, что Спаситель своей земной жизнью и крестной смертью победил грех и смерть и искупил от них человеческий род. Мы думаем, что причины, почему христианское учение временно померкло в сердцах и убеждении людей, должно искать гораздо глубже, – именно в отношениях человека к вещественному миру, посреди и в условиях которого совершается личная жизнь его. Живя под его влиянием, испытывая на себе на каждом шагу его то благотворные, то вредные и губительные действия и влияния, человек, в интересах своего личного существования, вынужден был озаботиться о том, как бы приспособить свою обстановку к себе и себя приладить к ней. Эти заботы общи человеку со всеми другими организмами, но сознание чрезвычайно усиливает, расширяет и разнообразит средства и способы такого рода двоякой деятельности. Не оставаясь непосредственной, как у животных, она у человека переходит в знание; знание, в свою очередь, ведёт к проверке и выработке научных приёмов, способов познания, словом – научного метода, а метод последовательно приводит к исследованию самих источников и оснований знания, законов умственной деятельности и её значения и роли в экономике человеческого существования. Таким образом, не простая любознательность, не идеальное, бесцельное стремление, а потребность, нужда влекли и

гнали человеческий ум от вопроса к вопросу, до самых отвлечённых высот мышления, на которых голова естественно кружится, и человек так же естественно и легко теряет нить, связующую первые робкие и неопытные шаги в области мысли с самыми отвлечёнными задачами ума, как он теряет связь между своим личным существованием и условиями среды, в которой живёт. Что такое этот вещественный мир, действующий на людей сам по себе, независимо от человека – вот вопрос, который тотчас же задаёт себе человек, как только в нём пробудилось сознание, и этот вопрос занимал его столько же, сколько вопрос о его личном существовании. Оба, по самому существу дела, находились в теснейшей взаимной связи, но в то же время не смешивались, разрешались каждый особо и потому имеют – каждый – свою историческую судьбу и развитие. Исследователи истории человеческой мысли до сих пор мало обращали внимание на это коренное различие двух параллельных её течений» (стр. 52 – 54).

41) М.П. Погодин (О модных толках, стр. 25, 26) говорит: «В природе есть сила вездесущая, невидимая, потаённая, которая производит.... вот зерно, вот капля.... Как из этого зерна вырастет пальма, розан, померанец, или из этой капли – верблюд, соловей, человек?... Вы не понимаете, философы, а допускаете, ибо видите своими глазами это происхождение. А скажи вам – Бог, вы Его отрицаете. Бога нет? Что же есть? Вы есть. – Да откуда же вы? Сами сотворили вы себя, сотворились, произошли сами собою? Может ли быть что-нибудь нелепее таких положений, в которые вы упираетесь, идя путём логики ума?

Вы родились случайно? Живёте как-нибудь и умрёте на авось? И такая философия вас удовлетворяет? Ваш ум не представляет никакого требования более? Вы можете жить спокойно? И вам даже хочется жить?

Человек произошёл сам собою, – так и курица сотворила самоё себя, сотворилась, произошла сама собою, и начала нести яйца. Но откуда же подлетел к ней петух с предложением своих услуг? Курица несёт яйца, но ведь она сама вылупляется из яйца? И так яйцо было прежде курицы? Откуда же это первое яйцо? Как оно произошло? К таким простым вопросам и соображениям снисходит ли ваша наука?

Вы приписываете всё творение какой-то силе: ну, вот это и есть Бог. Слово только другое. Или у вашей силы нет сознания, т.е. она творит чудеса премудрости, будучи сама безумною?

Удивительна дерзость или ограниченность тех философов, которые не ищут объяснить необъяснимое, и в бессилии объяснить ощущают всё и вся.

Кроты роются в земле, рассуждают и спорят о солнце, и вот находятся между ними умники, которые предлагают доказательства, что солнца нет, да и быть не может. Невежество рукоплещет! Несчастные!»

Подобные этим свидетельства можно было бы отыскать и многие другие у разных, не менее учёных людей, если не в их научных трудах, то в их мемуарах, в частных переписках и других произведениях, ибо биографии их показывают, что многие из них были людьми глубоко верующими, как например: А. Гумбольдт, Бойль, Клерк, Ферм, Монтепюи, Д'Аламбер, Либих, Иоанн Бернулли, Бюффон, Галилей, Гэртли, Дальтон, Босюет, Коперник, Кювье, Лафатер, Парацельс, Пристлей, Цольнер, Брем, Гельмгольц, Кётле, Пастер, Тейлор, Фарадей, Бутлери, Сталь, Берклей, Фехнер, Гелленбах, Реймарус, Шарль Бонне, Жан Рено, Дюпон-де-Немур и многие другие. Как читатель видит, мы приводим здесь имена одних только высоко выдающихся над общим уровнем учёных людей, имена которых записаны неизгладимыми буквами в истории человеческих знаний; если бы мы позволили себе включить в этот список учёных, стоящих хотя одной ступенью ниже, то свидетельства их о Боге заняли бы собой место, конечно, гораздо большее, чем вся книга наша.

Казалось бы, что такие веские свидетельства великих учёных должны были бы служить сильной аргументацией в пользу того мнения, что *истинный смысл человеческих познаний не может вести к безверию и к отрицанию Бога.*

Странно было бы, конечно, черпать своё познание о Боге из вышеприведённых свидетельств учёных, ибо каждому из них открыла их наука одну лишь незначительную и бесконечно малую часть Премудрости Божией, из которой они могли лишь до сознательного признания всей необходимости веры в Бога и в Его

Святое попечение о мире и людях. – И это уже великий шаг и самое благотворное влияние, оказанное наукой в истории нравственного развития людей; само же учение о величии Божиим может, конечно, быть почерпнуто только из учения Церкви, которое составляет единственное правильное учение о Боге, превыше всяких научных и философских попыток к распознаванию Его.

Полнота и определённости всех вышеприведённых сообщений безапелляционно решает вопрос о том, что теологическое мировоззрение учёных не может занимать низшую степень в развитии мысли, а занимает самую высшую, так как его придерживались все высшие умы человечества. Это мировоззрение выработано ими после многих десятков лет усидчивой работы над изучением природы и её явлений, после многих сомнений, ошибок и заблуждений, как окончательный результат их жизни, их мысли и их чувствований. Он должен быть примером для всех и в связи со всем вышесказанным может бесспорно решить вопрос о том, что истинные знания и мудрость ведут прямо к познанию Божественной Премудрости, к признанию Бога Творцом и Промыслителем вселенной и к необходимости допущения Высшей бесконечной Воли, правящей и руководящей всем сущим, сотворённым Им.

Но отчего же Огюст Конт и его последователи не обратили на это внимания при составлении своей классификации развития мысли? Ведь это выходит «своя своих не познаша»? Сами учёные причисляют свой лучший цвет, самых мудрейших из себя к низшей степени развития и ставят себя, людей, несравненно менее знающих на такой высокий пьедестал учёности.

Подробно причины тому будут указаны ниже; теперь же мы скажем, что главных тому причин две; а именно:

1) Совершенно так же поступили бы дети, которых заставили бы судить действия своих учителей; не понимая смысла и логики, которые руководят ими и судя лишь по одним внешним проявлениям, дети очень логично выводят по-своему, что учителя мешают им только играть, что для них было бы полезнее.

Огюст Конт и его последователи, обладая несравненно меньшими умственными и научными средствами, не обладая достаточным количеством внутренних сил души, взялись судить о великих

мастерах науки, которые обладали несравненно большими средствами к изучению природы. Огюст Конт не потрудился даже стать на ту исходную точку мышления, которая руководила ими, но судил о них, не отступая от своего материалистического образа мысли; а потому для него и для его последователей учения великих мастеров казались и неясны, и ошибочны, и они никак не могли признать за ними того высокого смысла, который действительно заключался в этих учениях.

2) Вторая причина заключается в неправильном понимании цели и назначения науки, что образует в науке две категории людей: учёных и позитивистов. К первой категории следует отнести адептов истинной и свободной от предвзятых идей науки, и эта наука доводит своих последователей всегда до познания Бога, всего высшего и премудрого в природе, а ко второй категории принадлежат те, которые допускают лишь один позитивный метод при исследованиях природы. Эту категорию людей доводит их позитивизм всегда до атеизма или до самого низшего материализма. Постараемся выяснить это более подробно.

ГЛАВА III.

Цель и назначение науки.

Человек обладает двумя главными силами или способностями души: разумом и духовно-нравственными чувствами.

Какая из этих сил главная?

На этот счёт мнения расходятся.

Одни находят, что, безусловно, разум в человеке важнее, что главным образом надо развивать его и уже ему подчинять свои чувства.

Другие полагают, что миром управляют чувства, и что разум играет подчинённую роль.

Третьи говорят, что без гармонии разума и чувства нет внутреннего согласия в человеке, нет силы и мощности проявлений интеллектуальной деятельности, дающей максимум полезности, а потому не только бесполезно, но и вредно развивать чувства в ущерб разуму, или разум в ущерб чувствам; обе стороны должны быть развиты в одинаковой степени.

Прослушаем гениальнейшее мнение по этому поводу Герберта Спенсера, высказанное им в его брошюре «Классификации наук» (стр. 48, 49 и 50); он говорит: «Не идеи управляют миром и ниспровергают его, мир управляется и ниспровергается чувствами, которым идеи служат только руководителями. Социальный механизм покоится в окончательном результате не на мнениях, а исключительно на характерах. Не умственная анархия, а нравственный антагонизм составляет причину политических кри-

зисов. Все социальные явления порождаются общим строем человеческих ощущений и верований, из которых первые определены почти всегда наперёд, а вторые определяются почти всегда впоследствии. Большинство желаний человеческих унаследовано, между тем как большинство верований приобретается и зависит от окружающих условий; а важнейшие из окружающих условий зависят от того состояния общества, какое породили наиболее сильно господствующие желания. Социальное состояние всякой данной эпохи есть равнодействующая всех честолюбий, своекорыстий, опасений, поклонений, негодований и проч. граждан предков и граждан современников. Общепринятые идеи такого социального состояния должны, в среднем выводе, быть вполне соответственны чувствам граждан и, следовательно, в уровень с тем социальным состоянием, какое породили эти чувства. Идеи вполне чуждые этому состоянию не могут в нём развиваться, а если вводятся извне, не принимаются или же если и принимаются, то вымирают, как только кончается временный фазис чувств, допустивших их принятие. Поэтому, хотя передовые идеи, установившись раз, влияют на общество и содействуют дальнейшему его прогрессу, но установление таких идей зависит всё-таки от подготовленности общества к их восприятию. На деле выходит так: народный характер и социальное состояние определяют, какие идеи должны получить ход в обществе; а не идеи эти определяют социальное состояние и народный характер. Поэтому изменение нравственной природы человека, производимое непрерывным влиянием социальной дисциплины, всё более и более приспособляющей эту природу к социальным отношениям, — есть главная ближайшая причина общественного прогресса».

То же мнение высказывает и Г.Г. Льюис (Философия наук Огюста Конта, стр. 7, 8), а именно, он говорит: «Я уже не раз высказывал греховное убеждение, что умственное мировоззрение не есть наиболее благороднейшее мировоззрение человека. До тех пор не будет существовать философии, удовлетворяющей требованиям человечества, пока не признают той истины, что человеком управляют не его мысли, а его ощущения. Рассудок же служит человеку только *путеводителем*. Другими словами, рассудок есть раб, а не властелин сердца; и наука есть пустое бесполезное дело, заслуживающее так же мало уважения, как и шахматная игра, если она не

ставит себе какой-нибудь великой *религиозной цели*, если она не исходит из какого-нибудь широкого взгляда на человеческую жизнь и предназначение».

Совершенно то же мнение приводил даже сам Огюст Конт в своей “*Système de politique positive*”; он говорит, что „ум должен всецело быть подчинён чувствам, или, переводя это с языка этики на язык логики, что упражнение ума, как и всех прочих наших способностей, должно иметь единственной целью общее благо. Всякое другое употребление ума следует считать не только бесполезным и напрасным, но даже нравственно преступным. Вполне обязанные человечеству тем развитием, которое снабдило нас умственными силами, какие мы имеем теперь, мы должны всецело посвятить эти силы на служение ему. И на этом фундаменте Конт строит выработанную систему полного подавления всякой независимой мысли.

В развитии мыслительной силы Конт не видит нужды, или, пожалуй, видит нужду, но бесконечно меньшую, нежели в покорности и послушании. Он беспрестанно указывает, что, из всех составных атрибутов человеческой природы, ум требует больше всего управления и обуздывания. Это самый буйный, “*le plus perturbateur*”, из духовных элементов нашей натуры – более даже, нежели эгоистические инстинкты. В течение всего переходного периода, начавшегося со времён древней Греции (Конт говорит, что с тех пор мы постоянно находились в революционно-переходном состоянии), ум был в положении систематического восстания против “*le soeur*”.

У Огюста Конта есть обширнейшие трактаты, доказывающие что нет возможности себе представить возрождение человечества без полнейшего прекращения „умственной анархии“ и без „систематизации человеческих знаний“, что может лишь быть достигнуто подчинением ума руководству чувств» (Д.С. Милль 153, 3, 165).

Обдумаем и вникнем хорошенько в глубочайший смысл этих трёх сообщений великих мыслителей. Не приходится ли нам ежедневно убеждаться в справедливости их слов, разбирая лично свою жизнь, жизнь других людей, жизнь обществ и народов и даже строй каждого государства?

Спросим себя, почерпает ли каждый из нас из внешнего мира все впечатления и все знания, которые существуют в мире?

О! далеко нет, – ответит каждый, который хотя немного вдумывался в строй вселенной. Окружающий нас мир так переполнен бездною премудрости и самых разнообразнейших тайн во всех областях и уголках вселенной, которые, конечно, со временем рано или поздно составят предмет изучения; некоторые открываются каждому из нас лишь постепенно, по мере того, как он сам созревает в своём интеллектуальном развитии и делается способным заметить какую-нибудь из них и остановить на ней своё внимание, потому мы должны заключить, что одно и то же явление природы или какой-нибудь факт, или какая-нибудь великая истина, виденная или слышанная нами, производит на каждого из нас совершенно разные впечатления. Одни совсем её не понимают, есть такие, которые неспособны её замечать ни одной силой или способностью своего существа. Из тех же, которые и видят, чувствуют или ощущают этот факт или эту великую истину, всякий объясняет её себе сообразно своему интеллектуальному развитию, с теми оттенками, которые имеет его развитие, и с теми пробелами и отклонениями от общего и истинного смысла этого явления, которые существуют в нём самом, в его существе, но не в разбираемом явлении. А следовательно, тот, кто больше развит, черпает большее число впечатлений из природы, правильнее уясняет себе их и даёт им более близкие к истинному их смыслу толкования, чем тот, кто меньше развит.

Всё ли хорошее, что нам удаётся таким образом почерпнуть из внешнего мира, применяем мы к жизни? Совершенствует ли оно нас и подвигает ли нас по пути развития? Мы всякий день убеждаемся, что видеть и понимать истину не значит быть способным применить её к себе. Всякий из нас знает множество прекрасных и неоспоримых истин, однако, все ли они прививаются к нам и входят в нашу жизнь? Исследуем ли мы те факты и явления, которые в действительности важнее, или те, к которым лежит больше наше сердце?

Приведём примеры:

1) Из области духовной: вспомним учение Христа о всеобщей взаимной братской любви, о смирении и покорности.

2) Из области нравственной: о вреде пьянства.

3) Из области политической: о несовременности войн.

Разумом мы превосходно понимаем все эти истины; они поражают нас своей ясной практической мудростью, полной применимостью к ежедневной жизни нашей на земле, а однако они к жизни не прививаются, разве мало-помалу совершенно незаметным образом.

В этом случае и наука не делает исключений; она охотнее исследует то, к чему она привыкла и более склонна. Изучая мельчайшие детали знакомых ей фактов и явлений, и она оставляет нерасследованными целые области чудесного и загадочного, которые должны бы были возбуждать её живейший интерес. Для примера приведём весьма своеобразный и вполне официально доказанный исторический факт, а именно: целый караул солдат видел одновременно и Императрицу Анну Иоанновну, и её двойника в тронной зале дворца. Подобных фактов много; подвергался ли хотя один из них расследованию позитивизма?

Скажите, кто не восхищался премудрой простотой великих истин и не мечтал о том:

1) Как жилось бы легко на земле, если бы каждый был слугой других и делал бы другим только то, что желал бы, чтобы ему сделали. Всякий понимает, что земля превратилась бы в рай и всякому было бы легко, весело и удобно жить. Жизнь совсем изменила бы свой грубый корыстный характер, страсти и интриги исчезли бы и, положительно, все сделались бы лучше.

Всякий скажет, что высота этого учения не соответствует низкой степени среднего уровня нравственного развития людей, а потому они и не в состоянии применять это учение. Когда-нибудь, в далёком будущем, когда люди станут совершеннее, и эта истина будет всё более и более входить в жизнь людей. При настоящем же строе жизни эта идея составляет одну утопию.

2) Кто не понимает вреда от пьянства? Если бы люди не пьянствовали, сколько бы денег сохранилось, сколько бы уменьшилось преступлений, болезней безобразий, оргий, несчастий, нищеты....

– Разве могут порочные люди не пить? – ответят Вам. – Грусть

свою топят в вине! Можно указать много других более существенных средств, чтобы отгонять свою грусть, но пьянство от этого насколько не уменьшится, пока люди не сделаются нравственно чище.

3) Если бы не было войн – не было бы ни войск, ни военного сословия; как обогатились бы государства! Это видят все. Но всякий понимает тоже, что кроме внешних врагов в государстве есть более злейшие внутренние враги, и имя им: неразвитость, необузданность, дикость, жестокость, эгоизм, алчность, злость, зависть, обман и преступление, которые много хуже внешних врагов. Если не было бы государство сильно и авторитетно, – какой беспорядок царил бы в нём; такая распушенность, что жизнь всякого сделалась бы хуже и трудней, чем жизнь первобытного человека среди хищных зверей, пантер и пещерных медведей. Одним страхом ответственности наказания и можно только сдерживать страсти и злость людскую, и ещё много времени пройдёт, пока чувство долга делается общим достоянием.

4) Лет двадцать тому назад только шептались и передавали друг другу, не иначе как по секрету, о сверхъестественных явлениях, которые существуют по преданию в каждом семействе и о которых не было принято говорить громко, а потому они сохранялись втайне. Теперь начали говорить о них в обществах, и даже открыто. Подобных рассказов миллионы. Неужели эти факты достойны меньшего внимания для исследователя, чем изучение грозы, ветра, северного сияния? Казалось бы, что они должны были возбудить несравненно больший интерес, ибо сами явления загадочнее и чудеснее, а между прочим наука и не думает приниматься за их изучение. Не знать о них учёные не могут; зная же об их существовании, они не могут не поражаться им, совершенно так же, как поражается каждый из нас; отчего же никто ещё не изучает их? Ответ ясен: духовное развитие учёных ещё не возросло до того, чтобы быть в состоянии открыто идти против невежественных модных толков и взяться за такое дело, которое может подорвать их репутацию позитивистов, которой они дорожат ещё.

Мы всякий день убеждаемся, что видеть и понимать истину ещё не значит быть способным применить её к себе.

Пока мы понимаем истину одним своим разумом, а не сердцем

и не чувством – мы никогда не будем в состоянии осилить свою природу, переделать себя и заставить себя делать то, что нам не сродно.

Мы все более порочны, чем добродетельны и потому заметьте, как какая-нибудь гадость, пошлость, сальность к нам быстро прививается! Мы еле успеем услышать её ещё одним ухом – и уже схватили её на лету и готовы исполнить. И сколько трудов нам иногда стоит удержать себя от этого. Вот как быстро принимается злое семя, упавшее на подходящую ему злую почву души нашей. Совершенно противоположное явление происходит, если нам приходится услышать о чём-нибудь высоком, прекрасном и мудром, о том, что выше нашего нравственного развития. Нам доказывают, что это хорошо, убеждают, что стоит нам только принять эту истину, и мы сами будем лучше, и жизнь наша пойдёт ровней, безмятежней, и отношения наши к окружающему миру и к людям станут легче. Мы и сами знаем всё это, но всё-таки упорствуем, опровергаем и подыскиваем разные препятствия, несмотря на то, что хорошо видим всю несостоятельность этих опровержений, и в конце концов, эта истина нами не принята и к нашей жизни не применена.

Одним словом, рассудок наш во всех случаях жизни является рабом сердца и чувств, но не властелином. Разум может понимать истину, но воспринять её человек может только тогда, когда он нравственно достаточно для того развит и для того, кто мало развить, эти истины будут то, что мы называем *недостижимым идеалом*.

Если бы разум был властелином, то что мешало бы человеку заставить своё сердце, свой характер и свои чувства применять в своей ежедневной жизни те высокие истины, о которых он слышал и разумом одобрил, и тогда не было бы недостижимого и не было бы идеалов? Идея, постигнутая разумом, прививалась бы к нам и становилась бы нашей собственной; изменяя соответственно наш характер и привычки, улучшала бы нас самих.

Но природа требует от человека, чтобы он сам сперва подготовил почву души своей для возможности дальнейшего совершенствования; если почва не готова – то и совершенствования нет. Одним словом, человек есть именно то, что он есть, не более и не

менее; и может применять к своей жизни и к себе лично только то, что соответствует его нравственному развитию. Если он желает совершенствоваться, то должен работать над собой, над развитием своих чувств и своего духовного понимания природы вещей. Он должен переделывать свой характер и свои привычки силой своей воли и принуждать следовать идеям высшей правды, высшего добра и совершенства. Без этой борьбы с самим собой нет истинного, внутреннего и душевного прогресса и человек останется тем же, на том же уровне своего развития. Пока у людей и у общества есть идеалы, до которых они стремятся и не могут достигнуть, надо воспитывать их душу и сердце более усиленно, чем разум, ибо разум их и так уже опередил сердце, и дальнейшее его развитие не только не принесёт никакой пользы, но может оказаться вредным, как всякий серьёзный и опасный инструмент в руках ребёнка, не умеющего обращаться с ним.

Теперь перейдём к другому вопросу и спросим себя, что такое наука?

Мы хотели бы видеть в науке обширнейшую хранилищницу или сокровищницу всех без изъятия результатов полезной деятельности всех сил и способностей человека, как разумных, так и нравственных и духовных, ведущих как всё общество, так и каждого отдельного члена его по пути прогресса. По точному смыслу наука должна охватывать все знания людские, какие бы они ни были, в полном их объёме. Всё, что только может улучшать жизнь человека на нашей планете, всё, что может совершенствовать и улучшать самую нашу планету и делать её более лёгкой и приспособленной к удобствам жизни на ней, всё, что возвышает и облагораживает душу человека, или способствует к установлению правильных отношений людей между собой и к окружающей их природе – всё должно было бы иметь свою рубрику в науке и соответствующее место среди человеческих знаний, ибо всё это человеку одинаково и безусловно необходимо; а следовательно, все подобного рода темы должны считаться научными.

Выяснив себе до некоторой степени наш взгляд на цель и на назначение науки, на необходимость как разумного, так и нравственного воспитания людей, рассмотрим насколько наша современная господствующая наука удовлетворяет этим требованиям,

насколько она способствует изучению великих истин и насколько она развивает в нас нравственность, облагораживает и возвышает наши чувства, чтобы готовить почву нашей души, чтобы она могла быть способна к восприятию высших истин.

ГЛАВА IV.

ПОЗИТИВИЗМ.

Разбирая современную господствующую науку, мы далеко не найдём в ней всего того, что желали бы видеть, преследуя наше выше приведённое понятие о цели и назначении наук. Скажем более, – в настоящее время совершенно *нет науки*, а есть какая-то несчастная, жалкая и скомканная наука под весьма горделивым названием *позитивизм*.

Приверженцы позитивизма окружили науку китайской стеной положительных принципов и предвзятых идей, и те знания, которые не соответствуют предначертанной ими программе, не включаются вовсе в область положительных наук.

Начало подобному взгляду на науку положил Огюст Конт в своей позитивной философии; программа позитивизма была выработана его последователями, которые, впрочем, считают, что ни в чём не нарушили коренного смысла первоначального учения своего учителя; но это нельзя считать безусловно верным.

Строго следуя программе позитивизма, в настоящее время исключены из числа наук и совсем к ним не причисляются нижеследующие науки:

1) Вся философия и метафизика, за исключением некоторых материалистических философий, вроде Бюхнера и Молешота, которые названы адептами положительных наук научными философиейми, за отсутствием в них и тени чего-нибудь метафизического.

Огюст Конт сам писал философию, и многие его рассуждения и допущения имеют ясный метафизический характер; притом же

Конт не отвергал необходимости изучения причины, как это совершенно неправильно утверждают многие. «В точном смысле это неверно: он отвергает только вопросы о первоначальном происхождении и о деятелях, отличных от того, что называют причинами естественными. Он считает недоступными для нас причины, которые сами не суть явления. Подобно многим, он допускает исследование причин в том смысле, по которому один естественный факт может быть причиной другого. Но Конт не терпит слова «причина», он согласен говорить только о законах последовательности. Отказываясь от употребления слова, имеющего положительное значение, он упускает из виду и мысль, выражаемую им. Он не видит различия между двумя такими обобщениями, как законы Кеплера и теория тяготения. Он не старается понять разницу между законами последовательности и сосуществования, которые мыслителями другой школы называются законами явлений и законами того, что они зовут действием причин. (Д. Стюарт Милль стр. 53)». А потому точный смысл учения Огюста Конта не имеет своим основанием исключение философии и метафизики, и надо признать, что это сделано его последователями совершенно самовольно. Исключать философию из числа наук не имеет ни малейшего научного основания, ибо в истинном своём смысле философия есть наука «о самом человеке, как о существе разумном, нравственном и социальном. Так как умственные способности человека заключают в себе и его познавательную способность, то наука о человеке обнимает собою и всё то, что он может знать — насколько это касается способа познания; другими словами, она вмещает в себе целое учение об условиях человеческого знания. Философия науки есть, таким образом, не что иное, как сама наука, рассматриваемая не по отношению к её результатам и истинам, которые она определяет, а по отношению к процессам, посредством которых ум достигает этих результатов, или по отношению к признакам, по каким он узнаёт эти истины, а также по отношению к стройному и методическому расположению их в видах возможно большей ясности понимания, равно как самого полного и удобного применения: одним словом, это — логика науки. (Д. Стюарт Милль стр. 49, 50)».

2) Из числа положительных наук исключены все богословские

науки, вся теология, этика и все нравственные науки. Труды глубоких мыслителей, вроде Боссюэта, Паскаля, Давида Гэртли, Руссо, Дидро, Даланберта и многих других, не находят себе места среди положительных наук, несмотря на то, что, воспитывая нравственность и образовывая чувство, они лучше других наук способствуют развитию людей и общей их подготовке для более успешного следования по пути прогресса.

Это исключение совсем противоречит духу учения Огюста Конта. К шести основным наукам своего первоначального ряда Огюст Конт прибавлял ещё седьмую под именем «науки нравственности»; она, по его мнению, образует самую высшую ступень лестницы, непосредственно выше вслед за социологией. Огюст Конт не мог исключить нравственных наук из числа наук, так как в учении о нравственности он был вполне солидарен с Гербертом Спенсером и ставил нравственные познания выше всех существующих.

3) Огюст Конт сам исключил из числа положительных наук политическую экономию, на которую он ужасно нападал за все её выводы, находя их несерьёзными и лишёнными всякого основания. Он сам исключил также и военные науки, находя их характер лишь временным, утверждая, что будто бы с увеличением развития эти науки будут со временем замещены коммерческими. В своём линейном ряду Огюст Конт не даёт места *психологии* и повсюду говорит о ней с пренебрежением. Изучение умственных явлений, или, как он выражается, интеллектуальных и нравственных отправлений, помещено у него под рубрикою биологии, но и то как ветвь физиологии. Наши познания об уме человеческом, полагает Конт, должны приобретаться через наблюдение других людей. Ему показалось, что самонаблюдение может дать нам весьма немного относительно чувств и ничего не даёт касательно разума. Он полагал, что наш ум в состоянии наблюдать всё другое, кроме себя самого, что мы не в силах наблюдать своё наблюдение и рассуждение во время самых процессов; и если бы захотели сделать это, то внимание к самому рефлексу уничтожило бы его объект, остановив собою наблюдаемый процесс.

4) Из трудов всех учёных позитивисты выкраивают и исклю-

чают всё, что не поддаётся непосредственному опыту и наблюдению и всё, что не может быть проверено мерой и весом. Опыт, по мнению позитивистов, не может иметь никакого значения в вопросах сущности, происхождения и начала, а следовательно, о сущности и происхождении вещей, фактов и явлений природы позитивизм не должен выражать никаких заключений и не должен иметь никаких суждений, и все попытки к тому должны считаться ненаучными. Огюст Конт порицал даже «изучение солнечной системы, если оно простирается на какие-либо планеты кроме тех, которые видимы невооружённому глазу и одни только обнаруживают в деле тяготения на нашу землю влияние, доступное определению. Даже исследование возмущений в их движениях он считает напрасным, коль скоро оно идёт далее общего понятия о них; он думает, что астрономия с пользой могла бы ограничить свою сферу движениями и взаимным действием друг на друга земли, солнца и луны. Подобным же образом Конт имел в виду очистить и все другие науки. В одном месте он прямо говорит, что большая часть действительно доступных для нас исследований напрасна и бесполезна. Он хотел бы сузить насколько возможно больше пределы всех наук. Он постоянно повторяет, что всякая наука, как исследование абстрактное, не должна идти далее, чем нужно для того чтобы положить основание следующей за нею науке, а в окончательном результате социальной науке – главной цели всех их». (Д.С. Милль, стр. 158).

Все отвлечённые суждения и выводы, как бы логичны они ни были, все умозрения и гипотезы, как бы они ни были научны, – не включаются в область позитивизма, ибо человеческий разум в продолжение своего развития не раз принимал теории и системы, которые прежде казались ему немыслимыми, и наоборот отказывался от других, которые считал раньше логичными; и все эти заблуждения позитивисты относят к тому, что каждый человек (хотя и учёный) должен считать себя в научных вопросах как бы психически несостоятельным.

Нечего говорить уже о том, что позитивизм никогда не касался и считает выше своих сил решение всех вопросов: о Высшей Воле, правящей вселенной, о Боге, как начале всего сущего, о душах и духах и о загробной жизни.

М. Литтре очерчивает район деятельности позитивизма следующими словами: «В основе своей положительная философия отличается от всех остальных тем, что, раз признав относительность человеческого знания, она никогда и нигде не забывает этого факта и строго сдерживается в его границах. Под относительностью человеческого знания следует разуметь то, что нашему знанию есть пределы; всё, что не находится в пределах познавательной способности разума, – всё, что положительная философия отвергает, как знание гипотетическое, положительным наблюдением и опытом не доказанное. Как бы вероятными эти гипотезы ни казались, положительная философия не принимает их и не выводит из них никаких заключений, не строит на них ни систем, ни предположений, ни догадок.

«Мы никогда не можем узнать всего, – говорит Литтре, – и все наши усилия достичь абсолютного, безусловного знания не могут дать положительных результатов; будем же скромны и ограничимся в наших научных стремлениях тем полем, где открыт простор наблюдению и опыту, и станем принимать за истину лишь то, что может быть исследовано и проверено научным образом; только таким путём мы приобретём действительные, положительные знания, из которых можно выводить верные заключения как для нашей материальной жизни, так и для нравственной (?!); всё прочее, что сочиняют разные абсолютные теории, всегда вело лишь к заблуждениям и ошибкам. Согласимся раз навсегда, что ни наши концепции, ни наши доктрины, ни наши системы никогда не могут стать абсолютными и должны оставаться и по сущности своей, и по необходимости – относительными. Материальное пространство есть не что иное, как образ пространства умственного: что ограничивает одно, тем же ограничено и другое. Наши концепции, наши доктрины, наши системы могут быть верными лишь для человечества и среди человечества. Тщетной и ребяческой оказалась бы гордость наша, если бы мы вздумали достигнуть чего-нибудь универсального в определённом и безусловном смысле. Но благородно и справедливо может хвалиться человек тем, что посредством гения и терпения ему удалось вызвать свет, постоянно возрастающий, интеллектуальное солнце, которое просвещает его в созерцании вещей и ведёт его по пути коллективной жизни.

Я никогда не найду лишним повторить, – продолжает Литтре, – что всё мыслимое или немислимое имеет приложение лишь в наших собственных пределах: таков один из самых существенных результатов психической физиологии. В этих пределах эти термины обладают истиной, достоверностью, верностью, но при первой попытке перенести их за наши пределы, мы уже лишаемся уверенности в том, что они имеют какое-либо значение и они падают на нас, как оружие, неудачно брошенное в пространство.

Известно, – говорит он, – что человеческий разум не предугадывает мира, а открывает его посредством опыта, и известно также, что *опыт не имеет никакого значения в вопросах сущности и начала.*

Ничто не даёт нам права распространять психическую теорию нашего сознания и сознания животных на *все* вещества, во *все* времена и во *все* пространства.

Позитивизм имеет в виду разъяснить лишь то, что подлежит человеческому *опыту и наблюдению*; каждый раз, когда логика данного времени пыталась проникнуть за пределы опыта и наблюдения, философия позитивистов благоразумно останавливается и скромно *сознаётся в бессилии человеческого разума.* За этими пределами положительная философия *ничего не отрицает и ничего не утверждает, она, одним словом, не знает непознаваемого,* но констатирует существование его. Такова высшая философия; идти далее химерично, но доходить до этого, значило бы бежать от нашего сознания.

Человеческий разум в продолжении своего развития не раз принимал вещи, которые прежде казались ему немислимыми, и отказывался от других, которые считал единственно логичными: эта психическая несостоятельность в нём есть».

Необходимость позитивного метода при научных исследованиях очень убедительно подтверждается к несчастью слишком многими учёными. – Приведём для примера слова Дж.Г. Льюиса (Истор. Философ., пер. 1885 г., стр. 5 и 294): «Напрасно некоторые силятся доказать, что философия до сих пор не подвинулась вперёд, потому что её задачи сложны и требуют больших усилий в сравнении с более простыми вопросами положительного знания.

Напрасно предостерегают нас от заключений о будущем по прошедшему, от уверенности, что никаких успехов не последует потому, что их не было. Правда, рискованно становить безусловные границы развитию человеческих способностей, но несколько не рискованно утверждать, что философия никогда не достигнет своих целей, потому что достижение их вне человеческих сил. Здесь дело не в трудности, а в невозможности. Прогресса здесь быть не может, потому что нет критерия правильности результатов метафизического исследования. Мы можем познавать только явления, их сходства, сосуществования и последования, стремиться же к познанию большего, значит пытаться перейти положительные границы человеческих способностей, – *чтобы знать больше, надо быть больше, чем мы есть*».

Основной смысл этих двух выдержек из учения двух ярых позитивистов имеет следующее значение:

1) Придерживаясь программы положительных наук при исследованиях и изучениях природы и её явлений, мы рискуем вдаться в меньшие ошибки, чем то может случиться, изыскивая умозрительным путём отвлечённую для нас область в природе.

2) При настоящем развитии наук позитивисты не видят никакой возможности начать какие-либо научные исследования этой области, не потому чтобы её в действительности не было, а единственно ссылаясь на человеческую несостоятельность, ибо они находят, что *человеку пришлось бы быть больше того, чем он в сущности есть*.

3) Для того, чтобы быть более последовательным и менее погрешимым, позитивизм может признавать только то, что подлежит наблюдению и опыту.

4) Опыт не может иметь никакого значения в вопросах сущности и начала, т.е. о сущности и начале мы не можем знать ничего по опыту, следовательно, и рассуждать о них положительные науки права за собой не оставляют.

5) За пределами опыта и наблюдения позитивизм останавливается, и далее он ничего не отвергает и не утверждает.

Вот основные принципы и программа нашей современной господствующей науки, которая после всех урезаний, которые необходимо было в ней сделать для удовлетворения программы,

должна называться уже не наукой, а непременно позитивизмом, в отличие от истинной свободной науки.

С прискорбием надо сказать, что в настоящее время почти нет другой науки, ибо всякие даже проблески свободной мысли подавляются модным позитивизмом; они отвергаются, осмеиваются и не получают места в науке.

Положим, что позитивисты могут принять и преследовать какую им угодно программу, ставить какие угодно рамки для своих знаний, далее которых они не должны идти. Они, может быть, правы, признав человека психически несостоятельным, решив в принципе доверять более мере и весу, чем обманчивым и несовершенным чувствам человека. Подобный взгляд на вещи избавит их несомненно от многих ошибок, неточностей и гипотетичностей.

Но человечество – может ли оно удовлетвориться этой программой? Разве этим могут исчерпываться все познания, так глубоко интересующие его? Как может отрешиться человек от врождённого желания, хотя бы когда-нибудь узнать начало и сущность свою и вселенной? Каждый человек, мало-мальски мыслящий, задаёт себе прежде всего вопрос: что же я такое? Как мне понять вселенную и всё меня окружающее? Но каждый раз, когда затрагиваются подобного рода вопросы, появляется полная несостоятельность положительных наук. Придерживаясь своей программы, они должны рассматривать вселенную в том виде, как она в настоящее время есть, не заглядывая ни в прошедшее, ни в будущее; но ведь результат подобного исследования может быть только обширным генеалогическим описанием вселенной, или чего-нибудь в этом роде, вот и всё.

В какое безотрадное положение ставят человека положительные науки; они обрекают его никогда не изучать вопросов, наиболее его интересующих; вопросов, составляющих главный смысл его жизни, а что важнее всего, – они не допускают даже и попыток к изучению их. Неужели же, в самом деле, если вопросы о внутренней жизни человека и духовном элементе природы трудны и кажутся нам нелегко разрешимыми, то правильно не пытаться совсем их разрешать, а прямо изгонять их из пределов науки, совершенно игнорировать их?

Тем не менее, позитивизм строго держится своей программы.

Он не допускает ни в один научный предмет ничего духовного, ничего волевого, или отвлечённого, и ничего, что вследствие незнания факта или явления с первого взгляда кажется таковым.

Если позитивисты признают человека в самом деле психически несостоятельным, то, конечно, надо признать вполне правильным, что они постановили не доверять ему. Но мы спросим, – можно ли психически-несостоятельному человеку верить в чём бы то ни было? Какой верный вывод из опыта может сделать этот психически несостоятельный человек? Если по отношению одних чувств мы должны допустить возможность невольного обмана или безотчётной галлюцинации, то должны и по отношению других чувств допустить то же самое. Почему зрение и слух – два чувства, чаще всего галлюцинирующие, – дают правильные показания, по крайней мере такие, на которые и позитивисты позволяют ссылаться, а другие, менее поддающиеся галлюцинации, заставляют признавать человека психически несостоятельным? Нам кажется, что психическую несостоятельность надо искать совершенно не там, где её ищут позитивисты. Есть люди, которые видят, чувствуют и познают природу больше других, и именно они и заслужили со стороны позитивистов название психической несостоятельности; не будем ли мы ближе к действительности, если скажем, что это «слепые уверяют зрячих в том, что всё, что эти последние видят больше первых, – есть не более, как их бред, обман зрения, или выдумка». Но, так как подобного рода слепцов во все времена было несравненно больше, чем действительно зрячих, так как они смелее нападали, энергичнее доказывали и отстаивали свои неверные положения, тогда как противная сторона, уверенная в своей правоте, держала себя всегда более скромно и с достоинством, более подходящим к истинному и глубокому смыслу науки, то личности, привыкшие судить по одной наружной форме, не входя в самую суть факта, которую они и не поняли бы, считали всё это вполне правильным и в порядке вещей.

Иммануил Кант выводил категории знания из форм суждения обыкновенной логикой, лет семьдесят раньше, чем говорили Огюст Конт, Д.Г. Льюис и М. Литтре о цели позитивизма; и Кант в сущности дошёл до того же самого заключения, до которого до-

шли и эти последние; но смысл его великих слов имеет совершенно иное, более глубокое, чисто философское значение. Он предостерегает всякого не впадать в ошибки, следуя шатким и скользким путём отвлечённостей; но вместе с тем он считает желание проникнуть в духовно-нравственный мир вполне естественным и прирождённым человеческой природе. Он находит, что идеи души, мира и Бога, если мы приписываем им объективное существование вне нас, бросают нас в безбрежное море метафизических заблуждений, но если мы чтим их, как идеи наши, то мы исполняем лишь требования нашего разума, ибо искать причину, предшествующую причине, есть естественная потребность нашего разума.

Идеи служат не для того, чтобы расширить наше познание, но для того, чтобы уничтожить утверждения материализма и через то дать место *нравственной философии*, которую Кант считает самой важной частью философии.

Для признания метафизики как науки Кант поставил условием, чтоб она по отношению к своим источникам не была эмпирической (т.е. не основывалась только на одном опыте), потому что это условие заключается в самом понятии о метафизике; чтобы представить аподиктическую достоверность, она должна, по мнению Канта, быть познанием *à priori*. – Кант говорит (Прологмены), что «разум наш, несмотря на все свои априористические начала, никогда ничего не познаёт, кроме предметов возможного опыта и о них узнаёт только то, что может быть доказано на опыте, но это ограничение не мешает ему довести нас до объективного предела опыта, т.е. до чего-то, что само по себе не есть уже предмет опыта, но должно быть высшим основанием всякого опыта». Так как Кант относит эти слова к физико-теологическому доказательству бытия Божия, как высшего основания, то тем более должно быть позволено выводить заключения из необходимых отношений нашего опыта к чему-то вне его лежащему, когда это что-то стоит к нам во всяком отношении ближе, нежели Божество, которое есть нечто наиметафизичнейшее, тогда как никак нельзя сказать, чтобы какой-нибудь научный предмет находился уже совсем вне области нашего опыта.

Человечество стремится, конечно, как в положительных, так и

в трансцендентных науках, к достижению достоверности; но когда не может достичь её, то должно довольствоваться вероятностью; и ею действительно всегда довольствовалась не только посредственная, но и серьёзно-научно-образованная часть человечества. Что наша организация ставит нам пределы, – в этом нет сомнения, но находимся ли мы уже у этого предела – это ещё вопрос; мы всё же должны проанализировать сами эти пределы и, сообразуясь с возможностью, расширять их, чтобы добыть для наших взглядов на природу вещей несколько надёжных предикатов; от наших же премников будет зависеть увеличить ещё больше их число, и таким образом может устанавливаться наука.

Взгляд Канта относительно необходимости наблюдений и опытов совершенно не носит того абсолютно запрещающего и деспотического характера, который мы видим у всех позитивистов. Кант предлагает в этом случае благоразумие и осторожность, и не в видах психической несостоятельности человека; он ссылается на неполноту наших знаний и на несовершенство наших опытов. «Было бы нелепостью, – говорит он, – надеяться узнать о каком-нибудь предмете больше того, что заключается в возможном опыте; нелепо было бы иметь притязание определить такую вещь в её свойстве, как она есть сама по себе; ибо посредством чего мы сделаем такое определение, когда время, пространство, все рассудочные понятия и, кроме того, все те понятия, которые отвлечены от эмпирического воззрения или восприятия в чувственном мире, не имеют и не могут иметь никакого другого употребления, как только обуславливать возможность опыта? Но, с другой стороны, ещё большей нелепостью будет, если мы не признаем совсем никаких вещей самих по себе, или станем считать наш опыт за единственный способ познания вещей, следовательно, будем считать наше воззрение в пространстве и времени за единственное возможное воззрение, наш дискурсивный рассудок – за первообраз всякого возможного рассудка и, следовательно, примем принципы возможности опыта за всеобщие условия вещей самих по себе. Это правда: за пределами всякого возможного опыта мы не можем дать никакого определённого понятия о том, чем могут быть вещи сами по себе. Однако при вопросе об этом мы не свободны вполне воздержаться от всякого ответа, ибо опыт никогда не удовлетворяет разума вполне, он отсылает нас при ответе на вопросы всё далее

назад и оставляет неудовлетворёнными относительно их полного разрешения, как это каждый может достаточно усмотреть из диалектики чистого разума, которая именно поэтому имеет своё законное субъективное основание. Кто может допустить, что относительно природы нашей души мы достигаем до ясного сознания субъекта и вместе с тем до убеждения, что его явления не могут быть объяснены материалистически, – и не спросить при этом, что же такое, собственно, душа? А так как тут недостаточно никакого опытного понятия, то, во всяком случае, приходится принять нарочно для этого некоторое разумное понятие (простого нематериального существа), хотя бы мы никак не могли доказать объективную реальность этого понятия. Кто может удовлетвориться одним опытным познанием во всех космологических вопросах о продолжительности и величине мира, о свободе и естественной необходимости, когда, как бы мы ни начали, каждый ответ, данный на основании опытных законов, всегда порождает новый вопрос, который точно так же требует ответа и этим ясно показывает недостаточность всех физических объяснений для удовлетворения разума? Наконец, при совершенной случайности и относительности всего, что мы мыслим и принимаем только по опытным принципам, кто не видит невозможности остановиться на этих принципах и не чувствует себя принуждённым, несмотря на всякие запрещения – пускаться в область запредельных идей, не чувствует себя принуждённым искать успокоения и удовлетворения за пределами всяких опытных понятий, – в понятии существа, которого идея сама по себе, хотя и не может быть ни доказана, ни опровергнута в своей возможности, так как касается чисто мысленной сущности, но без которой (идеи) разум должен был бы навсегда остаться неудовлетворённым?» (Пролегомены, стр. 146 – 149).

Нельзя не признать всеобъемлющего значения этих в высшей степени глубокомысленных слов великого мыслителя, которому должны были бы поклоняться люди и положительно учить их наизусть, чтобы никогда не вдаваться в такие крупные ошибки в выборе своего мировоззрения, как это мы слишком часто можем заметить в людях нашего века.

Отнять от людей возможность исследования целых областей знания, несравненно больших, чем те, над которыми трудится в

настоящее время наука, единственно потому только, что, изучая и работая над ними, они могут впасть в ошибку, – казалось бы, не может быть названо целесообразным и серьёзным, и вряд ли такой метод, принятый людьми нашего века, может долго ещё продержаться; сам Кант сомневался в этом и надеялся на большое благообразие: «Если спросят меня, – говорит он, – на чём я основываю эту надежду? Я отвечаю: на неотвратимом законе необходимости. Чтобы из опасения ложной метафизики дух человеческий бросил вовсе метафизические исследования – это так же невероятно, как и то, чтобы мы когда-нибудь совсем перестали дышать из опасения вдохнуть дурной воздух. Всегда и у каждого мыслящего человека будет метафизика, и при недостатке общего мерил – у каждого на свой лад». (Пролегомены, стр. 173).

Если бы позитивисты только поняли, что, избегая возможности одних ошибок, они впадают в другие, большие, при которых они придают всей своей науке фальшивый тон, – они, наверное, изменили бы свои отношения к науке и установили большую откровенность в оценке своих знаний, и тогда они вводили бы своих последователей в меньшие ошибки, и, следовательно, позитивизм не имел бы таких дурных и чисто пагубных последствий.

Существенно необходимо, чтобы каждый знал и всегда помнил, что за каждым невыясненным по существу понятием кроется целый недостижимый для науки мир, расследование которого ещё предстоит, но пока ещё остановлено и даже совсем запрещено позитивизмом, вследствие младенчества науки и умственной несостоятельности современного человечества; одно уже это сознание совершенно меняло бы взгляд человека на свою науку и ставило бы её на ту истинную почву в ряду всех человеческих знаний, которая по справедливости ей принадлежит. Этого в настоящее время совершенно нет, все относится к науке, как к чему-то вполне законченному, цельному, непреложно-верному и авторитетному во всех отношениях. Позитивисты не хотят и допустить, чтобы могли существовать такие явления в природе, которые не были бы им известны и не были бы ими разъяснены, они полагают, что все явления составляют достояние их науки. Всё же непонятное им безжалостно исключается из среды достойного подлежать изуче-

нию; целые группы фактов, действительно существующих, отвергаются, целые теории извращаются, ссылаясь на психическую несостоятельность человека для того, чтобы наука не сталкивалась с теми темами, которые могут пошатнуть её, столь удобно для них сложенное, мирозерцание.

Приведём примеры:

1) Вспомним, как сто лет тому назад Месмер открыл новую силу в человечестве, способную вызывать разные непонятные состояния организма. К Месмеру стекались тысячами больные и получали исцеление. Месмер долго и упорно проводил своё открытие, бесплодно борясь с учёным медицинским миром, от которого так и не добился официального исследования его открытия, как способа лечения больных.

Открытие Месмера возбудило против себя весь медицинский мир Франции; медицинский факультет выступил открыто против него и стал хлопотать о том, чтобы административным порядком было бы запрещено Месмеру продолжать свои опыты и лечить больных. Когда происки эти не удались факультету, то он начал действовать сам. Он предложил ординарному профессору и доктору медицинского факультета Деслону, который помогал Месмеру, опомниться и оставить это дело. Когда тот отказался, факультет исключил его из числа профессоров факультета. Затем, видя, что успехи Месмера, с исключением Деслона, становятся ещё более популярными и стали ещё больше привлекать внимание врачей, факультет, для вразумления остальных неразумных, сбившихся с пути истинного, членов своих, положил для полного прекращения всяких дальнейших недоразумений, отобрать подписки от всех членов факультета в отречении от учений Месмера. Отречение это следующее: «никогда не принадлежать к числу последователей животного магнетизма, ничего не говорить и не писать в его пользу, под страхом исключения из списка профессоров факультета». Многие подписали; другие отказались, – и между последними был заслуженный профессор Донгле. Поступок этот возмутил весь факультет, и научные заслуги Донгле не спасли его от этих нападков, – он был так же, как и Деслон, исключён из числа профессоров.

Ясно, что после таких внушительных и решительных актов

медицинского ареопага трудно было Месмеру добиться официального и тем более, конечно, беспристрастного научного разбора своего открытия, и оно было забыто для науки.

С тех пор всем вопросам, касательно месмеризма, гипнотизма, сомнамбулизма и т.п., вход в среду европейской науки оказался закрытым, до тех пор пока «фокусник» и «шарлатан», как его называют адепты положительных наук, Ганзен, около 1880 года, вздумал демонстрировать их на театральных подмостках, объехав с этою целью все города Германии. Тогда только более рассудительные люди науки почувствовали себя устыжёнными в своём невежестве и были принуждены открыть двери учёных коллегий для этих ненавистных и назойливых, а вместе с тем поразительных, явлений. Двери учёных коллегий в настоящее время открыты, но эти непрошеные гости и до сих пор не встречают радушного и справедливого приёма в храме знаний; их извращают, издеваются над ними и отказываются от них до такой степени дерзко и упорно, что более совестливые адепты положительных наук обличают сами своих же товарищей в небрежном и даже в недобросовестном отношении к ним, а следовательно, и по отношению ко всем отраслям науки, которые зависят от них. Для примера приведём публичный упрёк, сделанный Карпентеру Эдуардом фон-Гартманом в его «Спиритизме», гл. II-я, упрёк, который вполне заслужил Карпентер рядом своих статей по предмету совершенно им не изученных и ещё не понятных явлений. Ещё Сократ учил: «Что есть доля мудрости?» – отчётливо знать: «что я знаю, и чего я не знаю». Против этого великого и простого положения Сократа грешат многие из современных мыслителей, и в особенности против таких явлений, знание которых, по своему первенствующему значению, должно в скором времени положительно изменить всю науку и уничтожить позитивизм с самым корнем его, ибо значение его слишком всеобъемлющее. В настоящее время в этом убеждены не одни спиритуалисты, но и люди противоположного лагеря. Выслушаем, для примера, что сказал Артур Шопенгауэр о гипнотизме и сомнамбулизме: «После краткого введения, я перейду к изложению самого предмета настоящего исследования, но предварительно замечу, что фактический материал предполагаю уже известным читателю. Ибо, во-первых, задача моя – дать объяснение, теорию фактов, а не изложение их; во-вторых, мне пришлось бы

написать довольно объёмистую книгу, если б я стал повторять здесь многочисленные случаи магнетизма, сомнамбулизма, сновидений и проч., собранные в разных сочинениях об этом предмете; в-третьих, наконец, я вовсе не чувствую признания бороться с невежественным скептицизмом, лжемудрые нападки которого с каждым годом теряют кредит свой. Человек, сомневающийся ныне в этих фактах магнетизма и ясновидения, по-моему, должен считаться не скептиком, а просто крупным невеждой». (Parerga und Paralipomena). Или далее в этом же сочинении своём А. Шопенгауэр говорит: «Животный магнетизм, рассматриваемый с философской точки зрения, есть важнейшее из всех открытий, сделанных умом человеческим, но в то же время представляет собою почти неразрешимую загадку. Кроме того, его можно рассматривать как истинную практическую метафизику, так как им устраняются в известных случаях самые общие законы природы и становится возможным то, что даже á priori считалось невозможным. Если в обыкновенной физике только одни опыты и факты недостаточны для понимания явления и чувствуется потребность ещё в правильно построенной гипотезе или теории, тем более это необходимо для объяснения загадочных явлений животного магнетизма, этой эмпирической метафизики. Таким образом, рациональная или теоретическая метафизика должна идти рука об руку с эмпирической, и можно надеяться, что со временем философия, животный магнетизм и естествознание так озарят своим светом мир и природу человеческую, что обнаружатся истины, о которых и мечтать теперь никто не смеет».

II) Как встретили учёные общества французских микрографов, когда они вздумали уверять, что споры тайнобрачных растений имеют все характеристические признаки животных, а потому должны быть сопричислены к царству животных? Германия приняла их хуже всех, она отразила это открытие такими недостойными насмешками и глумлением, каковых не следовало бы допускать в науке; гораздо серьёзнее было бы взять микроскоп и убедиться в этом, теперь уже несомненном, научном факте. Они охотно сделали бы с ними то же, что сделал Наполеон I после того, как увидел идущим в первый раз по реке Сене пароход Фултона: он велел засадить Фултона в тюрьму, где и продержал его до смерти, находя, что пароходы для Франции вредны.

Иногда гибкость ума человека допускает разные вольности, даже и в науке; но встречаются и такие роковые темы, которым человек, несмотря на всю очевидность доказательств, не хочет дать места в числе своих знаний из упорства, и единственно из принципа: *не затрагивать этих опасных тем.*

III) Вспомним, как Парижская академия наук, после вполне доказанного падения с неба камня около города Эгля, в 1803 году, запретила говорить своим членам об аэролитах, считая для себя постыдным говорить такие абсурды, как падение камней с неба, в котором, по её мнению, никаких камней быть не могло. Когда один академик заявил, что он всё-таки убеждён, что этот камень упал именно с неба, то другой сказал ему, что вероятно этот камень попал ему на голову, что он решается говорить такие глупости.

После всего вышесказанного имеем ли мы право восставать на позитивизм и его применение к науке? – Несомненно – да, насколько он может быть и прав, когда останавливает он знания тайн природы людей, погруженных в изучение одной только материи, следовательно, совершенно не подготовленных к принятию более глубоких истин природы, настолько же, а может быть, и в тысячу раз больше, он виновен, запирая все двери науки даже к знанию самого существования этих тайн, преграждая все пути к истинной оценке своих знаний.

Все три вышеприведённые исторические примеры научной нетерпимости заимствованы нами из того периода времени, который предшествовал научной деятельности Огюста Конта и его последователей, т.е. из того именно времени, когда позитивизм был ещё бессознательным и наука считала себя свободной в постановке пределов для своей компетенции, так как не была сознательно и фактически закована в тесные рамки позитивных принципов. Учёные, однако, и тогда ещё вооружались не только на людей, которые создавали теории и научные системы, не соответствующие временным взглядам на факты и явления природы, или, просто сказать, на людей, опережающих свой век; но учёные нередко вооружались даже на самые факты и явления природы, которых они не понимали и не хотели признать, ибо они могли бы пошатнуть существующее в науке мировоззрение и могли заставить изменить привычный образ научных мыслей.

Нетерпимость современного господствующего у нас позитивизма к новым передовым научным идеям и к фактам и явлениям природы, которые не соответствуют программе позитивизма и которых позитивисты не считают возможным затрагивать, ещё несравненно деспотичнее, чем была эта нетерпимость в старое время – она фанатически упорна. В наш век позитивные взгляды настолько соответствуют общим практическим взглядам людей на их жизнь и на их деятельность, что они охватили все убеждения людей, вошли как бы в кровь и плоть всех учёных и не учёных и до такой степени отвоевали себе прочное положение в умах, что слово «позитивный» стало синонимом слов: научный, серьёзный и разумный. Все научные теории и системы и даже все бесспорно существующие в природе факты и явления, но которые не отвечают позитивным взглядам на науку, считаются прямо ненаучными, несерьёзными и неразумными, а потому встречаются с полнейшим пренебрежением и не удостоиваются ровно никакого обсуждения, ни опровержения, ни оспаривания, а прямо со сдержанной саркастической улыбкой, желающей сказать: «как он глуп, что затрагивает такие неблагоприятные и несерьёзные темы».

Обратите внимание, какое в настоящее время появляется огромное количество новых изобретений и научных открытий. Наука, искусства, техника, фабрики, заводы, мануфактуры, мастерства и разные ремёсла снабжают нас ежегодно неисчислимым количеством новых сведений о природе, указывающих нам новые области знаний, до которых постепенно доходит человек и через что отвоёвывает себе мало-помалу всё больший простор для своей мысли. Если судить по успехам экспериментальной части науки, можно подумать, что в самом деле наши познания природы обогащаются невероятно и что, следовательно, наука подвигается быстрыми шагами по пути развития и прогресса. Но если мы более внимательно проанализируем все эти успехи знаний, то увидим:

1) что район области, кругом которой концентрируются все эти открытия и изобретения, чрезвычайно ограничен в сравнении с районом области, которою должна бы была заняться наука и бесспорно могла бы это сделать, если бы не была позитивной.

2) Все открытия и изобретения вращаются преимущественно около одного неизменного центра, а именно: около материи и её

видимых проявлений.

3) Все они в большинстве случаев удовлетворяют требованиям нашей практической жизни или практическим взглядам на природу, но имеют весьма мало назидательного и образовательного значения и не могут удовлетворить научной любознательности современного развитого общества, требующего от науки совершенно иных, более глубоких ответов, касающихся смысла жизни и явлений и условий существования всего сущего.

Видеть, слышать, осязать что-нибудь, владеть чем-нибудь, ещё далеко не значит знать, что это такое. Дикарь видит солнце, видит землю пользуется ими, но отдаёт ли он себе правильно отчёт, что это такое? Конечно, нет. Не так ли и мы? Пользуемся паром, электричеством, теплотой, светом, строим гигантские сообщения через океаны для передачи нашей мысли, переносимся с материка на материк скорее рыбы, унижтожаем континентальные расстояния через постройку железных дорог, говорим друг с другом на огромные расстояния, делаем химический анализ звёзд, совершаем самые чудовищные и удивительные дела – но знаем ли мы, чем мы пользуемся? Понимаем ли, как это всё происходит? В силу каких импульсов и причин всё это совершается? Мы в этом случае хуже каждого дикаря, ибо тот объясняет себе явления природы как-нибудь, как позволяют ему его умственные средства, например, затмение солнца он объясняет злостью дракона, желающего скрыть от людей солнце – мы же пользуемся несравненно большими средствами и вместе с тем совершенно не задаём себе вопроса: чем мы пользуемся?

Всякий у кого есть глаза, тот видит; у кого они лучше, видит дальше, чем тот, у кого они хуже; человек, вооружённый телескопом, химической лабораторией или физическим кабинетом, видит природу лучше и подробнее, чем тот, у кого подобных средств нет, это вполне естественно. Но как бы он хорошо ни видел, как бы он подробно ни экспериментировал и ни анализировал природу, он ещё не может сказать, что знает те явления природы, которые он подметил через свои наблюдения, пока он их не изучит, не выяснит до полной ясности представления.

Всякое знание, так же, как и наука, состоит из двух самостоя-

тельных факторов, друг на друга окончательно не похожих. Первый фактор есть эксперимент; прежде чем начать изучение чего-либо, человек должен убедиться в существовании предмета исследования. Второй, который должен непосредственно следовать за первым, чтобы сделать наши познания природы полными, есть фактор чисто умозрительный, выясняющий разуму категорию факта, его природу, сущность, начало, происхождение, его связь и соотношение с другими ему подобными фактами и средой, в которой он проявляется. Чтобы человек имел право сказать, что он знает данный факт, он должен непременно составить себе хотя идею о его прошедшем, о его будущем и настоящем его значении. Мало того, что я знаю, например, *электричество настолько, чтобы уметь им пользоваться, устраивать через него двигатели, телеграфы, телефоны*, я должен знать, что это такое и какую роль оно играет не в моих практических применениях, но в самой природе, зачем оно там нужно, какое действительное назначение его; первое составляет задачу техники, второе – задачу науки; если этого нет, то нет и знаний; если нет такой науки, которая даёт такие познания, то нет и науки, ибо её труды не научны.

Представьте себе, что вы вошли в музей, но не имеете ни человека, могущего выяснить вам значение каждого предмета, ни каталога с комментариями; вы будете в весьма двусмысленном положении. Бродя без толку по музею, взоры ваши будут останавливаться на пустяках, а самые замечательные предметы, составляющие гордость и славу музея, имеющие мировое значение, ускользнут от вашего внимания; на всё вы будете смотреть с недоумением, с догадкой и с досадой, что не имеете возможности узнать всё то, что вам было бы необходимо знать. Выйдя из этого музея, вы будете принуждены сказать: «Да, я был в этом музее, видел всё, что в нём находится, удивлялся от души всему богатству сведений, которые я бы мог получить через него, но с величайшим сожалением я принужден сказать, что умнее я от этого не стал, ибо я ничего не понял, я ничего не знаю, что там находится».

Совершенно так же поступает и современный наш позитивизм: он накапливает массы разных научных сведений, ставит их на полочки своей науки под известной рубрикой, согласно рода и класса явления или факта и никогда не спрашивает себя, что это в

сущности такое, откуда это взялось для чего что нужно и какое истинное назначение этих вещей? Всё, что позитивизм себе позволяет, это найти видимое соотношение этого факта или явления с другими ему подобными и объяснить его в пределах опыта и наблюдения, т.е. дать разъяснение, касающееся самого опыта или наблюдения. Одним словом, он собирает сырой материал для науки, но самой науки ещё в этих трудах нет; так как главной умозрительной части науки нет, есть один лишь эксперимент.

Никто не будет спорить, что для собрания всего этого сырого материала положено много труда, много самого добросовестного старания дать возможно большее число новых научных описаний явлений природы и новых сведений о ней и, наконец, огромное искусство пользоваться теми средствами, которые даёт науке современная техника. В этом надо видеть главную заслугу позитивизма; но ведь это опять не научно: добросовестное отношение к делу, труд, старания, искусство, ловкость и сообразительность при производстве опытов, суть лучшие атрибуты науки, но ещё не наука.

Успехи техники, механики разного мастерства и ремёсла идут невероятными шагами вперёд; в настоящее время выделяются самые чудовищные машины и самые тончайшие аппараты с педантичной точностью. Войдите в любую физическую, механическую или химическую лабораторию или в какую-нибудь обсерваторию, вы будете поражены роскошью, точностью, чистотой и тщательностью отделки аппаратов, инструментов и приборов, которыми учёные исследуют природу, и невольно зададите себе вопрос: чья заслуга больше, техников и механиков, которые довели совершенство своих изделий до такой высокой степени, через что дали науке столь обширные средства изучать природу, или того учёного, который, пользуясь этими средствами, видит далее нас и описывает нам то, что он видит? Этим мы хотим сказать, что успехи эксперимента не могут быть приписаны одному позитивизму; много способствует тому интеллектуальное развитие общества и успехи техники.

Техника и механика будут и далее улучшать с каждым годом свои изделия и приобретать всё большее совершенство и большую точность в изготовлении научных приборов, через которые учёные будут всё подробнее и точнее изучать природу и её тайны. Но, как

бы далеко учёные ни зашли в этом направлении и какими бы богатствами своего эксперимента ни снабдили мир, но пока всё объяснение этих новых фактов и явлений будет ограничиваться словами: я вижу, я слышу, я осязаю, взвешиваю, измеряю, наблюдаю, я нахожу отношение или подобие между такими-то или другими фактами и явлениями из того же вещественного мира, я нахожу математическую или химическую формулу, объясняющую мне вид движения или состав вещества, – всё это будет не наука, но одна лишь экспериментальная часть её, всё это будет маскированный на разные лады позитивизм или вообще говоря всё те же ветви от несчастного древа, посаженного Огюстом Конттом; всё это будет одно собирание инвентаря фактам и явлениям природы. Этот инвентарь вселенной будет, несомненно, грандиозен, величествен и обширен; нам, конечно, придётся преклоняться перед ним безмолвно, изумляться ему, признать, что премудрость творения и тайны бытия действительно бесконечны; но вместе с тем сказать: «я вижу всё это, чувствую своё ничтожество и величие вселенной, но это не делает меня умнее, так как из всего этого я ничего не понимаю, мне позитивизм ничего ровно не объясняет».

Многие восстанут на эти слова. В наше время слишком много защитников позитивизма и почти нет ему противников, а потому на нас обрушатся целые горы негодования, которые все могут быть сведены к нижеследующим двум главным протестам, а именно:

Во-первых, нам скажут, что главная задача всякой науки быть по возможности непогрешимой. Она должна стоять незыблемо на реальной почве чистых и неопровержимых доказательств. Не может наука допускать в свои рамки ничего гадательного, гипотетического и метафизического, это было бы несерьёзно и ненаучно. В прежние времена было уже сделано много к тому попыток, которые повели ко многим неточностям и не раз заводили науку в область загадочного и придавали ей фантастическое направление. Чтобы впредь избежать подобных ошибок, весь образованный мир остановился на том именно принципе, который ныне практикуется позитивизмом, и только это направление способно дать положительное и рациональное знаниям природы.

Во-вторых, скажут нам, что позитивизм обладает совершенно

достаточной полнотой знаний и объясняет все факты и явления природы с той подробностью, с которой позволяют ему его научные силы и средства. Сообразуясь с ними, он ставит пределы познаваемого, дальше которых распространять свои умозаключения он считает безрассудным и тот, кто требует от рационально поставленной науки большего, требует невозможного и именно того, чего она при её наличных средствах дать не может. Лучше знать меньше, но быть уверенным в безошибочности своих познаний, чем знать много, но стоять на шаткой почве.

Прежде чем представить свои выражения на эти протесты, мы заметим, что воззрения наши с позитивизмом резко разнятся. Позитивизм стремится достигнуть безошибочных знаний и добивается их получить для них самих, исключительно для того, чтобы знать, не преследуя никакой другой цели и не заботясь ни о чём остальном. Наше же убеждение о цели и назначении науки было высказано выше; из него читатель мог уже себе составить понятие, что мы считаем главным назначением науки приносить пользу обществу, способствуя интеллектуальному развитию каждого его члена, а потому понятно, что мы впадаем в такие с ним крупные разноречия. Он ищет знания для знаний самих, мы ищем знаний для общественной пользы, мы желали бы, чтобы каждое новое достояние науки, добытое экспериментом, расширяло бы уже кругозор людей и приносило бы посильную пользу развитию идей, но не пропадало бы даром, как древняя вещь, поставленная в музей и не имеющая своей истории. Поэтому, указывая в своих возражениях на замеченные нами пробелы и недостатки позитивизма, мы кое-где будем намечать и желательные исправления его.

Первое своё возражение мы начнём с вопроса: можно ли действительно считать позитивное мировоззрение, способы, употребляемые позитивистами при их исследованиях природы и делаемые ими выводы безусловно верными и непогрешимыми? – Нам кажется весь позитивизм, со всем его мировоззрением, его способами и выводами, одним сплошным заблуждением. Мы убеждены, что позитивизм вдаётся в несравненно более крупные ошибки, чем всякая фантастическая наука, т.е. наука, позволяющая себе затрагивать вопросы сущности, начала и происхождения фактов и явле-

ний природы, так как в самом основном смысле позитивного учения лежит крупное заблуждение.

Дело в том, что все свои выводы позитивисты основывают на опытах и на непосредственных наблюдениях. Считая сами себя психически несостоятельными, они решили не доверять ни обманчивым чувствам человека, ни умозаклучениям, ибо бывали случаи, что чувства и ум заводили учёных в дебри заблуждений.

Очевидно, что такое решение невыполнимо; как может человек делать опыты, не употребляя своих чувств и своего разума? При этом условии экспериментатор не будет в состоянии ни видеть, ни слышать, ни осязать, ни осмысливать самих результатов им производимых опытов; а что уже окончательно немислимо, так это обойтись без ума и умозаклучений. На поверку так и выходит: для производства своих опытов они, так же, как и все люди, учёные и не учёные, руководствуются показаниями всех своих чувств; что же касается умозаклучений, то они относятся к ним весьма осторожно и не позволяют им простираться за пределы опыта и наблюдения.

Доверяя своим чувствам более, чем выводам разума, они неминуемо должны считать все показания своих чувств за нечто реальное, действительно в природе существующее и существующее именно в том виде, как они это через посредство своего опыта видят, слышат или осмысливают. Всё добытое опытом и подтверждённое наблюдением считается позитивистами непреложно верными данными науки, если они убеждаются, что их чувства не обманывали их и не галлюцинировали. Но они никогда не принимали во внимание, что даже тогда, когда их чувства не галлюцинируют и находятся в самом трезвом и нормальном состоянии, не в силах дать им представление о вещи в самой себе (как выражался Иммануил Кант), т.е. о том виде, какой имеет вещь в действительности для самой себя, т.е. об абсолютном виде и значении этой вещи.

У Рене Декарта, у Иммануила Канта, у Артура Шопенгауэра, у Цёльнера, у Гелленбаха и у многих других мы находим подробные учения, в которых ясно и точно доказано, что чувства наши не имеют положительно никаких средств познать действительный

или абсолютный вид ни одного предмета и ни одного явления природы. Вид всякого предмета или явления, передаваясь через органы чувств нашему сознанию, может быть совершенно извращён для нас до такой степени, что вся сущность этого предмета, вся его природа и весь его смысл может быть совершенно иным, чем познают его наши чувства. Наши чувства в состоянии передать нашему сознанию одно только впечатление, которое произвели на них или этот предмет, или это явление, но не вид самого предмета. Познание предмета, или явление в самом себе, возможно только умозрительным способом чрез целый ряд правильно построенных умозаключений, чего позитивисты окончательно не допускают.

Если же чувства наши не в состоянии передавать нам вид предмета или явления в самом себе, то мы должны прийти к убеждению, что и опыты, и наблюдения, произведённые под руководством этих несовершенных чувств, не могут считаться абсолютно непогрешимыми, если в них не введена соответствующая поправка, достаточно проверенная умом и свободными, не стесняемыми никакими пределами умозаключениями; что опять не согласно с программой позитивизма, который, не допуская умозаключений, простирающихся за пределы опыта и наблюдения, ни в каком случае не может допустить таких выводов ума, которые диаметрально противоречат указаниям опыта.

На основании вышеприведённых соображений мы имеем полное право заключить, что как мировоззрение позитивистов, их способности исследования природы, так и выводы, делаемые ими, не могут считаться безусловно верными и непогрешимыми, ибо предметом их изучения служит не сама вещь, не самое явление природы, рассматриваемые в самом себе, а лишь одно впечатление, которое производит эта вещь на органы чувств. Изучая впечатления вместо самих предметов, позитивисты изучают нечто совершенно в природе не существующее и совершенно не схожее ни по своей природе, ни по своей сущности с действительно существующим предметом.

С этим обстоятельством, которого никогда позитивисты не принимали во внимание при своём исследовании природы, надо считаться гораздо серьёзнее, чем с психической несостоятельно-

стью человека, чем с научными правильно построенными гипотезами и чем с галлюцинациями чувств. Если в припадке психического аффекта, какой-нибудь позитивист и составит нелепую теорию, то другие немедленно это заметят и исправят ошибку, а невозможность познания предметов в самом себе через непосредственный опыт есть болезнь повальная, против которой до сих пор позитивисты никаких мер не приняли, и которая с основания их науки вводила их в страшные заблуждения и продолжает это и в настоящее время, придавая всему позитивизму ненаучное и несерьёзное значение.

Второе возражение, которое мы обязаны представить, должно касаться вопроса о полноте позитивных знаний и достаточности объяснений, даваемых позитивизмом фактам и явлениям, добытым экспериментом. Отчасти вопрос этот выяснен предыдущим возражением. В нём мы видели наглядно ту крупную ошибку, в которую вдаются позитивисты при каждом своём опыте вследствие того, что не допускают простора мысли и останавливают ход всякого вывода в пределах опыта. Если бы не мысль была подчинена опыту, но опыт был бы подчинен выводам разума, то с изменением ролей обоих факторов знания, изменился бы и самый смысл эксперимента, а пределы познаваемого расширились бы сами собой естественным образом, сообразно развитию мысли. В этом случае позитивизм никогда не мог бы вдаваться в столь грубую ошибку, чтобы принимать впечатление, производимое каким-нибудь предметом на органы чувств за самый предмет, рассматриваемый в самом себе.

Проследите всё учение позитивистов, все их теории и все выводы, и вы всюду заметите постоянное угнетение мысли, порабощение свободы всякого умозаключения и ограничение выводов пределами опыта и наблюдения. Неизбежным следствием подобного образа действия при изучении фактов и явлений природы является вполне понятная узкость и поверхностность позитивных взглядов на природу, делающая все их теории недоконченными и недосказанными. Эта незаконченность заставляет всякого свободомыслящего и любознательного человека желать более пространых, более смелых выводов и чувствовать, что они вполне воз-

можны, но что почему-то они не делаются, что почему-то позитивная мысль обрывается без видимой для разума причины в то время, когда она вполне свободно могла бы идти дальше, не погрешая ни против логики, ни против здравого смысла.

В настоящее время большинство самих приверженцев позитивизма чувствуют этот гнёт мысли и недостаточность своих же собственных теорий и систем. Они охотно извиняют ему этот недостаток, видя в нём доказательство молодости своей науки. Они полагают, что наука имеет ещё мало данных для того чтобы позволить себе делать более смелые заключения, но что со временем эти все пробелы и недоговорённости сами собой заполнятся. Однако не все такого мнения, и в настоящее ещё время мы можем указать на людей, которые положительно настаивают на том, что нет пробелов и недомолвок в позитивизме, что все его теории и системы достаточно полны, что рациональная наука не имеет права давать более смелых суждений, иначе она утратит свой серьёзный характер и перестанет быть положительной, позитивной.

Попробуем ответить на оба эти мнения, как тем, которые признают неполноту позитивного учения, так и тем, которые считают их достаточно полными. Начнём с последних.

Чтобы ответ был нагляднее, сравним полноту естествознаний, которыми владеет позитивизм, с полнотой знаний, которую мы требуем от специалиста по какому-либо другому, военному, коммерческому или техническому делу.

На подобного рода сравнение мы имеем полнейшее право, ибо слово «знаю», так же, как и всякое другое слово, должно заключать в себе только одно значение. Если понятий несколько или одно и то же понятие имеет резкие оттенки, то одного слова становится недостаточно, и для обозначения их нужно столько же слов, сколько понятий или их оттенков. Значение слов иногда меняется прилагательными, которые сопровождают это слово, но если и прилагательные одинаковые, то мы всегда приписываем этому слову или выражению, абсолютно одинаковое значение, иначе была бы всегда путаница в пониманиях при передаче мыслей, и говорящий в одном смысле мог бы быть понятым в другом.

Сопоставим полноту двух родов знания, двух почти однород-

ных предметов. Положим, что первый предмет есть большой каменный шестиэтажный дом, второй небольшая гора, которая, пожалуй, не выше и не больше этого дома. Положим, что об этих двух предметах мы слышим два однозначных заявления; как-то: 1) архитектора, который заявляет, что он научно изучил и знает всё, что касается этого дома, 2) позитивиста, который говорит тоже самое о горе: я изучил и знаю всё, что касается этой горы.

Не будем спорить, что не всякий позитивист решится так смело выразиться, эта фраза слишком самоуверенна и имеет слишком абсолютный характер. Однако тот, кто признаёт свою науку полной и обладающей всесторонними выводами и заключениями, будет принуждён выразиться именно так или отказаться от своего убеждения о полноте своей науки.

Спросим себя: что требуем мы от архитектора, специально знающего вопрос городских домов? Он должен уметь ответить: 1) на вопросы географические, а именно: почему этот дом строится в Петербурге, а не где-нибудь за границей, почему он в центре города, а не где-либо на окраине, и т.д.; 2) на вопросы финансовые: каким образом и где достать выгоднее денег для постройки дома, какие финансовые обороты ведут к уменьшению ценности постройки, какие усложняют неблагоприятно бюджет и т.д.; 3) на вопросы экономические: почему дом выстроен под мелкие квартиры, а не барский, не особняк; какие доходы можно было бы ожидать во всех этих трёх случаях и вывести выгодность; затем вывести относительную выгодность этого дома сравнительно с другими домами того же назначения и доказать, что в данном случае избран наивыгоднейший тип, и т.д.; 4) на вопросы административные, т.е. кто будет управлять этим домом, собирать плату за квартиры, исполнять полицейские и городские требования; как будет ремонтироваться этот дом, во что будет обходиться этот ремонт, и т.д. 5) на вопросы санитарные и на вопросы удобства живущих; почему устроены: подъёмные машины, электрическое освещение, водопроводы, водостоки, вентиляция, отопление и т.д. Он должен уметь сказать, зачем нужно всё это, ведь есть же дома без всех этих затей, во что они обойдутся, что они взамен этого принесут хозяину и какие системы выгоднее; и, наконец в 6) на вопросы конструктивные; а именно: откуда и по какой цене будет приобретён

кирпич, камень, дерево, известь, песок, приборы и т.д. Почему именно предпочли один способ постройки перед другим, почему нужно производить кладку так, а не иначе. Одним словом, чтобы иметь право назваться специалистом по какому-нибудь вопросу, мы требуем от человека миллион разных знаний, самых мелочных и детальных, которые все влияют на ход дела и на успех предприятия, и если он не усмотрел или не предвидел какого-либо пустяка, от которого могут явиться какие-нибудь худые следствия, мы безжалостно клеймим опрометчивость этого деятеля и объявляем, что «он своего дела не знает».

Таких точно подробных знаний требуем мы от всех решительно людей, знающих какое-либо дело: фабричное, заводское, техническое, от всех мастеровых, ремесленников, сельских хозяев, финансистов, коммерсантов, торговцев, одним словом, от всех решительно. Обратите внимание, какое тонкое знание судового хозяйства и деталей мореходства требуется от капитана корабля или парохода и за каждое мелочное отступление от миллиона ему предписанных правил и на практике изученных им приёмов – отвечает он головой.

Только для науки делаем мы снисхождение. Каждый раз, как дело коснётся науки, мы немедленно понижаем камертон нашей требовательности и становимся неимоверно сговорчивы и говорим: знаю, понимаю, когда мы ещё ровно ничего не знаем и ровно ничего не понимаем. Было бы совершенно справедливо не употреблять этих слов в таком абсолютном смысле для науки, а выдумать какие-либо другие слова, ибо значение этих слов, когда мы говорим о науке, совсем другое.

Для сравнения глубины и подробности научных знаний о горе прослушаем позитивиста, на какие вопросы может он ответить? Все вопросы, поставленные для дома, могут быть безусловно применимы и для горы, разумеется с некоторыми поправками редакции и перестановкой некоторых понятий, а именно: вместо денег нам придётся сказать «энергия», вместо средства – «сила», вместо цемента – «тяготение» или «притяжение»; вместо администрации – «воля» или «закон», вместо «кирпич», «железо» – «материя» и «вещество»; вместо «постройка» – «создание» или «происхожде-

ние», и т.д. Но кроме этих вопросов, изучая гору, мы должны будем добавить ещё массу других, касающихся её происхождения. Мы замечаем, что гора произошла не в один какой-либо период времени, не в один приём, как дом, но мы видим, что одни её части имеют огненное происхождение, другие водяное, что она образовывалась через какие-нибудь подземные катастрофы, вероятно, в силу подземных переворотов; видим, что её прошлая жизнь есть чрезвычайно сложная и величественная трагедия, что проходила она через разные фазы ещё с того времени, когда она сама была туманностью и мало-помалу доходила до того вида, в котором мы её теперь находим. В настоящее время гора покрыта травой и лесом, т.е. растительною жизнью; на каждом листочке живут миллиарды инфузорий, на полях разгуливают животные и люди, т.е. животная жизнь. Принимая всё это в соображение, мы видим, что науке приходится считаться не с одной бездушной материей, но и с жизненным и с духовным элементом; с чрезвычайно важными вопросами, которые не входили в программу знаний архитектора. Вообще, разбирая жизнь горы, мы на каждом шагу встречаем бездну премудрости, которая не может не возбуждать нашего живейшего интереса и самой настойчивой любознательности.

С самым горячим и естественным желанием познать и изучить всё, чем мы поражаемся и восторгаемся в природе, обращаем мы умоляющий взор к науке, испрашивающий могущих нас удовлетворить ответов. Мы убеждены встретить в науке добрую, разумную мать, которая с полным участием встретит своих детей, одобрит в них эту жажду знаний, поддержит дальнейшую любовь к природе и ко всему так премудро сотворённому Создателем и научит понимать тайны и красоты вселенной. Мы убеждены, что наука чистосердечно откроет перед нами истинную силу своих знаний без прикрас и без маскировки их; расскажет нам, какими знаниями она владеет, какие из них следует считать непогрешимыми, какие вероятными, какие гадательными или гипотетическими, на каких из них нам можно основывать наше суждение, какие знания мы должны принимать только как соображения и вообще как владеть каждым знанием, чтобы одновременно и пользоваться ими, и разумно мыслить, и вдаваться на скользком научном пути по возможности в меньшие ошибки. Но не встречаем мы в науке такой симпатичной и радушной матери; встречает нас сухая

и костлявая мачеха, в виде позитивизма. Оный с необыкновенным цинизмом сразу охлаждает нашу любознательность словами: «О чём вы заботитесь, ничего тут интересного нет, всё это материя, материя и одна материя. Мы уже всё, что можно было, то сделали, всё изучили, описали каждую вещь, каждый предмет, каждую манифестацию материи и дали всему латинские названия. Нами изучены и недра земли, и поверхность, растительность, животное царство, и всё это отнесено в соответствующие рубрики науки, соответственно класса, рода, вида и семейства; явления физические отнесены к физике, химические к химии, и всё приведено в стройную систему».

– Мы, безусловно, верим Вам, – говорим мы несмелым, заискивающим тоном, как школьники перед сердитым учителем, – мы привыкли повиноваться науке и преклоняться перед ней, мы знаем, какое обилие знаний содержит она в себе, а потому просим объяснить нам, как произошла эта гора? Позвольте нам мысленно отодвинуться к отдалённейшим периодам древнейших времён и проследить жизнь горы, а вместе с тем и всей земли с того ещё времени, когда она была туманностью и постепенно переходила из одного состояния в другое, пока не сделалась такою, какою мы её видим в настоящее время. Наука обладает многими, вполне научными гипотезами о происхождении земли, составленными в разное время лучшими учёными; но все эти системы не согласованы между собой; ни одна не похожа на другую, но скорее каждая противоречит остальным. В этом обилии мнений, мы, люди, не обладающие достаточными научными познаниями, только теряемся и путаемся. Позитивизм, вероятно же, проверил их, оценил и определил, какая из этих космогоний может быть названа более достоверной, какие места в этих всех учениях слабы и сбивчивы и какие вероятны; а потому мы просим сообщить нам последние научные мнения касательно хотя главных основных вопросов жизни Земли, а именно: ведь до образования Земли существовала одна первичная, инертная и газообразная материя, из которой произошли все остальные; кто или что заставил эту первичную материю покинуть свой покой и перейти к такой в высшей степени целесообразной и премудрой деятельности? Кто или что проявил это обилие энергии? В каком виде проявилась она? В виде ли Высшей Всеобъемлющей Воли, в виде ли необходимости? В этом последнем случае

объясните, какая причина вызвала эту необходимость? Как это всё случилось? В каком последовательном порядке выразились эти следствия Величайшей Энергии, которая привела в движение эти массы хаоса, сформировала из них миры и довела всё до такой гармонии, до такого стройного целого, каким мы всё видим в настоящее время? У кого хватило ума и предусмотрительности совершить всё это?

– Позитивизм своих гипотез не создаёт и чужих не проверяет, потому что ни одну из них он не может признать ни научной, ни серьёзной, ни разумной; все они вне науки. Научно только то, что подтверждается опытом и наблюдением, но какой же опыт возможно приложить для исследования столь отдалённого времени? Ваша правда, есть много космогоний, и надо удивляться, как могли такие великие умы, как Декарт, Лаплас, Фай заниматься такими шаткими темами и трудиться над теориями, которые не могут быть ни доказаны, ни проверены. Позитивизму нет решительно до них дела. Читайте их сами, если они Вам интересны, и проверяйте, как хотите, но не спрашивайте нас о них, мы ничего с ними общего не имеем. Позитивизм может Вам дать только одни общие указания, он не вдаётся ни в какие детали, но зато его разъяснения вопроса о происхождении земли непреложно верны и безошибочны, а именно: все манифестации материи, как первоначальные, так и последующие, вызываются, производятся и руководятся в силу неотразимых законов природы. Закон природы есть главный мотор и причина проявления всего сущего, он призвал всё к деятельности и произвел всё...

– Но, скажите, как произошла жизнь на земле? Ведь все опыты самопроизвольного самозарождения показали отрицательные результаты. Ведь тысячи учёных, в числе которых можно назвать самые высокие умы, как Либих, Клод Бернар, даже сам доктор Бишá требовали признания жизненной силы в живых организмах. Жизнь могла проявиться только через особый акт творчества, совершённый Волей Всевышнего Разума. Ничего другого мы себе представить не можем, ибо всякое разумное действие должно иметь свою разумную причину; нечто неразумное не может произвести разумное. Разбирая же жизнь, сознание, мысль, волю, мы положительно теряемся в бесконечной бездне премудрости всего сотворённого, а

потому совершенно сознательно должны заключить, что Творивший всё это должен быть выше того, что Сам сотворил, а следовательно, Он должен быть Бесконечно Премудр, Бесконечно Предусмотрителен и Всесилен».

– Вы поэтизируете, и это заводит Вас в мир представлений; опуститесь на землю и разберите вопрос научно, тогда Вы поймёте всё иначе. Самостоятельно существует в природе одна материя, а всё остальное, что нам иногда кажется столь хитрым и загадочным, не более как проявления её свойств и качеств. Одни из них проще, другие сложнее, разве в этом случае может сила проявлений служить препятствием к утверждению очевидности? Как бы все эти явления ни были загадочны и как бы ни казались отвлечёнными, они всё-таки останутся проявлениями способностей материи. Ведь этот факт не может требовать доказательств, так как он сам по себе очевиден. В незнании своём Вы, конечно, можете одно называть живым, а другое мёртвым, но проанализируйте внимательно все состояния вещества, и Вы не найдёте грани, резко отделяющей одно состояние от другого, а потому безошибочно Вы можете всё назвать мёртвым и будете одинаково близки к истине, ибо и камни имеют свою жизнь. Всё находящееся на земле очень просто и однообразно, и живое не имеет никакого другого отличия от мёртвого, кроме того, что некоторые силы проявляются в живом организме, которых в мёртвом не проявляется. На каком основании будем мы делать различие и считать одно живым, а другое мёртвым? Всё это – продления той же самой материи, руководимой неизменяемыми законами природы.

– Вы вторично настаиваете на столь всеобъемлющем значении закона природы. Можете ли нам объяснить, что это за закон? Откуда он произошёл? Если он создан, то кем? Какая его природа или его сущность? Из чего он состоит? Сила ли это? Материя ли? Если отвлечённость, то какая? Одним словом, какое представление можем мы себе составить о нём? Есть ли это вещь или существо? Может быть, это дух? Но, казалось бы, позитивизму говорить о духе неразумно. Мы совершенно недоумеваем: как может нечто несуществующее, нечто невозможное быть представленным каким-либо воображением, каким-либо сопоставлением идей иметь столь

существенное значение в судьбах мира, каждого отдельного явления, и проявлять такое обилие разума, воли, премудрости, силы, целесообразности и предусмотрительной премудрости?

– Позитивизм никогда не касался ни одного вопроса о сущности и природе; и на этот вопрос он совершенно не в праве отвечать Вам. Неужели же Вы не заметили рокового однообразия следствий при однообразии причин? Если только Вы это признаёте, то ни в каком случае не имеете права сделать другого вывода, кроме признания неизменности законов природы. Идти дальше в своих мышлениях и разбирать сущности позитивизм за собой права не оставляет, это было бы безрассудством. Вы в своих вопросах требуете от науки большего, чем она в состоянии Вам дать.

– Вы отказались от разрешения вопросов о происхождении земли, ссылаясь на то, что ни одно заключение, касающееся древних времён, не может быть подтверждено опытом или наблюдением. Но эта причина была бы неуместна при изучении современного состояния Земли, ибо правильно организованная наука должна уметь экспериментировать все без исключения факты и явления природы, ибо это именно и составляет её прямое назначение. Если бы нашлись такие, которых наука не могла бы изучать или не могла бы дать о них своего компетентного заключения, то должна бы была отказаться от звания науки, руководительницы интеллигентной мысли века. На этом основании мы просим разъяснить нам: чем поддерживается энергия наших миров, несущихся в настоящее время с невероятной быстротой в беспредельном пространстве? Если эту энергию поддерживает закон природы, создавший, по Вашему мнению, миры, то объясните, откуда он её черпает, как проявляет и как распределяет? Не можете ли выяснить нам жизнь каждого из бесконечного числа атомов, составляющих вселенную? Как получает он своё целесообразное движение? Чем руководится закон природы, распределяя эти движения? К чему ведёт он эти манифестации? Порядок, гармония, целесообразность во всех явлениях природы невольно заставляет нас предположить и дальнейшую целесообразность в великих и тайных целях, к которым стремятся миры и вся вселенная, и если неорганический мир так полон деятельной целесообразной попечительностью о нём кого-то или чего-то, то мыслящая природа подавно

должна иметь Высшую и разумную цель и причину своего существования.

Эти соображения заставляют в наших умах возникать целой серией новых весьма существенных для жизни нашей вопросов, без разрешения которых невозможно правильно мыслить, невозможно установить правильного взгляда на свою собственную жизнь в связи с жизнью целого мира и всей вселенной. Человек, не выясняющий себе этих вопросов, не может достигнуть полной спокойной жизни и установить правильного мировоззрения. Эти вопросы следующие: Для чего живём мы на земле? Кто и для чего сотворил все твари, всё живущее и самого человека? Что такое жизнь? Что такое смерть? Для чего всё живущее умирает? Для чего оно живёт? Для чего мучается человек, искупая каждую отрадную минуту своей жизни долгими страданиями и испытаниями? Признать их бесцельными мы не можем, где же цель их? в чём она? Почему и зачем так жёстка и трудна жизнь человека на земле? Нельзя ли сравнить жизнь человека на земле с жизнью людей на других планетах? Есть ли жители на других планетах? Многие учёные давали свету свои соображения на этот счёт; они описывали жителей планет, но мы решительно не знаем, насколько научны эти описания? На сколько мы, публика, можем верить им? Главною причиною трудности земной жизни приписывают большому уклонению эклиптики к орбите нашей планеты, и никто не укажет нам, уменьшается ли она? Нет ли оснований предполагать, что условия жизни на нашей земле когда-нибудь улучшатся и человек получит возможность облегчить своё существование на земле через улучшение физических условия жизни? Или всё улучшение жизни он должен ожидать от своего нравственного развития. Если так, то что такое эта нравственность? Какая её зависимость от физического мира? Для чего она нужна? И как она рождается?

— Вы уже давно зашли слишком далеко и предъявляете такие требования к позитивизму, которые могут назваться сплошными праздными притязаниями. Зачем нужно всё это знать человеку, а подавно — науке? Рациональная наука не должна заниматься подобными вопросами. Все, как Вы их называете, великие вопросы: *зачем и почему вселенной* давно сданы нами в архив, ибо они все

несерьёзны, ненаучны и неразумны».

– Позвольте предложить Вам ещё один, последний, вопрос. Мы уверены, что он будет более удачен, чем все предыдущие, на которые Вы не могли ответить нам. Но теперь мы попросим Вас развить Ваши же собственные слова, сказанные в Вашем возражении на наш второй вопрос. Вы сказали, что нет другой разницы между живым и мёртвым, как только та, что в живом проявляются некоторые силы, которых в мёртвом нет. Мы в восторге от этого Вашего научного вывода. Мы уверены, что, если Вы открыли их присутствие в органическом мире, Вы изучили все эти силы подробно во всех их деталях и не откажете разъяснить нам всё, что нас интересует в них. Мы догадываемся, о каких силах Вы упомянули: это о жизненной силе, о духовном и разумном началах, заключающихся в человеке, о силе воли и о целой серии загадочных сил, производящих сверхчувственные состояния органической природы, в особенности часто встречающихся в жизни людей. Эти силы во все времена существования человека заставляли его задумываться, возбуждая его удивление и желание искать разгадки их. Душевно радуемся и поздравляем себя, что наконец в позитивизме мы найдём научное мотивированное мнение о всех подобного рода явлениях, фактах, силах и состояниях.

Мы удивляемся давно, что, несмотря на всю свою образованность, современная публика решительно недоумевает, как относиться ко всем проявлениям этих сил. Наука не руководит её в этой области, а между прочим, нет дня, чтобы литература не сообщала какого-либо загадочного явления. Перед праздником Рождества Христова нет ни одной газеты или журнала, которые не печатали бы на своих страницах десятками рассказы о самых чудесных происшествиях, встречающихся в жизни людей. 200 журналов и газет в настоящее время круглый год помещают статьи трансцендентального характера, а 50 из них составили себе специальность печатать на своих страницах только статьи трансцендентального содержания. Нет решительно возможности относиться легко и безразлично к подобного рода явлениям и тем более обвинять их во лжи и обмане, ибо мы встречаем между авторами статей великих учёных, которые относятся к ним совершенно серьёзно и научно.

Наконец, во всём образованном мире устроены психические, теософские, спиритические общества, в которых сотнями участвуют первоклассные учёные; они дают множество теорий и систем, по видимому, вполне серьёзных и научных. Число приверженцев оккультизма, спиритизма и всех трансцендентальных знаний растёт не по дням, а по часам, а между прочим, наука никогда не выражала своего мнения об этих явлениях и состояниях. Она никогда не наставляла публики и не указывала ей, каких из всех этих теорий и систем надо придерживаться, чтобы по возможности правильно смотреть на природу этих явлений. Она никогда не анализировала, не изучала этого предмета, не установило правильного взгляда на них, а потому мы видим полное разногласие во мнениях, а именно: одни учёные признают в человеке одну душу, другие другую, третьи совсем отвергают её, ссылаясь на какой то психизм, руководящий внутренними проявлениями организма; четвёртые приписывают всё психомоторным центрам; пятые находят в человеке нервные жидкости; шестые находят в человеке новый элемент, который называют астралом; одним словом, что ни общество, что ни учёный, занимающийся этим вопросом, то новое мнение. Их так много, все они до того не похожи друг на друга, что мы просто теряемся в соображениях: которого следует держаться, чтобы хотя сколько-нибудь иметь понятие о всех этих трансцендентальных явлениях?

– Позитивизм ни на один из этих вопросов не может Вам ответить, он не идёт так далеко в своих умозаключениях и никогда не затрагивал столь неблагодарных тем. Силы, о которых мы говорили Вам, не что иное, как проявление свойств и качеств материи. Позитивизм изучает подробно материю во всех её деталях и уже как следствие проявлений этой материи, как побочный продукт манифестации материи, касается сил настолько, насколько они нужны для дальнейшего и более рационального изучения материи.

– Что материя изучена Вами в подробности, нет ничего удивительного, ибо наука изучает её с тех самых пор, как сама начала существовать, т.е. со времён древних кельтов, кельтиберов и египтян, или, лучше сказать, изучает её уже более пяти тысяч лет. Но, несмотря на то, к стыду нашему, мы, публика, должны признаться, что до сих пор не уясняли себе, что такое материя. Мы до сих пор

не знаем, из чего она состоит: если из атомов, то мы никак не можем уяснить себе, что такое атом? Какая его форма? Его размер? Что заставляет один атом держаться на известном расстоянии от другого? Мы не знаем, какое это расстояние? Если силы поддерживают взаимное отношение атома к атому, то опять для нас остаётся темно: что такое сила? Что такое тяготение? Какова природа того и другого? Какое различие между ними? Кто проявляет их? Каков запас их? Велик ли он? И разные подобного рода вопросы».

– Вы поступаете весьма благоразумно, что не наполняете своей головы праздными и неразрешимыми вопросами. Материя не может быть изучаема с точки зрения: «что такое материя», это несерьёзно и ненаучно; материя изучается со стороны её проявлений или манифестаций. Мы не имеем права спрашивать себя: «что такое материя»? Но должны себя спрашивать: как проявляется материя? Что она производит? Чем она может быть? Разбирая же вселенную с этой точки зрения, мы приходим к заключению, что всё в природе есть материя, или что материя – это всё, и что кроме материи ничего нет.

– Но что же после этого составляет предмет деятельности позитивизма? Вы сами заявляете, что специальность Ваших исследований природы есть изучение манифестаций материи. Но ведь материю в самой себе Вы ни одним органом Ваших чувств, ни одним инструментом, которым Вы производите Ваши опыты и наблюдения, познать не можете? Вполне в настоящее время доказано, что человек прямым опытом может познавать одно лишь впечатление, производимое предметом через органы чувств на головной мозг, и что эти впечатления часто совершенно не похожи ни по своей природе, ни по существу на самый предмет, рассматриваемый в самом себе. Из чего следует, что вся задача позитивизма заключается в заведомом изучении этих несуществующих фикций, этих призраков, которые проявляются в мозгу каждого человека особо, при том условии, что никто не может проверить, одинаковые ли впечатления получают у всех от одного и того же предмета. Может быть, и впечатления, производимые предметом на мозги двух стоящих рядом людей, тоже разные? Чем доказал позитивизм, что эти впечатления у разных людей получают одинаковые? Ведь это

тоже весьма сомнительно, и мы желали бы получить и этому обстоятельству какое-либо доказательство.

Вся эта масса неотвеченных вопросов ясно очерчивает, насколько деятельность позитивизма ограничена и как он мало удовлетворителен. Тот, кто будет говорить, что позитивизм принёс много пользы знаниям, конечно, будет прав, ибо познания природы ежегодно расширяются неимоверно. Но с другой стороны надо сказать, что всё это кажущееся расширение знаний перед той обширной областью, которая давно раскрыта для науки и настоятельно требует своего изучения, сущее ничтожество. А потому надо сказать с уверенностью, что позитивизм не обладает полными знаниями природы, и что тот, кто это утверждает, крупно заблуждается.

Теперь разберём мнение тех защитников позитивизма, которые ощущают и сознают всё ничтожество его настоящих трудов и задач и прощают ему это, ссылаясь на его молодость; они надеются, что настанет, наконец, то время, когда позитивизм заполнит все пробелы своих знаний, которыми он изобилует теперь.

Нам кажется, что позитивизм не имеет права ссылаться на свою молодость. Наука так же, как и всякое дело имеет свою цель и назначение; если кто не исполняет своих обязанностей, тот не стоит на той высоте своего положения, на которой ему надлежало бы стоять. Почему сделали бы мы науке большее снисхождение, чем, например, воину, который сложил бы своё оружие перед трудностью борьбы с более сильным врагом? Или должнику, который отказался бы платить по векселю? Наука – позитивная она или какая бы ни была – всё же остаётся наукой и обязана давать научные разъяснения тем фактам и явлениям природы, которые она добывает путём эксперимента; она обязана отвечать на все вопросы, возрождающиеся в мозгах мыслящей публики. Если бы даже ей был предъявлен глупый вопрос, она обязана снизойти к неразвитости общества и сказать ему дурака, но не просто, не одним только словом, но вполне толково и мотивировано. Она обязана давать отчёт в своих исследованиях природы, доводя свои умозаключения до того конца, который требует средний уровень развития публики. Если позитивизм действительно молод, он в

первое время мог бы давать менее совершенные объяснения, может быть, даже ошибочные, но, во всяком случае, они были бы ближе к истине, чем в настоящее время объясняют сами себе эти факты (и каждый по-своему) люди, совсем не компетентные в научном деле. Со временем, по мере того, как позитивизм крепнул бы в своём деле и его разъяснения природы были бы всё более и более совершенны, тогда успел бы он выправить старые неточности прежних знаний.

Дело совсем не в том, что позитивизм не может давать разъяснения фактов и явлений, но в том, что он не хочет, не считает себя вправе делать это. Позитивисты уверили сами себя, что они психически несостоятельны и что они не могут доводить своих заключений до конца, и, конечно, пока они будут держаться этого убеждения, они не будут расширять пределов своей мысли. Дело совсем не в молодости науки, но в предвзятых идеях и принципах. Во всяком случае, наука оценивается не потому, что из неё может со временем быть, но по наличным результатам. Наука, в которой окончательно отсутствует главный умозрительный элемент, не может быть названа молодой наукой, ибо, как наука, она ещё совсем не родилась. Она тогда начнёт быть наукой, когда введёт в свои стенки умозрительную часть. А в том виде, в каком в настоящее время мы видим позитивизм, он не более, как искусство.

Нам скажут, в современной науке есть прекрасные и точные умозрительные объяснения многих фактов и явлений природы; некоторые из них чрезвычайно смелы и простирают свои умозаключения далеко за пределы познаваемого, которыми оградили науку Огюста Конта, Литтре и Льюиса, а потому несправедливо было бы обвинять современный позитивизм в том, что он до сих пор строго держится их программ. Ведь это было бы коснением, а всякое коснение есть враг прогресса и науки.

На это мы просим позволения возразить:

1) Как подробно читатель увидит ниже, в статье «История развития мысли», мы совершенно не считаем Огюста Конта и его последователей создателями или творцами позитивизма. Позитивизм так же стар, как и наука. Огюст Конт и его последователи только описали и мотивировали то, что раньше по необходимости

и безотчётно существовало в науке; они уяснили значение позитивизма и классифицировали знания. Позитивизм очень древен. Александр фон Гумбольдт находит, что в науке древних арабов преследовались совершенно те же принципы экспериментальности, как и в современном позитивизме. В том-то и состоит главное горе, что позитивизм вошёл в кровь и в плоть учёных уже тысячелетия тому назад и сидит так глубоко в недрах науки, что его никто больше не замечает; к нему так все привыкли, что считают науку невозможной без него. Но узкость его программы делает то, что каждый учёный, произнося свои умозаключения, принуждён в большей или меньшей степени преступать эту программу; себе он это разрешает, видя всю возможность, логичность и необходимость подобной вольности; но в других он этого не терпит, также как и другие не терпят его свободного умозаключения. Отчего все эти научные вольности не становятся общепринятыми, и каждый учёный принужден не надстраивать здание науки, основывая свои выводы на прежде выведенных умозаключениях, но принуждён основываться на позитивных данных и начинать свои выводы сначала? Всякая система или теория, преступающая хотя бы отчасти программы позитивизма, разбору науки не подлежит, как бы она в сущности ни была логична, научна и разумна и, как справедливо говорит М. Литтре, она не обсуждается, не оспаривается и не утверждается, но прямо игнорируется, оставляется без внимания, без обсуждения адептов рациональной науки; следовательно, она не связывается с остальными данными науки и не становится научным достоянием. Подобное отношение позитивизма к знаниям образует полную беспроборочную анархию в науке, полную разрозненность мнений, одним словом, хаос.

2) Мы, действительно, видим в науке очень много смелых умозаключений и разъяснений фактов и явлений; но разберите их глубже, и вы увидите, что большинство из них все ветви от древа, описанного Огюстом Конттом. Эти ветви могут далеко удаляться от ствола, они могут быть покрыты до того роскошной листвой, что она скроет от нас всё происхождение этой ветви, но, какая бы она ни была, она всегда будет ветвь, ибо все основания для выводов и все исходные точки мышления исходят из позитивного ствола; и если когда-нибудь позитивизм будет признан заблуждением и ему придётся пасть, то погибнут и эти все его прекрасные

и роскошные ветви, как следствия заблуждения позитивизма.

Многие из этих ветвей позитивизма необыкновенно красивы и заманчивы, мы считаем их великими, научными открытиями, могущими составить славу и гордость нашего времени, но действительно ли это так и не потому ли мы их считаем такими, что сами привыкли к рутине позитивизма и составляем невольных и машинальных его рабов и сообщников и в других мы так же, как и все остальные, не перевариваем научного вольнодумства.

Однако, мы совершенно не желаем бросать тень на всю науку и утверждать, что, кроме позитивной, нет в ней другой, более свободной и правильной мысли. Мы говорим о господствующей науке и о большинстве. Свободная мысль существует и в наше время, её может быть больше, чем когда-либо она была. Ум человеческий работает в настоящее время так же, как и во все времена существования науки; это его естественное назначение, составляющее неизбежную потребность. В настоящее время появляются теории и системы, основанные на выводах разума, не стеснённого позитивными принципами; но в массе самых разноречивых научных данных очень трудно нам, публике, отличить пшеницу от плевел. Укажем также на то, что все эти вольнодумные теории и системы, как те, которые основаны на свободной мысли; так и те, которые имеют своим основанием позитивные принципы, но в выводах своих удаляются от позитивного ствола, не считаются достоянием науки. Привычка к научной нетерпимости всего, что переступает известный предел познаваемого, заставляет науку чуждаться их, не затрагивать их, не развивать, не считать их бесспорными данными науки; а потому они не проверяются, не прилагаются к науке, как бесспорные её данные, и на них позитивизм не строит для дальнейших выводов своей науки.

Для примера укажем на эфир. Необходимость признания реального существования эфира в настоящее время кажется нам прочно установленною. Необходимость его участия во всех явлениях и манифестациях материи доказана вполне; выяснена величина его волн, его значение в явлениях, его влияние на каждое явление, но стал ли он от этого общепринятым в науке? Можно ли сказать, что он стал бесспорной данностью науки, если все разнородные о нём сведения не согласованы между собой, если то, что

признаёт один, отвергает другой, то, что один учёный признаёт доказанным, то признаёт другой сомнительным, наконец, и до сего времени Вы найдёте учёных, которые отвергают его совсем и решительно признать не хотят.

Такая разрозненность и такой хаос царствуют во всём позитивизме, даже в теориях и в системах, которые должны бы были быть согласованы между собой, так как составляют область непосредственного и специального ведения позитивизма. Например, А. Введенский, приступая к теории построений материи на принципах критической философии, собрал некоторые несогласия в учениях о материи и говорит: «Многие учёные объявляют невозможным существование в материи таких сил, как непосредственное притяжение на расстоянии Землёй Луны, и считают необходимым объяснять эти явления комбинациями толчков междупланетной среды и т.п. «В настоящее время, – говорит г. Хвольсон, – ни один мыслящий физик не признаёт такого действия одного тела на другое. Всякий понимает, что приближение тел друг к другу должно иметь какую-нибудь внешнюю причину, которая, однако словом „притяжение“ не объясняется». Однако эти действия признавались и признаются такими физиками, которых никак нельзя назвать неммыслящими, и не только физиками недавнего прошлого, ещё почти вчера жившими, – каковы, Ампер, Коши, Кренель и др., но и современными – Вильгельмом Вебером, Цёлльнером, Гельмгольцем, Гирном и др.; последний называет объяснение тяготения посредством движений *non sens absolu*. Не очевидный ли хаос мнений? По словам одного учёного выходит, что такой исследователь, как Гирн, оказывается неммыслящим, а по словам последнего, – первый проповедует абсолютную бессмыслицу! Но каково мнение самого Гирна? Для всех сил, кроме разве тяготения и упругости, он допускает существование какой-то особой подвижной, но нематериальной субстанции, благодаря которой (но не её движениям) материальные атомы испытывают те или другие перемены; она то и составляет силу электричества, света, теплоты и магнетизма. «Гирн, блестящим работам которого по теплоте справедливо отдаёт уважение весь учёный мир, говорит Секки, придумывает для сил какие-то особые сущности, не то духовные, не то материальные, или, лучше сказать, нечто такое, что трудно и даже невозможно себе уяснить. Нельзя не пожалеть, что столь искусный

исследователь вводит в науку подобные туманности». Такое же разногласие мы встречаем в вопросе о построении материи. По одним теориям она считается сплошной и непрерывной, по другим же атомистичной, причём и те, и другие подразделяются ещё больше. Так, теории сплошной материи далеко не одинаково объясняют разнообразие тел: Томсон предполагает для этой цели существование в материи неразрушимых и несливающихся между собой вихревых колец (вроде колец табачного дыма); Делингсгаузен же допускает в ней состояния волны (вроде тех, которые возникают при колебаниях струны не как целого, а разделившейся на отдельно колеблющиеся части) и т.д. Столь же разнообразны и признаваемые ныне атомистические теории. Одни допускают протяжённые атомы, которые не имеют никаких сил. Другие сверх протяжённого вещества допускают в них и силы. Третьи, напротив, отрицают в атомах протяжённость и считают их только пунктами, из которых исходят действующие на расстоянии силы. Четвёртые считают атомы постоянно-однообразно изменяющимися скоплениями материи и т.д. То же самое разногласие повторяется и в понимании массы. Одни её считают каким-то присущим материи сопротивлением переменам состояний и ставят её в связь с инерцией и даже непроницаемостью. Другие рассматривают её как показатель количества материи, понимая под словом „количество“ объём последней. Третьи утверждают, что масса не имеет ни малейшей связи с протяжением. Четвёртые предлагают ограничиться только пониманием массы как коэффициента, соопределяющего вместе с величиной действующей силы скорость тела, и т.д.»

Весь этот хаос и вся эта распушенность в науке, порождающая полную анархию во мнениях и убеждениях учёных, доказывает, что в настоящее время науки нет, и что позитивизм не есть наука, ибо не представляет из себя чего-нибудь цельного, объединённого, стройного и авторитетного, т.е. того именно, чего мы непременно должны требовать от всякой науки и что должно проявляться на каждом шагу, при каждом новом открытии или изобретении. Позитивизм не держит в своих руках человеческих знаний, он не управляет и не руководит ими, но собирает лишь экспериментальные данные и сваливает их в общую кучу, из которой каждый учёный выбирает, по своему усмотрению, что ему подходит, без всякой системы, без всякой связи с остальными данностями науки,

равно и строит свои заключения, совершенно не справляясь с параллельными трудами других учёных в других областях знаний.

Ведь объединять знания и вырабатывать принципиальные понятия может только философия. Философии же с конца XVIII века совершенно нет, она вырвана с корнями из науки, и всё, что носит мало-мальски философский характер, считается ненаучным, несерьёзным и неразумным.

Пусть читатель не думает, что мы требуем введения метафизики в науку. Как метафизика в науке непонятна и неуместна, так и наука без научной философии одинаково непонятна. Сам Огюст Конт считал философию (не метафизику, повторяем) логикой науки и считал, что только она одна может слить все научные знания в одно гармоничное целое, свести их все к одному общему выводу, правильно оценить и сгруппировать их.

Проследим правильный научный ход развития мысли, способный удовлетворить условиям правильного и всестороннего изучения какой-либо области явлений. Прежде чем приступить к изучению чего-либо, я должен предварительно отметить, что именно и с какой точки зрения я буду изучать. Затем я должен справиться во всех областях знания, что именно было уже изучено по этому поводу, и знать какие из найденных мной таким образом данностей науки имеют абсолютный, смысл, какие – вероятный, какие гипотетичный, а следовательно – какие могут служить исходными пунктами мышления, ибо они проверены наукой и приняты ею, какие могут служить лишь как соображения и каких должно избегать, как заблуждений. Руководствуясь этими данными, я могу строить свои умозаключения, владея незыблемыми руководящими нитями принципов, справляясь постоянно со всеми выводами параллельных областей знания. Эта уже одна задача объединения всех знаний не может быть выполнена экспериментальной наукой, но должна составить предмет научной философии. Но, кроме того, научная философия должна бы была считаться ещё с одним чрезвычайно важным вопросом, а именно: почти все приобретённые экспериментальным путём понятия о природе не могут быть приняты прямо, как реальности, ибо вещь в самой себе не есть ещё то представление о ней, которое получено через эксперимент. Принимая, как до сих пор принимал позитивизм, понятия, добытые

экспериментом, за реальности, без всякой предварительной переработки их философским путём, и не отделив в них возможное и вероятное от сомнительного, мы действуем опрометчиво и вполне ненаучно, что свидетельствует: 1) что мы не обладаем чувством фактичности, ибо в противном случае мы не смешивали бы условные понятия с абсолютными; а в 2) то, что те понятия, какие должны бы были служить одними лишь соображениями ума, мы переносим на самые явления и устанавливаем на них своё понятие о реальности; тогда как заведомо они составляют только непогрешимые исходные пункты мышления, от которых мы должны бы были исходить выводом нашего познания природы, а ни в каком случае не принимать их за самые знания. Принимая же начало мышления за конечный вывод, мы необходимо должны вдаваться в безысходные противоречия и в неисправимые заблуждения.

Чтобы быть более или менее непогрешимым, параллельно со всяким естественно-научным исследованием, должна непременно производиться философская обработка его, цель которой состоит в том, чтобы на основании данных, добытых экспериментом, правильно установить наши познания о нём; т.е. выделить всё реальное, находящееся в них, и построить такие понятия о природе, которые имели бы действительное значение, вполне возможное или вероятное, связанное со всем остальным зданием науки. Эти понятия могли бы при дальнейших выводах нашего ума служить в свою очередь исходными пунктами последующего мышления. Без такого образа действий наука не может приобрести никакого критерия, который дал бы нам возможность отличить реальное от воображаемого, и мы будем всегда бродить в тумане фантазий и противоречий.

Что позитивизм в самом деле не может считаться наукой не лучше ли всего доказывают царствующие в настоящее время в нём анархия мнений и полный хаос знаний, вызывающие непримиримые разногласия в науке, взаимные попреки и обвинения в недомыслии и в нелепостях, которые делают друг другу никто иной, как представители физики, т.е. той области, где, по-видимому, не должно быть места для произвольных, шатких и фантастических взглядов.

Всё вышесказанное доказывает, что в настоящее время наука

без руля и ветрил двигается по инерции, в ожидании того времени, когда на неё взглянут более серьёзно и примутся за окончательную перестройку и переработку заново всего, что в ней находится.

Не надо этому удивляться, мысль эта не нова: сам Огюст Конт никогда не ставил высоко задачи позитивной науки. Он никогда не называл её ни позитивной и ни рациональной наукой, а просто экспериментальной и придавал ей весьма ничтожное значение среди всех остальных человеческих знаний. Он сам отвергал, чтобы эта экспериментальная наука могла бы быстро следовать по пути своего развития и советовал умышленно тормозить её развитие, ибо величайшей из забот его была единственно та, чтобы люди не старались знать больше, чем достаточно. А потому разработку позитивизма он поручал только неудачным кандидатам на священническую должность, кандидатам, «которым было отказано в приёме в священники по недостаточности нравственного величия и твёрдости характера, но которые могли быть признаны достойными оставаться в числе пенсионеров духовного звания во внимание к их теоретическим способностям». (Д.С. Милль, стр. 159). До такой степени пустым считал он экспериментальную науку. Он питал прямо ненависть к ней и допускал её только в пределах строгой необходимости, когда через неё можно было достигать или нравственной, или социальной пользы.

Многие учёные открыто протестовали против университетской науки вообще и возможности считать наш современный позитивизм наукой; например, Артур Шопенгауэр весьма энергично восстаёт на возможность применения принципов университетской науки в серьёзной науке и философии. Он называет подобных людей рыцарями ремесла и профессии и в своих «Философских рассуждениях о четвёртом корне закона достаточности основания» (Перев. Фета, Москва, 1886) говорит: «Если бы с высокого Олимпа истина сошла бы нагая, как мать её родила, и приносимое ею найдено было бы несоответствующим требованием тогдашних временных обстоятельств и целям высшего начальства, господства „профессии и ремесла“, воистину, не стали бы терять времени с этой непристойной нимфой, с этой невестой без приданого, а поскорее прогнали бы её комплиментами обратно на родной Олимп.

Ибо, конечно, вступающий в связь с этой заманчивой сиреной должен отказаться от счастья быть философом на государственной кафедре. Он будет, если и пойдёт высоко, то разве философом на чердаке из-за куска насущного хлеба.

Пусть они продолжают поступать как хотят: истина „в угождение ремеслу“ не станет другой.

Действительно серьёзная философия переросла университеты. Быть может дело дойдёт до того, что она будет сопричислена к тайным наукам; тогда как её изнанка, та университетская *ancilla-theologiae*, этот плохой дублет схоластики, коего высшим критерием философической истины – местная догматика, тем громче будет раздаваться в аудиториях: „Мы пойдём одним путём, а вы ступайте другим“».

Карлейль говорит: «Жизнь этих людей посвящена поруганию истины и религии. Взор их только скользит по поверхности природы. Вся её красота с бесконечным тайным величием, никогда, ни на одно мгновение, ими не была понята... Разлагая материю, роясь во внутренностях человеческих трупов и не находя в них ничего, кроме того, что можно взвесить и ощупать, они решили, что нет души, нет Провидения, – есть одни прирождённые материальные силы... Их теория мира, картина человека и человеческой жизни – как они мелочны и жалки».

Огюст Конт находит, что метафизики и литераторы (*lettrés*) содействовали ниспровержению старой религии и старого социального порядка, но вполне враждебно относятся к созданию чего-либо нового; они желают только продлить время существующего скептицизма и умственной анархии, которые доставляют им дешёвое средство к социальному влиянию, избавляя их от труда приобрести его посредством прочной подготовки. Учёный класс, от которого можно было бы ожидать самых лучших проявлений, оказывается, если возможно, ещё хуже. Чуждые обширных взглядов, пренебрегающие всем, что слишком широко для их понимания, посвятившиеся каждый исключительно своей специальности, презрительно равнодушные к нравственным и политическим интересам – учёные имеют единственную цель: приобрести поскорей репутацию, а во Франции (путём состоящих на жаловании академий и профессорских кафедр) даже и личную выгоду, сводя свою науку

на праздные и бесполезные исследования, не имеющие значения для действительных интересов человечества и стремящиеся отвлечь мысль от этих интересов. Одна из самых важных обязанностей общественного внимания и духовной власти состоит в том, чтобы клеймить как безнравственное и деятельно устранить такое бесполезное употребление умственных способностей. Надо удерживать всякое упражнение мысли, не приносящее какой-либо пользы человечеству». (Милль о Конте, стр. 155 – 156).

Кант признаёт материализм первой законной ступенью на длинной лестнице философских систем, ведущей постепенно до чистого идеализма; вторая ступень, по его мнению, есть скептицизм. Обе эти системы он считает чистейшими заблуждениями, но говорит, что эти заблуждения весьма естественны при развитии наук. В «Пролегоменах», стр. 166 и 167, он говорит следующее: «Я нахожу, что психологическая идея, хотя и не открывает мне ничего относительно чистой сверхопытной природы человеческой души, однако, по крайней мере, довольно ясно показывает неудовлетворительность опытных понятий об этом предмете и этим отклоняет меня от материализма, как такого психологического понятия, которое не годится ни для какого естественного объяснения и, сверх того, суживает разум в практическом отношении. Точно так же космологические идеи, показывая очевидную недостаточность всего возможного естествознания к удовлетворению законных запросов разума, удерживают нас от натурализма, признающего природу самодовлеющую. Таким образом, трансцендентальные идеи, хотя и не дают нам положительного знания, однако служат к упразднению дерзких и суживающих область разума утверждений материализма, натурализма и фатализма, и через то дают простор нравственным идеям вне области умозрения; это, мне кажется, в некоторой степени объясняет естественную способность к этим идеям».

Либих в своих химических письмах называет материалистов прямо «дилетантами».

Ф.А. Ланге, как вывод из своей «Истории Материализма», делает следующее заключение: «... что провозглашением материалистических идей в большинстве случаев занимались не самые основатели, открыватели и изобретатели, одним словом, – не первые

мастера какой-нибудь специальной области, и что потому немало ошибок в старом методе сделано людьми, подобными Бюхнеру, Молешотту и Фогту» (стр. 120).

«Желание построить философское мировоззрение исключительно на естественных науках в наше время может быть обозначено как философская односторонность самого дурного свойства. С тем же правом, с которым эмпиристический натурфилософ, на манер Бюхнера, противопоставляет себя одностороннему специальному исследованию, всякий всесторонне образованный философ может противопоставить себя Бюхнеру и поставить ему в упрёк те предубеждения, которые неизбежно должны произойти из ограниченности его круга зрения». (Ланге, т. II, стр. 123, 124).

Чольбе, в сущности, сам материалист, и упрекает своих же собратьев в том, что, несмотря на постоянные и вековые споры за и против материализма, они не могли ещё сделать чего-нибудь, чтобы привести свой способ понимания вещей в удовлетворительную систему: «Что в самое новейшее время, – спрашивает он, – сделали для этого Фейербах, Фогт, Молешотт и др., – суть лишь возбуждающие, отрывочные утверждения, которые при более глубоко рассмотрении дела неудовлетворительны. Утверждая лишь вообще объяснимость всех вещей чисто естественным образом, но не сделавши даже попытки доказать её в частности, они находятся ещё в сущности на почве враждебной им религии и умозрительной философии». (N. Darst. d. Sensual. Leipzig, 1885 г., S. VII). (Ланге, т. II, стр. 113).

Ботаник фон-Моль: «Кто собственно велел натуралистам философствовать, вместо того чтобы исследовать? Разве когда-нибудь какой-либо философ, даже в период сильнейшего брожения, хотел серьёзно заменить точное исследование своею системою? Даже Гегель, самый высокомерный из новейших философов, никогда не смотрел на свою систему, как на положительное завершение научного познания, как это должно бы быть по тому пониманию, которое мы оспариваем. Он очень хорошо знал, что никакая философия не может пойти дальше совокупного умственного содержания своего времени. Конечно, он был достаточно ослеплён, чтобы не ценить богатые философские сокровища, которые частные науки дают мыслителю, и в особенности он ставил слишком

низко умственное содержание положительных наук. Если бы их собственная наука имела более твёрдое основание, то она лучше противостояла бы бурям страсти к умозрению.

«Это происходит отчасти от того, что наука часто ради денег и почестей позволяла злоупотреблять собой для того, чтобы поддерживать отжившие силы и служила хищническому интересу указанием на прошлое великолепие и на историческое приобретение общевредных прав». (Ланге, т. II, стр. 150, 151).

Н.Я. Грот. Профессор Новороссийского университета, в своей книжке «О душе как силе», 1886 г., восклицает: «Не пора ли, наконец, нам очнуться от «позитивного террора», который овладел обществом в последние десятилетия?»

Доктор Бенедикт в Вене (в своей книге «Каталепсия и Месмеризм», СПб., 1880, перев. Дмитриева, на 12 странице) говорит: «Во-первых, учёный мир издавна свирепствовал против истин, вышедших не из цеха, – это факт исторический. Но хотя бы истина вышла из среды учёных и премудрых, всё-таки, если она не одобрена учёным миром, цеховое фарисейство ополчалось против учения и учителя; если бы союз фарисейства с светской властью не был историческим фактом, – не пришлось бы Сократу выпить цикуту, Христу Спасителю быть распятым, Гусу быть сожжённому и т.п.

Во-вторых, цеховая оппозиция вооружается и тогда, если мысль не созрела для научного мира, или сам научный мир не созрел для этой истины.

Непонятность Месмеровского влияния не должна бы вызывать против себя столь злобной вражды со стороны врачей; действие большей части лекарств и прежде было, да и теперь остаётся неизвестным. Кому же известен, например, механизм действия морфия, атрофина, или почему яды действуют так, а не иначе?»

М.П. Погодин: «Наука, грамота, религия и вообще всё может быть употребляемо во зло. Злоупотребления, увлечения, дерзость возгордившихся жрецов науки возмущают всякого благочестивого скромного искателя истины (или, лучше, сказать, наших попугаев имел я в виду, говоря о безответственности науки на высшие вопросы человеческие).

«Если бы мы поняли что-нибудь совершенно, если бы могли

иметь надежду, по верным данным, что можем понять и узнать всё, хотя мало-помалу, то наше неверие могло бы сколько-нибудь оправдаться. Но ведь мы остаёмся во мраке среди своих усиленных, напряжённых исследований, и не должны иметь никакой надежды выйти на свет по одному этому пути, под руководством разума.

«Неужели весь род человеческий осуждён на Сизифову работу – втаскивать с усилием на гору камень, который скатывается оттуда вниз? Или на занятия Данаид, которые должны были накачивать бездонные кадки? Может ли быть так? Неужели так должно быть, и этому не будет конца? Ум отказывается верить такому учению. Что-нибудь, да не так.

По одному пути науки, разумеется, в своей степени необходимо, нельзя, видно, найти истины, получить здесь полное удовлетворение.

Откуда все взялось? как произошло? кто дал нам жизнь? что она такое? для чего мы живём? что такое смерть? бесконечность, беспредельность, вечность, пустота? ... Одни из модных философов ищут себе ответов на эти и подобные существенные вопросы, не находят, встречаются с противоречиями и отвергают; другие, позитивисты, не отрицая существования вопросов, объявляют их не принадлежащими науке; третьи говорят, что искать ответов нечего, что вопросы эти не стоят внимания, а должно думать только о том, исследовать только то, что подлежит нашим чувствам.

Другие философы признают существование вопросов, но объявляют их не принадлежащими позитивной науке.

Кому же они принадлежат? Куда деться от них? Что делать с ними? Под красное сукно положить их нельзя.

Вы считаете их не принадлежащими науке, потому что объяснить их не можете, но вы допускаете их существование, так отнеситесь, по крайней мере, к вопросам этого рода, как к высшим тайнам религии, с большим почтением и смирением.

Можно недоумевать, можно сомневаться, можно быть неуверенным и говорить: не понимаем, не знаем, но отрицать безусловно непонимаемое есть и дерзость, и невежество.

Учёные, отвлекаясь, увлекаясь и завлекаясь, могут иногда довольствоваться мнимой положительностью и даже наслаждаться

своими открытиями в её пределах: иные, погружаясь в свои изыскания, тонут в их глубине (а наши – в помойных ямах Запада), и до такой степени овладевают ими, что лишаются способности поднять голову, посмотреть на небо и обозреть горизонт. Теряясь в частностях, они не могут уже возвыситься до общего; занимаясь мелкими дробями, тупеют для воображения миллиардных чисел и так тяжелеют, что не могут возвыситься до мысли о великой Единице трёх ипостасей.

– А вы разве понимаете? – спрашивают эти философы своих противников. – Нет, не понимаем, – те отвечают, – и даже более, не смеем сказать, что верим, потому что часто колеблемся и забываемся, но можем сказать, что преклоняемся со страхом и трепетом пред вечною Премудростью, чьею бы то ни было, говоря вашим языком, перед Богом, как мы её называем, благоговеем пред Спасителем, великим Учителем рода человеческого, Иисусом Христом, и в лучшие минуты своего сознания молимся: веруем, Господи, помози нашему неверию!

Мы не понимаем и смиряемся пред непостижимостью, а вы сквернословите и богохульствуете.

Наши философы, нигилисты и прогрессисты суть большею частью недоучившиеся студенты и озлобленные семинаристы, или дилетанты самоучки.

Со всеми науками, искусствами, теориями, системами, политикою и всякою премудростью они познакомились как будто из телеграмм и, не дождавись почты, пустились судить и рядить вкось и вкривь о всех великих задачах человеческой жизни, о всех важнейших вопросах государственного управления.

Друзья мои! Подождать бы вам почты: может быть, принесла бы она вам основания более твёрдые и прочные». (О модн. толк., стр. 22, 23 и 30).

Н.Я. Данилевский в своём замечательном сочинении «Дарвинизм» (т. II, стр. 504 – 506) говорит: «Я весьма далёк от той мысли, что границы положительной науки не только в данное время, но и вообще совпадают с законными границами человеческого мышления. Есть учение, дающее себе название позитивной философии, утверждающее это. Здесь не место его разбирать, и я замечу только, что так называемый позитивизм, так же мало имеет

права называться философией, как учение, которое бы утверждало, что всякое врачевание (и диетическое, и профилактическое, конечно, в том числе) бесполезно и бесцельно, имело бы право называть себя врачебной наукой; или учение аббата Сент-Пьера о вечном мире – стратегией или тактикой. Притязания позитивизма представляются мне в образе датского и английского короля Канута Великого, повелевающего морскому приливу остановиться у ног, с тою, однако же, существенною разницею не в пользу позитивизма, что Канут приказывал приливу иронически, для посрамления своих льстецов, – Конт же и его последователи серьёзно отдают приказ человеческой мысли остановиться и не идти далее. Конечно, и мысль имеет столь же мало возможности последовать их велению, как и море приказанию Канута.

Неправильно то представление, по которому метафизика и положительная наука представляются фазисами развития человеческой мысли. Это не фазисы развития, а два метода, которые всегда совместно действуют при стремлении человека познать природу (т.е. всё, что есть). Но если, по великолепному выражению Бера: „наука вечна в своём источнике, не ограничена ни временем, ни пространством в своей деятельности, неизмерима в своём объёме, бесконечна в своей задаче, непостижима в своей цели“ (Baer Reden., 1864, S. 121), то напрасны опасения или надежды, что она когда-нибудь достигнет той точки, на которой или обратится вся в философию, в метафизику, в дедуктивный вывод из единой общей идеи; или, наоборот, вытеснит всякую метафизику, т.е. последовательным и непрерывным рядом наблюдений и опытов достигнет полного всецелого знания. То и другое одинаково невозможно!»

После всего вышесказанного делается понятным, отчего последователи позитивизма должны непременно быть атеистами, или материалистами. И какое же другое мировоззрение может дать наука, которая проповедует, что природа обходится своими собственными законами, что материя обладает достаточным количеством свойств ей присущих от вечности, чтобы производить все явления природы. Человек изучает науку с самых ранних лет и не только никогда в ней не встречался с вопросом о Боге, но считал

запрещённым и постыдным поднимать такой пустой вопрос, на который он вперёд знал, какой получит ответ.

На это нам возразят, что в каждой школе обязательно изучать закон Божий и что всякий знает, насколько это необходимо.

Но дело не в том, что учат, а на какую почву подает семя учения. Если почва плохая, не разработанная, не готовая, то и плоды будут скудны.

Здесь мы встречаемся с двумя элементами: с вопросом о безверии, который весьма легко принимается на почве нашей порочной души, нравственно парализованной, и с вопросом о вере в отвлечённого Бога, который, как всякая отвлечённость, не соответствует вашим привычкам и складу нашего позитивного ума.

Оставляя в стороне современный позитивизм, надо сказать, что во все времена существования науки, начиная с самой глубокой древности, люди с атеистическим и материалистическим складом ума давали исследования природы несравненно уже и поверхностнее, чем учёные со спиритуалистическим мировоззрением, о чём речь будет ниже.

ГЛАВА V.

Мировоззрение материалистов.

Во все времена существования человека появлялись люди с могучим и высоким развитием своих внутренних чувств, своего сердца и души, которые открывали в природе впечатления истины и красоты, остающиеся для всех остальных вполне непонятными и недостижимыми. Если к этой нравственной силе присоединялись гениальный ум и научные познания, то свет обогащался новым учёным, обширнейший кругозор которого дарил науке новые учения и великие открытия.

Современники редко понимали всю высоту мысли их и всё значение этих учений. Они всегда понимали их по-своему; частью учения эти совсем оставались непонятыми и скоро забывались; частью они переиначивались и приспособлялись к более узкому и поверхностному взгляду людей на природу вещей.

С течением времени, по мере того, как средний уровень нравственного развития людей возвышался, и понимание этих учений всё более и более приближалось к тому коренному смыслу, который сам их творец придавал им.

Учения многих знаменитых мыслителей оставались целые тысячелетия непонятыми и не понимаются в истинном их свете и до настоящего времени. Многие, что говорили нам такие мыслители, как Сократ, Сенека, Марк Аврелий, возбуждает в нас ещё в настоящее время сомнение и даже улыбку; но свет дозреет и до них, и когда-нибудь и они будут поняты и оценены.

Великие мыслители и столпы образованности редко оценивались их современниками по достоинству. Оценивали их разве в десятом и двадцатом поколении; при жизни же они были обречены влачить тяжёлое существование в одинокой борьбе с грубостью и невежеством.

В противоположность им, мы видим, какую популярностью и любовью общества пользуются материалистические и атеистические писатели и философы. Нравственное развитие их более подходит под развитие общества, все учения их уже и поверхностней, и потому лучше усваиваются обществом. Из них многие были люди высоко умственно развитые, обладали большой учёностью, даром слова, неотразимой логикой и умением излагать свои мысли просто и естественно, так что слушатель не мог не согласиться с ними. Они при жизни своей уже пожинали лавры от научных своих трудов и имели толпы последователей.

С одной стороны, надо справедливо отнестись к их полезной деятельности, ибо хотя они проповедовали и материалистические учения, но этим они возбуждали научный интерес общества и через это подготовляли его к восприятию высших истин. Незрелое ещё общество требовало себе лёгких форм учений и пользовалось их философией, как временной и переходной формой, чтобы со временем уметь понимать великих мастеров науки.

С другой стороны, нетрудно видеть и их заблуждения. Многие из них решительно не могли обнять никаких отвлечённых представлений, ничего индуктивного; понятия о духовной сущности вещей и причинности были для них положительно недоступны, и вся мудрость их ограничивалась поверхностным изучением материи, её законов и видимых проявлений природы. Они в материи самой и искали причину возникновения материи; объяснения явлений искали в самих явлениях и ни за что не хотели, а лучше сказать, не могли, не были способны допустить ничего отвлечённого, скрытого и умозрительного, и вся природа, по их мнению, ограничивалась одним видимым миром.

При этом мировоззрении никакая философия не мыслима, ибо атеистической философии нет и быть не может. Сколько ни трудились люди, однако, до сих пор, никому из них ещё не удалось создать атеистической философии.

До сего времени ни одна из философских систем не могла создать такой космогонии, которая обходилась бы без чего-нибудь Всеобъемлющего, Всесозидающего, или вообще без элемента Господствующего или Первенствующего во вселенной; ни одно мировоззрение не полно и не понятно без этого «нечто». Каждый материалистический философ старался определить и выяснить это «нечто» по-своему; каждый из них, не признавая ничего отвлечённого, ничего ему неизвестного, искал его кругом себя, в своей науке, в своих знаниях, в опытности и, не находя другого исхода, ничего более подходящего, должен был остановиться на признании Бога-материи, Бога-силы, Бога-движения или чего-либо подобного, лишь бы не признать истинного Бога; каждый из них рисовал себе по-своему неверно понятого Бога в том виде, как позволяли ему ограниченные и односторонние научные убеждения его, в связи со слабым нравственным развитием души его.

Это факт, действительно достойный замечания, что всякая философская система, как бы она ни желала стать ближе к чистому атеизму, должна была всё-таки признать если не кого-нибудь, то что-нибудь за Бога.

«Если посмотреть, – говорит Ланге, – как атеист Штраус уснащает свою вселенную, чтобы её почитать, то приходишь невольно к убеждению, что он ещё не очень удалился от почитания истинного Бога. По-видимому, остаётся только делом вкуса, чтит ли он в мужеском роде „Бога“, или в женском „природу“, или в среднем „мироздание“. Чувства те же, и даже способ представления предмета этих чувств не отличается существенно. Ведь по его теории этот Бог не личен, а в одушевлённом энтузиазме и в мироздании принимается им за лицо». (Истор. мат., т. I, стр. 466).

Чтобы лучше ознакомиться со взглядами материалистических теорий на Бога и на мир, приведём вкратце их подлинные слова, из которых мы увидим, что многие очень близко приходят к понятию об истинном и личном Боге, как Творце вселенной. А именно:

I. Эпикур почитал представление о богах, как элемент благородной человеческой сущности, а не самих богов, как внешние существа. Он почитал богов за их совершенство, что он мог делать как в случае, когда это совершенство выражается во внешних действиях, так равно и тогда, когда оно раскрывается в наших мыслях

как идеал; и это последнее, кажется, составляло его настоящую точку зрения. Душа, по его мнению, есть тонкое вещество, рассеянное по всему агрегату тела, походящее более всего на воздух с примесью тепла. Тело облекает душу и проводит в ней ощущение; через неё оно делается причастно ощущению, хотя не вполне, и теряет это ощущение, когда душа рассеивается. Когда тело разрешается, – душа должна разрешиться вместе с ним. (Ланге, т. I, стр. 79, 83).

«Эпикурейские боги совершенно похожи на человека, только имеющего невещественное тело; они обитают промежуточные пространства между отдельными мирами и наслаждаются вечным блаженством, состоящим в том, что они не заботятся ни о чём и не обращают никакого внимания на людей». (Истор. Филос. Бауера).

Он основывал существование богов на ясном, субъективном познании, которое мы имеем о них; но он учил, что безбожник не тот, кто отрицает богов, но скорее тот, который соглашается с мнением толпы о богах. На них следует смотреть, как на вечных, бессмертных существ, блаженство которых исключает всякую мысль о заботе или труде; поэтому явления природы идут в своём течении по вечным законам, и никогда на них не действуют боги, величие которых мы оскорбляем, когда предполагаем, что они заботятся о нас; но мы должны их почитать *за их совершенство*.

II. Лукреций Кара различал душу (пневма) и дух (нус). И то, и другое он считает тесно соединёнными между собою составными частями человека. Как рука, нога, глаз составляют органы живого существа, так же и дух. Он отвергает воззрение, по которому душа состоит лишь в гармонии всей телесной жизни. Теплота и жизненный воздух (которые составляют тело при смерти) образуют душу, и тончайшая самая внутренняя составная часть её, которая имеет своё местопребывание в груди и единственно чувствует, – есть дух; и душа, и дух имеют вещественную природу и состоят из мельчайших, самых круглых атомов.

Когда в воздухе разносится букет вина или запах благовонного масла, то не видно, однако, никакого уменьшения их веса. То же самое происходит с телом, когда исчезает душа. (Ланге, т. I, стр. 114).

III. Ксенофонт считал основой всего существующего единственное существо, называемое Богом, или – что для него всё равно – это мир. Но мир он почитал не как множество различных вещей, а как одно великое и таинственное целое.

Он признавал основными началами мира четыре элемента: землю, воду, воздух и огонь.

IV. Джон Толанд говорил, что Бог есть всё, из Которого всё рождается и к Которому всё возвращается. Его культ чтит истину, свободу и здоровье, – три высшие блага мудрого. Его святые Отцы Церкви – суть выдающиеся умы и самые лучшие писатели всех времён, в особенности классической древности; но и они также не должны представлять авторитета, который мог бы держать в оковах свободный дух человека. В сократовской Литургии предстоящий взывает: «Не клянитесь словами учителя!» И на это из собрания несётся ответ: «Ни даже словами Сократа». (Ланге, т.I. стр. 257).

V. Гессенди считал мир за устроенное в порядке целое, и спрашивается только, каким образом он устроен, а именно – одушевлён он или нет. Если понимать под душою мира Бога и утверждать только, что Бог Своєю сущностью и Своим присутствием всё сохраняет, всем управляет, и, таким образом, одушевляет, – то это, конечно, можно признать.

Его учение об атомах, пустом пространстве, неделимости до бесконечности, движении атомов и т.д. вполне следует Эпикуру. Замечательно только то, что Гессенди отождествляет вес или тяжесть атомов с их внутренней естественной способностью к движению. Впрочем, он признавал, что этим движением атомы одарены Богом с самого начала.

Бог, заставивший землю и воду произвести растения и животных, сотворил определённое число атомов, чтобы они составляли семена. Затем только начался ряд творений и разрушений, который существует и до сего дня, и будет существовать потом.

«Первая причина всего есть Бог», однако всё рассуждение далее имеет дело лишь со вторичными причинами, которые ближайшим образом производят каждое частное изменение. Но принцип его должен быть необходимо телесным. В искусственных продуктах двигающее начало отлично от вещества; но в природе деятель

действует внутренне, и есть только самая деятельная и самая подвижная часть материи. Между видимыми телами одно двигается всегда другим; самодвижущееся начало – суть атомы.

Его система знает только материальную, состоящую из атомов душу, но дух должен принять на себя роль бессмертия и бестелесности. (Ланге, т. I, 207 – 210).

VI. Гоббс: «Познание Бога вообще не принадлежит науке, потому что там, где нельзя ничего придать или вычесть, прекращается мышление. Правда, связь между причиной и следствием ведёт нас к тому, чтобы принять последнее основанием всякого движения, – первичное движущее начало; но ближайшее определение его сущности остаётся чем-то совершенно невысказанным, даже противоречащим мышлению, так что действительное признание и выполнение идеи Бога должно быть предоставлено религиозной вере». (Ланге, т. I, стр. 219).

Гоббс не считает возможным отвергать чудеса, но он сравнивает их с пилюлями, которые *надо проглатывать, но не следует жевать*.

Человек, по его мнению, есть субъект ощущения, объект – предмет, который ощущается; но образы или чувственные качества, посредством которых мы воспринимаем предмет, не суть самый предмет, а некоторое изнутри нас самих происходящее движение. Следовательно, от светящихся тел не исходит никакого света, от звучащих – никакого звука, но от обоих исходят только известные формы движения. Свет и звук суть ощущения и возникают, как таковые, лишь внутри нас, – как обратное, исходящее от сердца движение. Отсюда выходит сенсуалистическое следствие, что все так называемые чувственные качества как таковые не принадлежат вещам, но возникают только в нас самих. Но рядом с этим стоит чисто материалистическое положение, что и человеческое ощущение есть не что иное, как движение частиц тела, возбуждаемое внешним движением предметов.

В отношении к рассмотрению мирового целого Гоббс придерживается исключительно познаваемых и объясняющихся по закону причинности явлений. Всё, о чём нельзя ничего знать, он предоставляет теологам. Замечательный порядок заключается ещё

в положении о деятельности Бога, которое, конечно, не утверждается прямо, так как оно противоречит одному из членов веры англиканской церкви, но он только намекает на него, как на возможное следствие. (Ланге, т. I, стр. 227).

VII. Де-ла-Меттри: «Для нашего спокойствия безразлично знать, есть ли Бог или Его нет, сотворил ли Он материю, или она вечна. Какое безумие мучиться о вещах, знание которых невозможно, но которые, если бы мы знали их, ничуть не сделали бы нас счастливее?»

О бессмертии Ла-Меттри трактует подобным же образом, как о представлении Бога, но, очевидно, он стремится представить бессмертие возможным. «И самая умная из гусениц, – говорит он, – конечно вовсе не знает, что из неё должна выйти бабочка; мы же знаем лишь ничтожную часть природы, и так как маша материя вечна, то мы не знаем, что ещё может из неё выйти. Наше счастье зависит в этом случае *от нашего незнания* (?). Кто думает таким образом, тот становится мудрым и справедливым, покойным о своём жребии, а следовательно – счастливым. Он будет ожидать смерти, не страшась её и не желая».

Принципа жизни Ла-Меттри не только не находит в душе (которая для него есть лишь материальное сознание), он не находит его и в целом, но в отдельных частях. Каждое мельчайшее волокно организованного тела приводится в движение присущим ему принципом.

Человек относится к животным, как планетные часы Гюйгенса к обыкновенным часам. Как знаменитый механик Вокансон употребил для своего механического флейтиста больше колёс, чем для своей утки, так и устройство человека сложнее устройства животных. Для говорящего человека Вокансон употребил бы ещё больше колёс, и такую машину нельзя уже более считать невозможной. (Ланге, т. I, стр. 315 – 318).

VIII. Джордано Бруно был пантеистом. Бог, по его учению, есть бесконечный разум, причина причин, источник жизни и духа, великая сила, проявление которой мы называем Вселенной. Но Бог не создал Вселенную. Он одарил её жизнью, бытием. Он Сам – Вселенная, но лишь в том смысле, в каком причина есть действие. Он заключает в Себе вселенную, порождает её, но не входит в её

границы. Он самосущ, и деятельность настолько свойственна Ему, что Он непрерывно проявляет Себя как причину всего совершающегося. Высшее Существо отличается от подчинённых ему низших существ тем, что оно абсолютно единообразно и не имеет частей. Оно есть единое целое, тождественное в самом себе и вездесущее, между тем как другие существа – суть лишь индивидуальные части, отличные от великого целого. Над видимой вселенной и кроме неё существует бесконечное невидимое, – неподвижное, неизменное Тожество, управляющее всем разнообразием. Это существо существ, единство единств – есть Бог.

Бруно утверждает, что, хотя природу нельзя представить себе отдельно от Бога, но Бога можно постигнуть отдельно от природы. Бесконечное существо есть средоточие и субстанция вселенной, оно возвышается над сущностью и субстанцией всего существующего, оно – *supervessentialis, supersubstantialis*. Так нельзя представить себе мысль независимо от ума, но можно себе составить понятие об уме независимо от мысли. Вселенная есть мысль Божественного Ума, и – более того – бесконечная деятельность этого ума. Вообразить, что мир конечен, значит ограничивать могущество Божества. «На каком основании мы можем думать, что Божественная деятельность прекращается? Можно ли утверждать, что Божественной благодати, способной проявляться и изливаться бесконечно, угодно ограничивать самое себя? Вследствие чего бесконечная способность Божества окажется недействительной и будет лишена возможности создавать бесконечные миры? Наконец, что может побуждать нас исказить совершенный образ Божества, образ которого полнее отражается в бесконечном зеркале, будучи по своей природе бесконечным и необъятным?» (Истор. Филос. Льюис, т. II, стр. 41 – 42).

Таким образом, не только нет ни одной философской системы, которая могла бы опровергнуть Бога или доказать Его небытие, но нет даже ни одной, которая могла бы отрицать или отвергать Его, ибо никакая из них не может довести своих умозаключений до конца без этого высшего элемента Вселенной; но, вместе с тем, ни одна из них действительно не могла понять Его. Это понятие было всегда превыше силы человеческих способностей, а подавно выше

сил тех людей, которые никогда не развивали себя в этом направлении; знания же законов материи не могут дать ровно никаких необходимых к тому указаний.

Чтобы более наглядно убедиться в этом чрезвычайно назидательном факте полезно несколько подробнее проследить взгляды и мировоззрение представителя современного позитивизма и виновника современного материализма – Огюста Конта, и тогда увидим, до каких несообразностей и непоследовательностей может доводить человека его постоянная и усиленная умственная деятельность, если она не руководится соответственным развитием внутренних чувств, сердца и души.

Человек ходит кругом и около истины; разум и логика видят, что она находится тут где-то близко, но истина не даётся ему и ускользает в то именно время, когда он уверен, что достиг её.

Огюст Конт бесспорно был человек выдающегося ума. Он был и одним из выдающихся тружеников своего времени, и почти не было той отрасли знаний, которая не была бы ему знакома и изучена им. Он постоянно работал над науками, отдавал полную справедливость их могущественному значению в жизни, но не мог в некоторых отношениях не относиться к ним и критически. Он видел в них пробелы и беспорядок, его поражала разбросанность знаний и отсутствие в науке всякой системы и последовательности; поэтому свои труды он начал с классификации наук, отводя каждой науке её место в общей лестнице знаний сообразно той пользе, которую каждая из них должна принести.

На первую ступень он ставит математику с её тремя разветвлениями: наукой чисел, геометрией и механикой; на вторую – астрономию; на третью – физику с её пятью отделами, на четвёртую – химию, на пятую – биологию и на шестую – социологию. Социальные науки он ставил главной целью всех знаний и все остальные науки доводил только до той степени совершенства, чтобы они приносили, по возможности, бóльшую пользу развитию социальных наук, искусству и промышленности.

Атеизм в науках он отвергал с некоторой едкостью и говорил, что гипотеза преднамеренности в творении гораздо вероятнее, чем гипотеза слепого механизма. Но догадка, обоснованная на анало-

гии, не казалось ему достаточной опорой, на которой бы могла покоиться теория в период зрелости человеческого разума. Он считал недоступным для нас всякое реальное знание относительно начал мира, а исследование об этом – превосходящим все пределы наших умственных способностей. Но допускал, что «если вселенная имела начало, то, по самим условиям случая, оно было сверхъестественным в том смысле, что законы природы не могут дать ответа касательно своего собственного происхождения».

Далее Конт «утверждает, что внутри существующего строя вселенной или, лучше сказать, той её части, которая известна нам, непосредственно определяющая причина каждого явления – всегда естественна, а не сверхъестественна. С этим, однако ж, вполне примиримо верование, что вселенная создана и сознательно управляется Разумом, лишь только мы допустим, что разумный Правитель вселенной придерживается определённых законов, которые только видоизменяются или парализуются другими законами той же самой природы, а не нарушаются ни по капризу, ни по предусмотрению. Тот, кто видит в каждом событии составной элемент непреложного порядка вещей, т.е. каждое из них считает неизменным следствием какого-нибудь предшествовавшего условия или комбинации условий, тот уже вполне принимает положительный вид мысли. При этом нет дела до того, признаёт ли он или нет нечто универсально-предшествовавшее, первоначальным следствием которого была вся система мира; также мало касается нас и то, понимается ли это нечто универсально-предшествовавшее как Разум, или нет. (Джон Стюарт Милль о Конте, стр. 15 и 16).

При дальнейшем развитии своей мысли, Конт находит необходимым «к шести основным наукам своего первоначального ряда прибавить ещё седьмую под именем Науки Нравственности; она образует самую высшую ступень лестницы непосредственно вслед за социологией. При этом он замечает, что её с большей основательностью можно назвать антропологией, так как эта наука об индивидуальной природе человека, если её понимать правильно, гораздо более специальна и сложна, нежели самая социология. Ибо тут должно принимать в соображение различия в организации и темпераменте и *la réaction cérébrale des viscères végétatifs*, влияния которых, далеко ещё не вполне поняты, в высшей степени важны

в индивиде, между тем как в теории об обществе могут быть оставлены без внимания, по той причине, что, разнообразясь у различных лиц, они в громадной пропорции нейтрализуют друг друга. Такое замечание достойно лучших дней деятельности Конта. Наука же, понимаемая таким образом, служит, как говорит он, истинно-научным основанием для житейского искусства, а следовательно, ставит жизнь – как философски, так и дидактически – в надлежащую связь с наукой». (Милль, стр. 169).

Логика и ум Огюста Конта не останавливаются даже на этом. Он видит и знает, что надо идти дальше – туда, куда влечёт его сила выводов и заключений. Он сводит всю свою философию на религию. При этом, конечно, слово «религия» не может быть понято в обыкновенном смысле. Он и при этом нисколько не изменяет своего чисто-отрицательного отношения, в котором всегда находился к теологии: *в его религии нет Бога.*

Огюст Конт дошёл путём мышления до того, что для пользы самого человека должно существовать такое воззрение или убеждение, которое бы присваивало себе власть над жизнью человека в её целости; необходимо верование, или даже ряд верований, разумно усвоенных, относительно назначения человека и его долга, – верований, которым, по внутреннему признанию самого верующего, должны подчиняться все его действия. Сверх того, нужно существование чувства, которое было бы связано с таким верованием или могло бы быть им вызвано, – чувства, достаточно сильного, чтоб на деле доставить ему власть над действиями человека, которой оно требует себе в теории. Очень важно (однако ж не абсолютно необходимо), чтобы это чувство было сосредоточено на каком-либо конкретном объекте, если возможно, действительно существующем, хотя во всех более важных случаях представляющимся только идеально. Такой объект верующий находит в теизме и христианстве; но это условие может быть выполнено, хотя и не в такой степени, другим объектом. Ведь говорили же, что тот, кто верует в «бесконечную природу долга», есть человек религиозный, даже если он не верит ни во что другое. Конт верит в то, что разумеют под бесконечной природой долга, но обязанности, вытекающие отсюда, также как и все чувства преданности, он относит

к конкретному предмету, в одно и то же время идеальному и действительному. Этот предмет – род человеческий, понимаемый как непрерывное целое, включающее в себе прошедшее, настоящее и будущее. Это великое коллективное существо, это «Grand Être», как называет его Конт, – несмотря на то, что чувства, какие оно может возбудить, по необходимости весьма отличны от тех, которые стремятся к существованию идеально-совершенному, – это «Grand Être» имеет для нас (на чём он особенно сильно настаивает) то отличительное свойство, что оно действительно нуждается в наших умах, чего нельзя сказать относительно существа всемогущего в настоящем значении слова. При этом Конт говорит, что если и допустить существование Верховного промысла (он одинаково далёк как от того, чтоб отрицать, так и от того, чтоб утверждать это), то и тогда, самое лучшее и даже единственное средство достойно поклоняться и служить ему должно состоять в стремлении сделать возможно больше с нашей стороны в деле любви и служения другому Великому Существованию, провидение которого – хотя и менее верховное – даровало нам все блага, какими мы обязаны трудам и усилиям предшествовавших поколений». (Милль, стр. 121 – 122).

Этот «Контовский» «Grand Être» должен включать в себя не только всех, кого мы уважаем, но и всякое чувствующее существо, которому мы обязаны услугами и которое имеет право на нашу привязанность. Конт, таким образом, вводит в этот идеальный объект, назначение которого – быть законом нашей жизни, не одних только людей, но в известной степени и их скромных помощников – те породы животных, которые являются в настоящем обществе рядом с человеком, привязываются к нему и охотно разделяют его труды, как, например, благородная собака, отдающая жизнь свою за её друга и благодетеля, – человека. Строгое понятие, какое он всегда обнаруживал о достоинстве низших животных и об обязанностях человека в отношении к ним, составляем одну из тончайших черт его характера». (Милль, стр. 124).

Так как благо человечества есть высший критерий справедливого и несправедливого, ибо нравственное развитие состоит в достижении возможно большего отвращения ко всякому поступку вредному для общего блага, то Конт заключает, что благо других

есть единственное побуждение, на которое бы нам следовало опираться в своих действиях, – что нам нужно бы стараться умерщвлять все желания, которые имеют в виду нашу личность, отказывать им во всяком удовлетворении, коль скоро оно не составляет настоящий физической потребности. Золотое нравственное правило в Контовой религии – жить для других, «vivre pour autrui». Поступать так, как бы нам хотелось, чтоб поступали по отношению к нам, любить ближнего своего, как самого себя, – недостаточно для Конта: ему кажется, что это всё-таки имеет характер личных расчётов. Нам следовало бы стараться не любить себя вообще. Мы не достигнем полного успеха в этом, не должны всё-таки стремиться подойти к цели возможно близко. По отношению к человечеству он ничем не хотел удовольствоваться кроме чувства, какое один из его любимых писателей, Фома Кемпийский, обращает к Богу: Amo te plus quam me, nec me nisi propter te. Воспитание и нравственная дисциплина должны иметь в виду одно: доставить *альтруизму* (слово Контова изобретения: от латинского alter, другой) преобладание над *эгоизмом*. Если бы этим говорилось, что эгоизм всегда обязан уступать хорошо понятым интересам широкого альтруизма, то никто из признающих какую-либо нравственность не возражал бы на такое предложение. Но Конт, опираясь на тот биологический факт, что органы укрепляются от упражнения и атрофируются от бездействия и будучи твёрдо убеждён в существовании отдельных мозговых органов для каждой из наших основных склонностей, считает важной задачей жизни не только укреплять в нас социальные стремления постоянной практикой и направлением к тому всех наших действий, но и ослаблять, насколько возможно, личные страсти и склонности путём сдерживания их. Даже и ум, в своих операциях, должен подчиняться, как неперемому условию господству нравственных чувств над рассудком». (Д.С. Милль, стр. 125 – 126.)

«Религии без *культы* быть не может. Под культом мы разумеем систематический ряд обрядов, имеющих целью развитие и поддержание религиозного чувства. Огюст Конт в настоящем случае всё-таки берёт на себя труд организовать внешние формы до мельчайших подробностей. Как относительно частной набожности, так и касательно общественных церемоний он создаёт для своей религии нечто равносильное тому, что существует в других.

Читатель изумится, когда узнает, что частная набожность состоит в молитве. Но молитва, как её понимает Конт, не значит – просьба: она есть простое излияние чувства. С этой целью призывается христианская мистика. С молитвой следует обращаться не к «Grand Être», не к коллективному человечеству – хотя иногда Конт доводит метафору до того, что называет свой «Grand Être» богиней. Чествования коллективного человечества отнесены к общественным обрядам; частное же поклонение должно быть обращено к нему в лице его достойных индивидуальных представителей. То могут быть люди живые или умершие, но во всяком случае женщины: потому что женщины, как *sexe aimant*, воплощают в себе самый лучший атрибут человеческой природы, атрибут, который должен регулировать всю нашу жизнь; с другой стороны, само человечество нет возможности символически представить иначе, как в виде женщины. Предметами частного поклонения служат мать, жена и дочь, в отдельности выражающие собой прошедшее, настоящее и будущее и вызывающие к деятельному проявлению три социальных чувства: почтение привязанность и доброту. Мы должны видеть в этих существах – живых или умерших – наших ангелов хранителей, «les vrais anges gardiens». Если два последних женских типа иногда не существуют для нас или же если, в частном случае, какой-либо из этих трёх типов оказывается неспособным к своему назначению, то их место может быть занято каким-нибудь другим видом женственности – хотя бы даже историческим. Жив ли или умер предмет боготворения, оно, сколько мы понимаем, должно относиться только к идее. Молитва состоит из двух частей: из воспоминания и сопровождающего его излияния чувств. Под воспоминанием Конт понимает усилие памяти и воображения вызвать с возможно большей ясностью образ предмета. Всякие искусственные средства могут быть употреблены с целью сделать образ столь подходящим к настоящей галлюцинации сколько позволяет здоровое состояние рассудка. По достижении, насколько возможно, этой степени умственного направления, является излияние чувства. Каждый составляет для себя свой собственный образец молитвы, которую следует повторять не только в уме, но и устами, которую также можно дополнять или видоизменять – но в силу достаточного основания, а никак не произвольно. Молитва может

быть перемешана отрывками из лучших поэтов, коль скоро эти отрывки представляются сами собой, как счастливое выражение для собственных чувств молящегося. Такого рода обряды Конт совершал в память своей Клотильды и предписывает соблюдение их всем истинным адептам его религии. Обряды должны занимать ежедневно два часа, разделённые на три части: при вставании, в середине рабочих часов и пред сном. Первая часть, совершаемая на коленях, будет обыкновенно самой продолжительной, а вторая самой краткой. Вечерняя же молитва должна быть доводима по возможности до того самого момента, когда сон сомкнёт наши глаза, – так чтоб её влияние могло отразиться на наших грёзах». (Милль, стр. 136 – 138.)

«Сверх того Контова религия имеет девять таинств. Они заключаются в торжественном освящении всех великих перемен в жизни человека. Освящение с приличным данному случаю увещанием совершается жрецами Человечества. Великие события для людей суть вступление в жизнь и последовательные переходы от одного состояния к другому – как например воспитание, женитьба, выбор профессии и т.д. Сюда относится также и смерть, которая носит имя превращения и на которую должно смотреть как на переход от объективного существования к субъективному, т.е. к жизни в памяти себе подобных. Не имея возможности обещать нам вечность объективного существования, Контова религия даёт нам всё, что она в силах дать: поддерживая в нас надежду на бессмертие субъективное, т.е. на существование в воспоминании и в посмертном почитании со стороны человечества вообще, если мы чем-нибудь заслужили это или хоть со стороны тех людей, которых мы любили при жизни. По смерти же этих людей мы найдём своё бессмертие в коллективном почитании, которое будут воздавать человечеству в совокупности, как единому «Grand Être». Нужно приучить людей видеть в этом достаточное вознаграждение за то, что вся жизнь их была посвящена на служение человечеству. Семь лет спустя после смерти – совершается последнее таинство: жрецы произносят публичный суд о памяти умершего. Это имеет свою целью не осуждение, а почесть, и каждый, заявлением при жизни, может освободить себя от этого обряда. Если же над человеком произвели суд и он оказался достойным, то его торжественно сопричисляют к «Grand Être», а останки его переносятся с

гражданского места погребения на религиозное: «le bois sacré qui doit entourer chaque temple de l'Humanité!» (Милль, стр. 138, 139).

«Не довольствуясь созданием для своей религии молитв равносильных католическим “Pater” и “Ave”, Конт счёл необходимым изобрести также нечто соответствующее крестному знаменю и выражается на этот счёт следующим образом: “Cette expansion peut être perfectionnée par des signes universels... Afin de mieux développer l'aptitude nécessaire de la formule positiviste à représenter toujours la condition humaine, il convient ordinairement de l'énoncer en touchant successivement les principaux organes que la théorie cérébrale assigne à ses trois éléments” (Système de Politique Positive IV 100). Быть может, это и действительно самый лучший и удобный способ для выражения нашего благоговения пред “Grand Être”; но если бы кому-либо случилось определить, какое действие может произвести подобная вещь на читателя, не посвящённого в эти тайны, тот, вероятно, счёл бы благоразумным держать это про себя до поры до времени, пока не наступит период значительно большего распространения положительной религии». (Милль, стр. 140).

Так шёл Огюст Конт долгим путём заблуждений и духовной слепоты, которые, однако, мало-помалу довели его до истины. Он умер на шестидесятом году своей жизни религиозным и набожным христианином, признав многие свои труды ложными.

Постараемся доказать, что не в науке и не в основном смысле её учения заключается причина того мировоззрения, которое выносят из неё люди, изучающие её. Все трудятся над одной и той же наукой, а в конечном результате оказывается, что одни утверждают, что они через свою науку сделались атеистами, другие – материалистами, а третьи – спиритуалистами.

Постараемся доказать обратное: что не наука образует мировоззрение каждого, а, напротив, мировоззрение человека делает для одного науку атеистичной, для другого материалистичной, а для третьего спиритуалистичной. Одним словом, в науке, как и в жизни, всё дело зависит от личного характера и от внутреннего развития каждого. Начнём с атеизма.

ГЛАВА VI.

Атеизм.

Атеизм возбуждал несравненно меньше научных протестов, чем материализм, ибо он окончательно ненаучен. Цель науки изучать и исследовать всё ей непонятное. Атеизм же в вопросах, касающихся Бога, загробной жизни, души человеческой и т.д. поступает совершенно наоборот: он просто отрицает, не исследуя, не изучая, не опровергая, а просто и безусловно отрицает. Это есть самое низшее понимание природы вещей, если только можно назвать атеизм пониманием; это есть отсутствие всякого желания понять природу и начало вещей. Это не есть мировоззрение – это есть отсутствие всякого мировоззрения; и с такими людьми науке прямо делать нечего, ибо они стоят вне науки.

Если вы спросите дикаря: откуда произошёл свет и что в нём главное? Он покажет вам на истукана и скажет: «Вот причина». Из этого мы заключим, что он идолопоклонник; другой дикарь покажет на огонь – мы заключим, что он огнепоклонник. Люди в самой низшей степени своего развития стараются уже составить себе понятие о природе и начале вещей. Они могут заблуждаться, говорить глупости, нести ахинею, что свет стоит на трёх китах, что людей приносит на свет сорока на хвосте, – это их мнение, это мысль, идея, хотя несовершенная, но всё же идея. Атеисты же, часто стоя на очень высокой степени развития, совсем отказываются судить и абсолютно и безусловно отрицают, решительно не приводя никаких мотивов и не пробуя даже опровергать, прямо отрицают все мнения, какие только существуют, не давая взамен их, конечно,

ничего своего.

Если вы спросите атеиста: откуда произошёл свет? в большинстве случаев вы получите следующие ответы: я не знаю и знать не могу, или этого никто не знает, или скажет: я боюсь затрагивать эти темы, или я не хочу говорить о них. Бесполезно убеждать их, что наука может ошибаться, что гипотезы её ни к чему не обязывают и что с развитием науки явятся и гипотезы более совершенные, но что пока, при настоящем состоянии науки, мы знаем и т.д. – Это неправда, ложь, скажут они, – свет ни от чего и ниоткуда не произошёл. И ничего большего им ответить нельзя, ибо, если они выскажут какую-нибудь мысль или причину, то их уже причислят или к материалистам, или к скептикам, или к пантеистам. Чтобы быть истым атеистом, – надо суметь ничего не отвечать, не дать никакого смысла своему ответу, не высказать никакой определённой мысли и совсем отказаться судить или совершенно не быть в состоянии судить; но до такого состояния никого и никакая наука довести не могла. И те, которые говорят, что наука довела их до чистого атеизма, говорят несообразность.

Паскаль в своей книге «Мысли о Религии» (стр. 59 – 60) говорит: «Опровержение их имело бы силу в том только случае, когда бы они по праву могли сказать, что, употребив все усилия к отысканию истины, даже в том, что указывается как путь к истине самою церковью, удовлетворительного результата не достигли. Говоря так, они действительно пошатнули бы одно из притязаний религии. Но я надеюсь показать, что ни один разумный человек не говорил и не может говорить подобным языком. Известен образ действий людей такого порядка. Они думают, что сделали всё возможное для вразумления себя, употребив несколько часов на чтение какой-нибудь Библейской книги и задав несколько вопросов священнику об истинах веры. А потом хвалятся тщетностью своих исканий в книгах и между людьми. Но, право, не могу сдержаться, чтобы не высказать не раз повторенное мною, – что подобная небрежность невыносима. Здесь идёт дело не о каком-нибудь второстепенном вопросе, чтобы возможно было такое отношение к делу: речь идёт о нас самих и обо всём, что нам должно быть особенно дорого.

Бессмертие души, столь важный вопрос для нас, касается нас

так глубоко, что равнодушие к нему служило бы признаком потери всякого сознания. В зависимости от ожидания вечных благ в будущей жизни, все наши действия и наши мысли должны принимать столь различное направление, что нет возможности не сообразовать всякого суждения нашего с точкою зрения на этот самоуважнейший для нас предмет».

Жан-Поль Рихтер выразился ещё резче: «Атеизм, – говорит он, – совершенно не может быть назван убеждением, он не есть даже отрицание какого-либо определённого убеждения; он должен быть назван просто-напросто ослеплением, или, лучше сказать, параличом нравственного органа в человеке» (*L'education progressive pr. M-me de Sossure T. I, 208, ch. VII*).

Лорд Бэкон Веруламский выразился прямо: «Никто не отрицает Бытия Божия, кроме того, кому выгодно, чтобы не было Бога».

В обыденной жизни под общим именем «атеисты» понимаются люди, не верующие в Бога. Они могут быть и материалистами, и скептиками и пантеистами и, наконец, людьми всевозможных профессий – научных и ненаучных. Это просто, в большинстве случаев, люди, относящиеся безразлично к вопросам веры, погружённые в свои житейские дела, или в свой позитивизм; они считают всё остальное для себя второстепенным, и винить в том науку, их образование, их профессию решительно не имеет ни малейшего основания. Винить они могут только самих себя, свою внутреннюю неразвитость и свою полную слепоту ко всему духовному.

ГЛАВА VII.

Материализм и спиритуализм.

Чтобы рельефнее видеть разницу между материалистическими и спиритуалистическими положениями и выводами, приведём параллель обоим учениям касательно одного какого-нибудь предмета.

Для примера возьмём учение о соотношении природы духа и вещества и вникнем в разномнение философа.

Как раз за этим самым вопросом мы застаём высокоуважаемого профессора Московского университета Н.Я. Грота в его книге «Душа в связи с современным учением о силе» стр. 32 – 36. Проследим его мысль.

Он говорит, что этот вопрос решается наилучшим образом, если сравнить положение материалистического монизма с спиритуалистическим дуализмом; ибо в сущности идеализм всегда был на поверку скрытым дуализмом, или же особой формой дуализма.

Весь вопрос сводится к тому: *существует ли дух*, как независимое от материи начало, или не существует, т.е. составляет только свойство материи, второстепенный придаток её развития. При противоположном решении этой дилеммы большую роль играло всегда *понятие силы*, как термин *посредствующий* между понятиями материи и духа.

Материалисты утверждают, что дух есть особая форма *силы*, а сила – качество *материи* или даже основа и настоящая сущность её.

Спиритуалисты, как мы отныне будем называть для краткости всех искренних дуалистов, без различия оттенков в их воззрениях, утверждают также, что дух есть сила, но совершенно особого рода сила, не имеющая ничего общего с *физической* или *материальной* силой, которую и они соглашаются признать свойством или даже основой материи.

Отсюда ясно, что главное разногласие вертится около вопроса *о природе силы*. Что такое сила? Есть ли она только свойство материи, или нечто более, – есть ли два *рода* сил или только *один*, и если два, то *какие*?

Что именно такова сущность вопроса, мы легко убедимся из анализа тех традиционных доводов, которые выставляли спиритуалисты и материалисты в пользу своих учений. Эти доводы систематически сгруппированы у двух современных психологов, Бэна и Горвица, и мы приведём их целиком, а затем дадим их разбор.

Свод аргументов защитников *спиритуализма* даёт Бэн в своём сочинении «Душа и тело» (Пер. с VI изд. Киев, 1880, стр. 168 и след.) Вот они:

- 1) Душа должна быть причастна природе и сущности Божества.
- 2) Душа не имеет определённого места в теле.
- 3) Разум и мышление способность познавания всеобщего, несовместны с материей (Ф. Аквинат).
- 4) Достоинство духа требует сущности высшей, сравнительно с материей.
- 5) Материя делима, дух неделим.
- 6) Материя изменяется и искажается, – дух есть чистая субстанция.
- 7) Дух активен, обладает силою, – материя пассивна, инертна.
- 8) Душа есть первоначальный источник, или начало жизни.
- 9) Дух имеет личную тождественность, частицы тела постоянно изменяются.

В параллель этому, приведём важнейшие аргументы *материалистов*, сгруппированные Горвицем Ps. Anal, auf phys. Gr. 1, Halle 1872, p. 25.

1) Высший основной принцип следующий: нет силы без вещества и вещества без силы; не существует ни силы, которая была бы нематериальна, ни материи, которая не обладала бы силой;

2) Закон сохранения материи и силы требует однако же бесконечности их бытия во времени и беспредельности в пространстве; из обоих принципов следует:

3) Всеобщность, необходимость и неизменность законов природы;

4) Невозможность личного акта творения: возникновение и разрушение всего есть продукт самодвижения и саморазвития вещества.

5) И органический живой мир возник исключительно вследствие самодеятельности вещества...

6) Нет конечных причин, т.е. целесообразных явлений в природе;

7) Душа имеет местом пребывания мозг;

8) Соотношение мозга и души по существу равно соотношению вещества и силы;

9) Нет прирождённых идей: всё мышление возникает из чувственного восприятия.

10) Нет бессмертия души.

11) Нет свободы воли.

Уже при беглом обзоре этих тезисов спиритуалистов и материалистов, легко заметить, что одни из них, притом не менее половины, составляют только развитие или применение немногих других *основных*, которые только и могут быть признаны *доводами* или главными положениями обеих школ. Так, напр., утверждение *спиритуалистов* о причастности души природе Божества и о достоинстве духа уже суть следствия допущения, что душа и божество существуют независимо от вещества и ему противоположны; утверждение, что душа не имеет определённого места в теле, и другое – о несовместимости способности познания с свойствами вещества суть также не столько доводы, сколько выводы из признанного положения о разнородности духа и вещества.

Настоящие основания *спиритуалистов* для утверждения о самостоятельности духа, заключающиеся в остальных положениях,

сводятся к следующему:

1) Материя делима, дух неделим.

2) Материя изменяется – она пассивна, инертна и мертва, дух – неизменен, обладает силою, активен, является единственным возможным источником жизни.

Этим аргументам материалисты противопоставляют следующие два главные:

1) Законы природы всеобщы, однообразны и необходимы – и материя и силы вечны и беспредельны, следовательно, дух не может быть чем-то отличным от силы, присущей материи, и есть не что иное, как эта сила, локализованная в мозгу.

2) Нет силы без вещества, без силы, следовательно, сила есть свойство материи, и все свойства духа объяснимы из самодвижения и саморазвития материи – силы.

Остальные положения материалистов тоже представляют лишь развитие этих основных тезисов. Так, четвёртое – о невозможности происхождения мира чрез акт творения, и пятое – о способе происхождения органического мира, суть выводы из положения о всеобщности законов природы; отрицание конечных целей, бессмертия души, прирождённых идей и свободы воли суть следствия отрицания существования духа, как самостоятельного начала, и признания силы за простое свойство материи.

Очевидно далее, из разбора приведённых основных положений материалистов и спиритуалистов, что главные мысли, которые в них содержатся, следующие.

По мнению спиритуалистов: 1) законы материи и духа различны (материя делима – дух неделим; материя изменчива – дух неизменен), 2) материя сама по себе инертна, бессильна, безжизненна, – способность действия, силу, жизнь даёт ей дух, одушевляющий её, и ей противоположный. По мнению материалистов, наоборот: 1) законы материи и духа тождественны, необходимы, 2) материя неотделима от силы, и сила от материи, и жизнь и дух – суть продукты развития этой материальной силы.

Сведя таким образом к простейшим формулам основные положения спиритуалистов и материалистов, мы уже легко можем видеть, что главный пункт разногласий между ними есть учение

об отношении вещества и силы. И те, и другие признают, что дух есть сила, но вторые считают силу неразрывной принадлежностью или даже самой основой вещества, первые же признают её чем-то противоположным материи и совершенно разнородным с нею. Самое утверждение однородности или разнородности законов вещества и силы есть собственно только следствие того или другого воззрения на отношения силы и вещества и является весьма условным разномнением, так как можно предположить, что и при разнородности этих начал всего существующего, законы природы, будучи ничем иным как *законами взаимодействия* этих разнородных начал, по существу своему однородны, однообразны и неизменны для всей природы; что же касается до «необходимости» их, то с одной стороны такая необходимость может быть продуктом свободной воли Творца, с другой – относительная свобода духа нашего может быть тоже есть лишь продукт действия этих необходимых законов, свободно измышленных Высшим свободным духам, т.е. есть сама – одна из форм необходимости.

Следовательно, коренной вопрос во всём споре есть вопрос *о соотношении силы и вещества*. А этот вопрос сводится к вопросу о том, *что такое сила*.

В возможности выразить идею духа термином силы, никто не сомневается: но многие признают в то же время возможным выразить идею материи термином силы. Если бы, однако, и то и другое оказалось возможным, то и тогда спор спиритуалистов и материалистов ещё не был бы решён, так как может быть есть *два рода сил*: сила-дух и сила-вещество, или сила духовная и сила материальная.

Этот вопрос представляет обширное поле для мышления, и что ни человек, то даёт своё особое заключение смотря по тому, как позволит ему его нравственное развитие чувствовать, понимать природу вещей и как глубоко поведёт он свой анализ. Люди, душевно более развитые, зададут себе вопросы более глубокомысленные касательно сущности и природы сил, вообще существующих в природе, и сил, участвующих в образовании материи. Люди менее развитые зададут себе более поверхностные вопросы и будут стараться отвечать только на них. Наконец, люди совсем не видящие ничего духовного в природе, равно и ничего загадочного

и отвлечённого, дадут объяснения явлений, не удаляясь от видимого мира и внешних, видимых его проявлений. И это понятно. Не может человек ни в каких случаях дать объяснения какого-либо факта, которое бы превышало силы и способности его индивидуального развития. Почему можем мы думать, что люди, занимающиеся исключительно умственным трудом и наукой, могут сделать исключение и не подлежат этому общему закону природы. Развивая в себе один ум в ущерб развитию чувств, они уменьшают в себе среднюю силу своих способностей, совершенно так же, как люди, развивающие свои чувства в ущерб разуму. Как во всём в мире, и в этом должны существовать гармония и соответствие. Если бы мы принялись развивать силу своих рук в ущерб силе ног или общему своему здоровью – для чего послужило бы нам это развитие? Совершенно то же и в интеллигентном человеке.

Но вернёмся к решению вопроса: что такое сила?

Материалисты скажут: какое же сомнение? Решение вопроса совершенно ясно: духовного в природе ничего нет и никаких духовных сил не существует, – все силы материальны. Материя состоит из атомов, снабжённых от вечности свойствами, которые и производят все явления в мире. Силы, какие бы ни проявлялись в природе, – все суть свойства материи и отделимы от неё быть не могут; ибо мы нигде никогда этого не видели и представить себе не можем. Где материя, там и сила; одни силы никогда и нигде не проявлялись. Не логично ли вывести из этого, что они суть не более как свойства материй.

«Все способности, которые мы разумеем под именем души, – говорит Карл Фогт (в *Physiologische Briefe*, стр. 206), – не что иное, как отправления мозгового вещества. Между мыслью и мозгом такое же отношение, как между желчью, печенью, почками и их отделениями».

Кабанис говорит прямо: «Мысль есть только выделение мозга».

«Все поступки человека суть неизбежные продукты мозгового вещества, – сказал Тэн. – Порок и добродетель такие же продукты, как серная кислота и сахар».

Ко всему этому Молешотт сказал в своём «Круговороте Жизни», что «человек есть сумма предков и кормилиц, места и

времени, воздуха и погоды, звука и света, пищи и одежды», и далее там же он говорит: «Даже совесть есть продукт материи».

Вот разительный и назидательный пример, как могут заблуждаться и до каких несообразностей доходить в своём нравственном ослеплении такие учёные, как Карл Фохт, Кабанис, Тэн Молешотт, которые многими возведены на степень первоклассных учёных наравне с Дарвином, Уоллесом, Ньютоном. А между тем понятие их о начале и природе вещей ограничивается весьма несложной картиной: атомы, бродя в пространстве, произвольно, через свои столкновения и удары с соседними, также безличными и неразумными атомами, без всякой причины, а часто случайно, могут составлять тела, целые миры разумных существ, образовывать в них мысль, сознание, разум, нравственность, совесть и т.д., – и всё это совершенно случайно.

Такое мировоззрение многим должно показаться недостаточным и, во всяком случае, слишком узким и поверхностным. Более глубокомысленные люди хотели бы знать более этого: они не могли бы остановиться и удовлетвориться объяснением материалистов и спросили бы: да существует ли в самом деле атом? Если мы будем рассматривать строение материи со стороны проявляющейся энергии в вселенной, то большая часть современных физиков подадут голос за то, что, в сущности, ни силы и ни материи никакой нет, а есть только одни разные виды движения, а при этом учении вся материя и всякое вещество обращается в какую-то фикцию и представление. Но положим, что это представление мы примем за нечто реально существующее, как принимают материалисты, и мельчайшую неделимую часть его назовём атомом; допустим даже, что они обладают свойствами, то опять являются вопросы, – откуда же взялись эти атомы? Кто сотворил или сделал их? Кто наделил их этими премудрыми способностями принимать всевозможные и самые причудливые формы, например: составить из себя наш глаз, мозг, мысль, сознание, разместить всё совершенно целесообразно и делать это в одном и том же порядке, сохраняя поколения, виды и т.д.? Каким образом делают они это? Случайно, или не случайно? Для того, например, чтобы сделать глаз человека, слагаются ли атомы произвольно для них, например, наподобие акта кристаллизации, или же участвует при этом

акте доля разума и целесообразности, – в таком случае кто проявляет эту долю разума и целесообразности – сами ли атомы, или какая-нибудь посторонняя сила? Ньютон, например, ясно говорит в своей «Optic», что глаз не мог быть сделан без всякого понятия оптики, а ухо – без понятия о законах звука. Но глаза и уши есть у всякого; задавали ли себе материалисты вопрос, – кто проявляет эту разумную деятельность в производстве глаз, и кто обладал достаточными познаниями оптики и законов звука, чтобы быть в состоянии придумать первые экземпляры? Сами ли атомы, или какой-либо посторонний Разум, находящийся вне этих глаз и ушей. Если они присваивают своим атомам достаточно знания для возможности выдумывания таких трудных орудий передачи впечатлений, то пусть укажут источники, откуда атомы эти могли почерпнуть столь обильные знания? Если мысль, воля, совесть тоже проявления или результаты деятельности или дрожания атомов в пространстве, то какая же зависимость между ними? Чем это всё доказывается? Чем проверяется?

Прекрасно затрагивает этот вопрос Либих. Он говорит: «Элементарный химический анализ не даёт ни малейшей опоры для обсуждения или объяснения свойств органических соединений. Химически всякий каменный дом состоит, что касается строительного материала, из силиция, кислорода, алюминия, кальция, небольшого количества железа, свинца и меди, из углерода и элементов воды. Но если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что дом образовался сам собою, игрою сил природы, случайно соединившихся и распределивших элементы в форму дома, потому будто бы, что части его состоят из этих именно элементов, которые вследствие химического сродства держатся друг около друга, а вследствие силы сцепления достигают известной плотности, – что следовательно химические и физические силы являются здесь причиной, ибо они обнаруживаются тут определённым образом, то утверждающий всё это подвергается бы осмеянию. А между тем, если мы возьмём растения, то в любом из них, как в строении, так и в развитии, мы замечаем, что вещества слагаются в такие тонкие и правильные формы и в таком порядке, который превосходит всё, что мы наблюдаем в устройстве дома. Мы не замечаем, правда, силы, овладевающей противящимся ей материалом и заставляющей его слагаться именно в эти формы и именно в этом порядке,

но наш разум признаёт, что в живом теле заключается некоторая причина, управляющая химическими и физическими силами и слагающая их в формы, которые вне организма никем и никогда замечаемы не были» (Индивидуализм, Л. Гелленбаха, стр. 197 и 298).

Старались ли материалисты хотя отчасти ответить Либиху на это его положение? Нет, – в этом случае все материалистические учения уподобляются тому человеку, который, не имея понятия о часах, случайно нашел их в поле, стал рассматривать, поверхностно изучать их и совершенно неосновательно пришёл бы к убеждению, что автоматичность хода их доказывает автоматичность их возникновения, т.е. что никто их не выдумал и не сделал, но произошли они сами собой.

Ничего само собой в природе не делается; всё имеет свои причины и, если мы их не видим и не знаем, то всё же логика и чувства наши должны подсказывать нам, что есть что-то выше нас и нам неизвестно, что нужно учить и изучать, а не утверждать, что всё уже нам давно известно и известно, что ничего более премудрого в природе нет, как только то, что бессмысленные атомы, бродя нецелесообразно в пустом пространстве и машинально сталкиваясь между собой, могут совершенно случайно произвести такие сложные, осмысленные и премудрая вещи, как например глаз человека, как совесть, как волю и как мысль.

Не доказывает ли всё вышеприведённое, что не сущность самого учения, не коренной смысл науки ведёт людей к материалистическому мировоззрению и к атеизму, а наоборот атеизм людей и их внутреннее душевное развитие, находящееся ещё на низшей степени понимания природы вещей, обладает весьма ограниченным кругозором, который и отражается на их науке и делает её материалистической; и люди которые сами склонны к атеизму, имеют кругозор ещё более ограниченный, ставят их учения на высокий пьедестал учёности, совсем не сознавая как ничтожна, как пуста эта наука и как много в ней ещё заблуждений.

ГЛАВА VIII

Обзор истории развития мысли.

История развития мысли подтвердит лучше всего, что ни в каком случае нельзя считать материализм естественным следствием современного успеха наук, как полагают некоторые, и что он также не постоянный спутник или атрибут образованности, как утверждают другие; ибо современный материализм не есть что-нибудь новое, созданное нашим временем или высокой образованностью людей, но, наоборот, он со всеми своими принципами, недостатками и заблуждениями есть не более, как сколок или полнейшее подражание тому самому материализму, который проповедовался ещё в VI и V веках до Р.Х. и что, как тогда, так и теперь великие умы и светила науки никогда не держались его, но, напротив нападали на него и признавали его результатом несовершенства мысли и заблуждением.

История развития мысли укажет лучше всего: во 1) что истинно учёных и мудрецов никогда не понимали их современники; во 2) что высокие, проповедуемые ими, истины очень часто передавались в значительно изменённом виде и приспособленном к материалистическому или атеистическому мировоззрению, причём весь коренной смысл учения, который придавал им сам творец их, совершенно утрачивался; и в 3) что чем глубже и всестороннее изучает человек вещественную природу, тем нагляднее для него обрисовывается всё это; он начинает совершенно ясно видеть всю второстепенную и вполне зависимую роль материи и вместе с тем

ему открывается всё первенствующее значение духовно-нравственного мира в каждом мелочном, и даже совершенно пустом, по-видимому, явлении; вследствие чего всякое изучение одной внешней формы перестаёт удовлетворять его любознательность, оно делается для него узко, тесно и недостаточно. И в самом деле, какую можно отыскать логическую причину заниматься одними следствиями, если человеку ясно и наглядно обрисовывается возможность своим умом, под руководством логики, знания и чувств проникать в самую сущность явлений и отыскать и выяснить себе причины их, тем более, что только подобного рода изучение природы могло бы образовать правильное воззрение на природу вообще и на каждый отдельный факт и явление.

Кант в «Пролегоменах», на стр. 125, говорит: «Эмпирически вне меня находится то, что созерцается в пространстве; пространство же, вместе со всеми содержащимися в нём явлениями, принадлежит к представлениям, связь которых по опытным законам доказывает их объективную истинность точно так же, как связь явлений внутреннего чувства доказывает действительность моей души (как предмета внутреннего чувства); таким образом посредством внешнего опыта я сознаю действительность тел, как внешних явлений в пространстве, точно так же, как посредством внутреннего опыта я сознаю существование моей души во времени; ведь и душу мою, как предмет внутреннего чувства, я познаю чрез явления, образующие внутреннее моё состояние, хотя сущность сама по себе, лежащая в основе этих явлений, мне неизвестна».

Свой краткий обзор развития мысли мы делим на 5 отдельных периодов, чтобы, не вдаваясь в излишние детали и не утруждая читателя, нагляднее охарактеризовать их.

Первый период мы наметим от начала возникновения наук, что теряется в древности, и до VI века до Рождества Христова.

Второй период от VI века до Р.Х. до IV века после Рожд. Хр.

Третий период от IV века до XVII века.

Четвёртый период XVII и XXVIII века.

Пятый период XIX век.

Первый период. Со времени процветания древней цивилизации у Арабов, Египтян, Индийцев, Кельтов и Евреев и до VI века до Р.Х., все знания были исключительно в руках духовенства и жрецов, которые составляли отдельные замкнутые классы или касты.

У всех народов эти касты составляли особые сословия и имели наследственный характер. Для приобретения большей власти и авторитета в народе, они обставляли себя всевозможным мистицизмом и таинственностью и не разоблачали перед народом своих знаний, ни премудростей своих религий.

Мы не видим у них разграничения между знаниями научными, религиозными и верованиями, – вся их учёность сливается в одно. Но у арабов мы видим некоторую отдельность знания от верования и религии. У них знания составляли особый отдел, порученный особым членам или семьям из касты. О них упоминает итальянский учёный Пеццани, и А. фон Гумбольдт находит, что принципы их науки совершенно схожи с современным позитивизмом. Арабы так же, как современные позитивисты, давали веру только эксперименту и измерению.

Но, вообще, тайны знания и религии у всех народов считались священными, а потому даже не все принадлежащие к кастам могли знать всё в полном объёме. Каждый мог владеть ими только по степени высоты своего посвящения. Были даже такие глубокие тайны, почитаемые настолько священными, о которых самые избранные старики из посвящённого духовенства не имели права говорить между собой; разве только в экстренных случаях, обсуждая какие-либо вопросы, имеющие единственную цель: извлечений разных указаний веры.

Изучающие священные книги и готовящиеся к переходу в высшее посвящение не имели права произносить громко ни одного слова из священного писания, не получив на то предварительного разрешения от учителя своего.

Учить народ могли только избранные и привилегированные лица. Они всегда ограничивались указаниями, касающимися исповедания веры и соблюдения обрядностей. Но одних указаний оказывалось всегда слишком мало; нужны были принудительные меры, без которых нельзя было заставить повиноваться грубый и

полудикий народ. А потому на обязанности этих учителей лежало измышление разных способов и применение некоторых принудительных мер, чтобы вести народ по предначертанной программе.

Главным принципом всех вер было тем или другим путём вести людей к их нравственному внутреннему усовершенствованию; угрозами и наказаниями заставить народ отвыкнуть от пороков, злодеяний, грубых вкусов, привычек и приучить их, хотя внешним образом, быть мягким, обходительным, послушным и исполнять обрядности своей религии, иногда через силу принуждая себя, иногда для того только, чтобы вообще бороться со своей грубой природой из-за идеи и через это вырабатывать в себе смирение и послушание.

Вообще, жрецы держали народ очень строго, обещали им загробные награды и наказания, победы над врагами – если целые страны будут вести себя достойно, благоденствие их нисходящего потомства и ответственность ближайших родственников друг за друга; и наконец, прямо наказывали фактически всех строптивых, не желающих исполнять предписание духовенства, а не исповедующих достойным образом обряды своей религии.

Вообще надо сказать, что жрецы держали всегда свой народ в строгом подчинении и весьма настойчиво насильствовали волю каждого, направляя её к внешнему исполнению добра и к исполнению обрядов религии путём таинственности, страха, разных обещаний, и наконец, прямым наказанием.

Таковы были отношения жрецов ко всем сословиям своего народа во всю эпоху до VI века до Р.Х.

Второй период. Начиная с III века до Р.Х. стали появляться светские учёные среди народа, которые передавали свои знания непосредственно в народ без всякого вмешательства духовенства. Мы видим, что между самим народом начинается брожение умов и желание не одного слепого подчинения, но и самостоятельного знания. Мы видим, что наука, искусство, литература и философия начинали мало-помалу делаться достоянием частных лиц и целых обществ. Появились люди выдающегося ума и логики, с мощной силой воли и слова, способные воодушевлять полудикую толпу и

внушать ей понимание самых возвышенных истин, явившихся результатом их знаний и их мысли.

Народ чрезвычайно охотно слушал и почитал своих учителей, но не всегда понимал всё учение в том духе, как желали ему внушить учителя. Уровень развития народа был невелик, а потому народ перетолковывал эти учения на свой лад, упрощая, обобщая и применяя их к своему кругозору и к своей степени понимания природы вещей.

Учения эти развивали всегда в народе тщеславную уверенность в собственные силы и способности, и авторитет духовенства начинал перед ними быстро падать. Почувствовав себя до некоторой степени на свободе, предоставленным самому себе, своему разуму и знанию, народ старался совершенно отделиться от духовенства, переставал слушать его и исповедовать свою религию, заменив своё верование слепым почитанием того философского учения, которое ему нравилось, или которое более соответствовало его характеру.

Представителями *материализма* в период древней философии являются в VI и V веках до Р.Х. философы Левкипп и Демокрит – первые атомисты, для которых и душа была совокупностью тончайших материальных атомов, в IV веке Гедонисты – та сократическая школа, которая признавала удовольствие, как единственную цель жизни (Аристипп и его последователи. Из этой школы вышел и первый греческий *пессимист* Гегезий, проповедник самоубийства, учивший в Александрии, в III веке до Р.Х.), с конца IV века и в следующие – Эпикур и эпикурейцы, слившие воедино и развившие далее обе упомянутые доктрины. – Представителями чистого *спиритуализма* являются некоторые пифагорейцы, напр., Парменид в V в., отрицавший всякое реальное бытие, кроме идейного; далее, Платон, отрицавший реальное бытие материи, в IV в.; некоторые Платоники и Новоплатонники в последующие века. – Представителями *дуализма* в древности считаются Анаксагор и Сократ в V в., из которых первый впервые противопоставил ум веществу, а второй развил это учение применительно к природе человека, затем Аристотель в VI в., противопоставивший бессмертный деятельный ум смертной бесформенной материи, – позднее

его последователи, некоторые перипатетики. – *Пантеизм* в полусознательной форме возникает ещё в VII и развивается далее в VI в. в учениях ионических физиков или гилозостов – Фалеса, Анаксимандра, Гераклита и др., учивших, что материя – одушевлена и одарена жизнью; Ксенофан в VI в., учивший о едином Боге, как реальной сущности всех вещей, – натурфилософ Эмпедокл в V в., одушевлявший свою материю началами любви и ненависти, а в IV и в следующих веках пантеизм находит себе более сознательное выражение в учениях стоиков (Зенон и его последователи).

Нет ничего удивительного, что в древности развивался и господствовал материализм, ибо, во-первых, век был языческий; следовательно, никто и не мог себе составить правильного понятия об истинном Боге – Творце вселенной, а во-вторых, состояние наук было чисто примитивное, не могущее удовлетворить потребностям и любознательности даже тогдашнего грубого и неразвитого человека. Но и притом в Греции, например, материализм не был никогда достоянием толпы; ибо как не был народ мало развит, он всё-таки сумел создать себе свой собственный Олимп, который удовлетворял его мировоззрению лучше и полнее, чем господство бессмысленных, безличных и неодушевленных атомов.

Разбирая философию древних, мы должны скорей обратить внимание на противоположный факт, что люди, бывши язычниками, не зная ничего об учении Христа, силою своей собственной логики и своих слабых, говоря относительно, научных познаний, могли дойти до необходимости признания Бога Творцом и Владетелем вселенной. Это должно поражать нас более, чем безверие и грубые примитивные взгляды на природу в среде языческого народа, и достойно гораздо большего внимания, чем обыкновенно уделяют этому факту.

Этот первый тысячелетний период, собственно говоря, и создал светскую философию, и был творцом множества всевозможных философских систем. Более лёгкие философии, т.е. те, которые позволяли человеку беспрепятственно пользоваться благами земными, которые поощряли страсти и пороки, как, например, эпикуреизм, имели наибольший успех; чем нравственнее и возвышеннее была философская система, тем и имела она последовате-

лей меньше; ибо в то время совершенно так же, как и теперь, большинство охотнее принимает то, что каждому нравится, чем то, что действительно полезно и истинно. Человеку, стоящему близко к жизни, к потребностям и заботам всякого рода, очень трудно отрешиться от своих материальных выгод из-за идеи; для этого надо иметь возможность побороть свои страсти, пороки, привычки, привязанности – одним словом, надо переделать себя самого и всю свою природу; не несравненно ли легче следовать влечениям своего порочного характера?

Только люди нравственно развитые, внутренние чувства которых дают себя понимать настолько отчётливо, что невольно подчиняют своим требованиям весь организм и все животные желания их вещественного тела, могут быть безраздельно преданы идее и выполнять все требования её.

Таковыми были высокие научные умы и философы всех времён. Они умели заглушать или, по крайней мере, умерять животные и инстинктивные стремления до такой степени, чтобы они не препятствовали развитию идей, а вследствие этого могли далеко вести свои умозаключения. Они умели всегда отличать хорошее от дурного, временное от вечного, следствие от причины и средство от цели. Они всегда умели отделаться от своего житейского эгоизма и тщеславия, ставить идею выше всего, выше себя самого, выше своих потребностей и расчётов; умели становиться на нейтральную точку зрения, на наблюдательную почву и мыслить свободно без предвзятых мыслей.

Развитие наук и философии шло своим, независимым и роковым путём. Развитие народа шло совершенно независимо от развития наук, шло медленно и вяло. Учёные, конечно, много трудились над народом, внушали им истинное понимание вещей, предотвращали от заблуждений, внушали покоряться истине, но народ, имея раньше духовенство своим руководителем, привык к строгости в обращении, к принуждению, идущему извне, чего ни в каком случае не допускали учёные принципа ради, да и средств к тому у них не было.

Неутомимыми трудами учёных философия шла всё далее и далее. Каждый из философов создавал свою систему, их проверяли, критиковали, составляли другие системы, которые претерпевали

ту же участь, и, таким образом, из обоюдных критик и проверок, философия тихими шагами стремилась к истине, и в IV веке после Р.Х. Александрийская школа слилась с религией. Дальнейшее развитие или совершенствование философии было невозможно, ибо она познала всё превосходство над собой религии; она доказала всю недостижимость обыкновенного человеческого разума до тех истин, которые развивает и утверждает христианство, и вместе с тем признала, что вся человеческая мудрость неизбежно ведёт прямым путём к подтверждению их.

Зачатки теологического направления философии были посеяны ещё Филоном, затем появляется Аммоний Саккос и Плотин с своими учениками Порфирием и Ямвлихом и, наконец философ Прокл сливает окончательно философию с религией. Сперва Александрийская школа признала Трисвятую Троицу (Жюль Симон, *Histoire de l'École d'Alexandrie*) и закончила своим учением об эманациях, и весь ряд её учения всё ближе и ближе подвигался к учению Христианства.

Послушаем, например, чему учит Александрийская школа во времена Плотина: Она задаёт себе три вопроса: «Может ли человеческое знание быть абсолютно истинным? какова природа Бога? как начался мир? – И отвечает на них следующим образом: 1) Человеческое знание необходимо лишено достоверности; но это невыгодное обстоятельство находит себе поправку в гипотезе экстаза, во время которого душа отождествляется с бесконечным. 2) Природа Бога выражается в тройственном Единстве, в трёх ипостасях Единого существа. 3) Мир образовался путём Эманации.

«Этот третий, ответ заключается во втором. Бог, как Единство, не есть бытие, но Он становится бытием в силу Эманации от Его Единства (Разум), а также в силу другой Эманации от его разума (душа), и образовавшаяся таким путём душа, в её проявлениях, есть мир.

Если Бог отличен от мира, то он должен отличаться от него своею сущностью. Но в таком случае, на вопрос: как начался мир? нет ответа, ибо при этом условии мир должен существовать одновременно с Богом.

Всё затруднение здесь заключается в следующем: Бог или сотворил мир, или нет. Если он сотворил его, то, спрашивается, из

чего? Логика говорит, что Он не мог создать его из ничего, ибо из ничего может получиться только ничто; поэтому Бог должен был создать мир из своей субстанции. Но если так, то, следовательно, мир тождествен Богу и должен был уже ранее содержаться в Нём, иначе Бог не мог бы создать его из Себя. Но такое отождествление Бога с миром есть пантеизм, и тогда вопрос не решается, но изменяется лишь постановка его. Если Бог создал мир не из Своей субстанции, то он мог создать его лишь из какой-либо субстанции, уже существовавшей, и в том случае вопрос опять остаётся без ответа.

Христиане и последователи Александрийской школы решили этот вопрос почти одинаковым образом. Христиане говорили, что Бог создал мир из ничего, силою Своей всемогущей воли, так как для всемогущества всё возможно, и одно дело столь же легко, как и всякое другое. Последователи же Александрийской школы говорили, что мир отличен от Бога больше, по действию, чем по сущности, так как мир есть проявление Его воли или Его разума.

Таким образом, по учению этой школы, мир есть Бог, но Бог не есть мир. Не признавая, следовательно, необходимости двух основных начал, Александрийская школа признаёт различие между Создателем и созданием. Бог, согласно этому воззрению, не смешивается с материей, и тем не менее философия освобождается от трудности объяснить присутствие двух вечно существующих и вечно отличных основных начал.

Плотин путём своей диалектики пришёл к необходимости признать Единство основою бытия; тем же путём он пришёл к заключению, что единство не может быть единичным, ибо тогда не могло бы существовать Многое. Если многое предполагает единое, то и единое предполагает многое. Всякое начало порождает последующее начало присущую ему неизъяснимую силою, которое не умаляется от этого порождения. Эта неизъяснимая и неисчерпанная сила действует без перерыва, из поколения в поколение, пока она не достигнет пределов возможного.

Закон этот управляет миром, и его влияния не может избегнуть само Божество. В силу этого закона все существа образуют одну иерархию, начинающуюся Богом и оканчивающуюся чувствующей материей, составляют одну нерасторжимую цепь, так

как каждое существо есть необходимый продукт предшествующего существа и производитель последующего.

На вопрос, что заставляет единство обращаться в множество и отчего Бог проявляется в мире, Плотин отвечает: принцип Единого уже давно признан недостаточным, так, как Божество, не имеющее разума, не может быть совершенно. Аристотель говорит, что Божество, не размышляющее, не достойно уважения. Следовательно, если разум присущ Божеству, то оно необходимо должно быть деятельно; ибо можно ли назвать действительной силой такую силу, которая ничего не производит. Поэтому Бог по самому существу должен был создать мир.

Бог, следовательно, есть по самой природе Своей Создатель. Он подобен солнцу, отдающему от себя лучи без потери своего вещества. Весь этот наплыв новых явлений, эти постоянные изменения, это рождение и смерть, всё это – проявления непрерывно действующей силы. Проявления эти не имеют абсолютного бытия и постоянства. Индивидуальное гибнет, потому что оно индивидуально; только всеобщее существует постоянно. Индивидуальное конечно и преходяще; всемирное бесконечно и бессмертно. Бог есть единственно истинное Бытие, мы же и все остальные существа и предметы – преходящие проявления Его. И, однако, смерть страшит робкого, невежественного человека, робкого именно вследствие его невежества. Между тем, умереть значит начать жить истинною жизнью. Правда, со смертью мы лишаемся ощущения, освобождаемся от страстей и интересов, от условий пространства и времени, отрешаемся от своей личности, но зато мы покидаем этот мир и возрождаемся в Боге, отделяемся от этой эфемерной и жалкой индивидуальности и погружаемся в бытие бесконечного. Смерть есть переход к истинной жизни. Некоторые слабые намёки на неё, некоторое подавляющее нас указание на невыносимый для чувства смертного блеск, являются в краткие моменты экстаза, когда душа сливается с бесконечным, хотя она и не может долго пребывать в нём. Эти чудные, хотя и краткие моменты обнаруживают пред нами Божество и показывают, что в глубине нашей личности таится луч Божественного света, постоянно стремящийся освободиться и возвратиться к Своему Источ-

нику. Умереть значит начать жить истинной жизнью, и умирающий Плотин, отвечая в предсмертной агонии на вопросы друзей, сказал: „Я стараюсь освободить заключённое во мне Божество“, (Ист. Филос. Льюиса, т.1, стр. 294 – 297).

Философ Прокл окончательно поставил веру выше науки. Вера, по его мнению, была единственной способностью, посредством которой можно было познать Бога, т.е. Единое. «Философ, – говорит он, – есть жрец не одной, но всех религий, другими словами, он должен своими разъяснениями примирить все верования. Разум есть выразитель веры». (Льюис, т.1, стр. 298).

Со смертью философа Прокла Александрийская школа, а вместе с ней и дальнейшее развитие философии, прекращается. Далее философии идти было некуда; она слилась с религией и тем самым блестящим образом доказала, что высшие человеческие познания и вся его высшая мудрость есть первая ступень к познанию Божественной премудрости. На этом решении можно считать законченным второй период развития мысли, независимо от того, как поняла толпа эти высокие учения. Они, конечно, не для всех; но виновата ли в этом сама истина или ограниченность людей?

Третий период длился около 1200 лет, т.е. до самого XVII века по Р.Х.

В течение этого длинного периода вся философия была теологическая; все знания, все науки, искусства, литература и даже образование юношества были в руках духовенства и монастырей. Ни в один исторический период духовенство не имело столь сильной власти над культом, как в этот; оно входило в семейную жизнь и руководило социальной жизнью стран.

Выдающихся и гениальных светил науки из людей светских совсем не появлялось; это был период абсолютного научного застоя и вместе с тем был подготовительный для образования нового центра цивилизаций; это был период нравственного и духовного развития людей.

Древний мир, дойдя до высших степеней умственной напряжённости и высказав через Александрийскую школу своё последнее слово, стал кульминировать, а арена для проявления следующей усиленной научной и умственной деятельности ещё не была

подготовлена. В этой именно подготовке новой арены действительности на новом месте и прошло 13 столетий.

После падения Римской империи вся западная Европа была населена варварскими, языческими, но крайне воинственными племенами самых разнообразных народностей и была разделена на тысячи мелких княжеств, герцогств, курфюрств, феодальных владений и т.д., состоящих в непримиримой вражде между собой.

Чтобы одним словом охарактеризовать первую четверть этого периода можно без большой ошибки сказать, что главным яблоком раздора между всеми властителями была жажда власти и господства; в народе было стремление доказать превосходство своей силы, ловкости и своего оружия; наивысшим идеалом добродетелей у всех считались храбрость и отвага, и все преклонялись перед силой, могуществом и властью, в какой бы форме они ни проявлялись. Поэтому можно себе представить, какую воинственную жизнь вели эти народы, в особенности если вспомнить, что вслед за падением Римской империи было нашествие на западную Европу гуннов, готов и великое переселение народов.

Сколько времени должно было пройти, чтобы тысячи разрозненных владений слились вместе для образования нескольких самостоятельных государств, могущих силою своего оружия сдерживать посягательства внешних врагов и через то дать возможность мирного их процветания! Сколько времени нужно было, чтобы эти государства выработали свой строй, установили порядки, упрочили свой культ, торговлю, образование и искусства! Сколько времени должно было пройти в заботах о самой трудной задаче при возрождении всякой страны, – это о самоусовершенствовании самих людей. От полудикого, языческого и воинственного состояния они должны были перейти к состоянию, способному понимать высшие истины, добро, милосердие, свои обязанности перед людьми, государством и цивилизацией. Для этого им надо было положительно переродиться и переобразоваться, отвыкнуть от буйной и бродячей жизни, от грубых и жестоких склонностей и заставить себя привыкнуть к более мирной, оседлой жизни и вместе с тем изменить весь свой характер, все вкусы, все привычки и взгляды; храбрость и отвага должны были усту-

пить место другим идеалам, указанным им христианской религией, заменившей прежнее язычество.

В течение всего этого времени о науке, конечно, никто и не имеет возможности думать; никакая философия не могла занимать умы людей; она решительно им не была нужна и окончательно забыта. Научных знаний, приобретённых предыдущим периодом, было более чем достаточно для удовлетворения потребностей и весьма ограниченной любознательности того времени.

Под благотворным влиянием быстро распространяющегося по всей западной Европе христианства и вследствие повсеместной постройкой церквей и монастырей, при которых учреждались массы школ и коллегий всякого рода, развитие народов и стран, под строгим надзором духовенства, шло необычайно быстро. В скором времени и самые войны стали принимать религиозный характер; страны стали воевать между собой, преследуя уже не одни личные, корыстные или тщеславные цели, но дрались из-за принципов и убеждений. Это уже был громадный шаг по пути прогресса. Возникли крестовые походы с их восторженным религиозным энтузиазмом и неудачами. Главные деятели крестовых походов раздували вопросы веры, делая их своими народными вопросами, что отразилось весьма благоприятно на взаимных отношениях стран и сплотило интересы светских и духовных властей. Чем больше было неудач, чем борьба с иноверцами была труднее, тем более народ привязывался к своей вере, старался её сильнее чтить и оградить, что способствовало ещё большему укреплению духовной власти над странами и народами.

После крестовых походов стали появляться отщепенцы католицизма и еретики, недовольные католицизмом вообще и его гнётom и чрезмерной строгостью в особенности; в числе их появились гуситы, которые с оружием в руках заявляли свой протест. Кровопротитнейшие войны возобновились, и чем энергичнее отстаивал народ свою религию, тем более он привязывался к ней, добровольно отдаваясь господствующей над ними власти духовенства.

Так продолжалось до эпохи возрождения, т.е. до 1500 года. К этому времени обозначились все великие державы, их будущее значение и характер; хотя до окончательного своего устройства они должны были пережить крайне трудное и смутное столетие.

До некоторой степени нравственно подготовленное и духовно развитое общество начинало уже мыслить. Во многих местах стали открываться школы и университеты под ведением светских властей. Изобретение книгопечатания сделало образование и литературу доступными каждому. Открытие Америки и многие другие причины возбуждали умы к научным познаниям. Во всей западной Европе явилась потребность в образовании. Вместо одной господствующей теологической философии стали появляться новые последователи Платоновской, Аристотелевской, Стоической и атомистических философий; явились схоластики с представителем своего учения Помпонацием.

Одновременно с этим является великий реформатор Лютер, произведший общественный переворот религиозных убеждений на огромном пространстве.

Успешное распространение реформации Лютера почти по всем германским владениям, постоянно усиливающаяся жажда знаний в обществе, учреждение по всей западной Европе огромного числа школ и даже университетов, подчинённых уже не духовенству, но светским властям, появление разных философских учений, передаваемых учителями и профессорами университетов без всякого контроля католических монахов, – подрывали авторитет католицизма, оспаривая у него его исключительную власть и господство над народом и странами. Католицизм, однако, не желал подчиниться подобному вредному, по его понятиям, требованию века. Он полагал возможным усиленной строгостью смирить отпадающих от его стада блудных овец, а потому стал принимать строжайшие меры наказания против всяких еретиков и отступников, как он называл всех, кто не был с ним единомышленником, и, как к последнему средству строгости, прибег к учреждению инквизиции.

Буллой папы Павла III, в 1540 году, 27 сентября, был назначен первым генералом Иезуитского ордена Игнатий Лойола. Этот орден уже в первые 10 лет существования насчитывал до 22 000 своих деятельных членов, в числе которых было много людей, стоящих во главе государств и правлений стран. Иезуиты открывали множество школ высших (университетов) и низших (гимназий); в низших школах главным образом изучался латинский язык и, не

смотря на серьёзное образование, даваемое в этих заведениях, иезуиты старались в то же время подавлять в учениках всякое самостоятельное мышление и вырабатывать подчинение. Подготовленные таким образом ученики поступали в высшие школы, подвергаясь ещё большей дисциплине и невероятной строгости; изучали педантично главным образом: Аристотелевскую философию, мораль, схоластику, богословие, казуистику и догматы веры.

Инквизиция была бичом того времени, и трудно себе представить, какими жестокими мерами, истязаниями и убийствами католицизм думал удержать своё прежнее влияние над миром. Все владычины стран трепетали под страхом ответственности перед приговором неумолимой инквизиции, а потому, находясь, в полной от неё зависимости, подчиняли ей и свои государства. Всякая научная истина, не отвечающая видам инквизиции, считалась ересью, и виновник её сжигался на костре. Инквизиция стремилась во что бы то ни стало владеть и господствовать над всем миром.

Но требования времени были сильнее. Инквизиция могла до некоторой степени сдерживать видимые проявления самостоятельной мысли, но тем более возбуждались внутренние, скрытые желания каждого следовать за наукой.

Начало открытому протесту против инквизиции положил преследуемый ею чрезвычайно умный, энергичный и восторженный итальянец Джордано Бруно, объехав всю Европу, проповедуя свою пантеистическую философию и возбуждая повсюду самый живой интерес. Он был сожжён на костре, так как обвинялся инквизицией в ереси, от которой не пожелал публично отказаться перед своей смертью. Его геройская смерть, воспоминания о его светлой личности и о восторженных учениях оставили неизгладимое впечатление как о нём самом, так и о его учении.

Вслед за Джордано Бруно стали появляться другие ещё более значительные научные открытия: Коперника, Галилея, Рене Декарта и, наконец, Ньютона. Труды этих великих учёных заинтересовали и завладели всем обществом до такой степени, что научный интерес стал общественным интересом; общество жаждало новых открытий и следило за ними как за вопросами дня.

Этот научный энтузиазм совпал с началом XVII века, и с этого времени мы начнём свой четвёртый период развития мысли.

Четвёртый период длился около 200 лет, разве немного более. Он начался с 1600 года и продолжался до начала нашего XIX столетия. Первые года и XIX столетия (лет 20 или 30) могли бы быть отнесены также к нему.

Это был период самого усиленного и деятельного развития мысли. Второй период создал науку и философию – 4-й их расширил, дополнил и установил окончательно; все лучшие и высшие познания приобретены наукой в этот период. И, действительно, в течение XVII и XVIII столетий было так много гениальных научных умов, как ни в один исторический период. Светилами науки того времени выступили: Ньютон, Декарт, Галилей, Коперник, Тихо-де-Браге, Фарадей, Бойль, Клерк, лорд Бэкон, Юн, Лейбниц, Локк, Сталь, Шарль Бонне, Линней, Паскаль, Дюпон-де-Немур, Босюэт, Берклей, Гертли, Дальтон, Парацельс, Гей-Люссак, Бернулли, Гекели, Кабанис, Литтре, Лавуазье, Лаплас, Пристлей, Биш, Тейлор, Берцелиус, Кондорсе, Жильбер, Гюйгенс, Толманд, Александр фон-Гумбольдт, Артур Шопенгауэр, Спиноза, Фихте, Шеллинг, Гегель, Кант и многие другие.

За этим множеством научных светил первой величины следовали учёные второстепенные, профессора университетов, далее учителя школ, затем писатели, комментаторы, популяризаторы учёных трудов первых мастеров науки; и можно себе представить, какую массу новых научных сведений получало ежедневно общество. Оно следило за ними с величайшим вниманием и уважением; с восторгом встречало оно и принимало всякое новое открытие, всякий новый труд, и просвещение стало потребностью века.

Бросая общий взгляд на ход развития мысли в этот период, нельзя не найти в нём поразительного сходства с ходом развития мысли второго периода в древнем мире. Разница между ними, в сущности, конечно громадная. 1) В древнем мире народ был несравненно меньше интеллектуально развит; 2) наука древних стояла на несравненно низшей степени; 3) способ распространения знаний в древности был по преимуществу устный. Совсем не то было после изобретения книгопечатания в новом мире. Одним словом, один период усиленного развития мысли отстоял от другого на две тысячи лет, следовательно, само собой понятно, что все

условия, сопровождающие один, несходны с условиями, сопровождающими другой; но отношение несовершенства природы человека к возлагаемой на него задаче самообразования и самоулучшения даёт необыкновенное сходство между ходом развития мысли обоих периодов. Вместо того, чтобы быть слугой науки и своего собственного улучшения, человек, во всех случаях своей жизни, остаётся прежде всего человеком, со всеми своими страстями, пороками, привязанностью к своим привычкам и принципам, которые суть самые большие тормозы образования и самые злейшие враги новых идей. Человек никогда не может отделаться от своего прежнего взгляда на вещи, и, узнавая новые истины или приобретая новые познания, он разбирает их со старой точки зрения, применяя свой прежний взгляд, который и служит ему первым и главным мериллом и критерием его собственной оценки, от чего непосредственно зависит степень допущения или понимания этих истин или этих познаний. Одним словом, человек никогда не мог додумываться до конца, т.е. до того конца, до которого додумывались великие мыслители его века; он останавливал своё мышление на степени своего собственного развития, на той степени, которая соответствовала чувствам и силам его интеллектуального существа.

Из этого выходит, что ход развития мысли, как в древнем, так и в новом мире, имеет большое сходство, несмотря на полное разнообразие всех сопровождающих условий, а именно:

I. Обоим периодам «свободного» умственного и научного развития предшествовали очень долгие периоды нравственного и духовного «насилия».

Крайне трудно подобрать другие названия этим периодам; потому мы второй и четвёртый назвали свободными, в отличие от первого и третьего, которые мы назвали периодами духовного насилия. Собственно говоря, и то и другое название не совсем правильно; ибо как умственное образование не может быть названо вполне свободным, так подавно нравственное и духовное воспитание не похоже на насилие; однако, для большей рельефности характеристики различия этих периодов оставим эти эпитеты.

Дело в том, что как основной смысл нравственного и духов-

ного воспитания, так и приёмы, употребляемые при нём, решительно не схожи с основным смыслом умственного и научного образования и с практикуемыми педагогическими приёмами.

Воспитание нравственное и духовное сопровождается постепенным изменением внутренней природы человека. Человек делается мягче, добрее, снисходительнее, к ближнему, строже к себе и т.д. Ни одно из этих качеств не может быть приобретено без известной работы над собой, без принуждения себя или без некоторого воздержания. Никакая мораль помочь не может. Человек может видеть примеры самой высокой добродетели и ежедневно слушать самые убедительные речи о превосходстве добродетели над пороком, – однако, ничто не сделает его лучше, если он сам не будет себя принуждать отставать и отучаться от всего злого и несовершенного и не будет заставлять себя поступать хорошо.

Эта искусственная и принудительная ломка организма сначала в особенности покажется человеку непреодолимо трудной. Но после некоторого упражнения задача значительно облегчается, и со временем он привыкнет и будет даже чувствовать удовольствие в том, что раньше казалось ему совсем противным его природе и недостижимым. Такой внутренний нравственный и духовный прогресс отразится на всём его характере, во взглядах на людей и на окружающую его природу, на привычках, и обязательно войдёт во всю его жизнь и в обращение его с людьми и животными.

Предположим, что мы имеем дело со злым и грубым человеком и желали бы во что бы то ни стало превратить его в нежного и любящего, – какой образ действий предписали бы мы ему? что посоветовали бы ему сделать?

Сначала он должен бы был приучить себя наружно не выказывать своей злости. Как бы люди ни сердили его и сколько бы зла ему ни делали, – он должен бы был употребить все свои силы, чтобы сдержать, остановить или подавить в себе всякие, даже мельчайшие, внешние проявления злости и казаться добрым и снисходительным. Внутренне он, конечно, будет сердиться; злость будет в нём кипеть, весь организм его будет протестовать и противиться такому неестественному проявлению силы воли над собой же самим, и действительно, нужна необыкновенная стойкость или

какая-нибудь сильная посторонняя причина, которая заставляла бы человека сдерживать все порывы его порочной природы. Положим, что через усиленное старание, он одержал верх над самим собой и над своей природой и сдержался раз десять, двадцать или сто – ведь, как бы ни была зла его природа, он должен же наконец приучить её к послушанию и отучить от внешних проявлений злости. Вместе же с внешними проявлениями злости станут пропадать и внутренние и борьба с собой будет ему даваться уже легче; и так должен он поступать до тех пор, пока в нём не исчезнет всякая ненависть и злость к людям и дойдёт он до индифферентизма.

Таким точно путём должен поступать человек для уничтожения в себе каждого порока и каждой дурной склонности. Ничего не даётся в области духовного прогресса без борьбы и принуждения; скажем даже больше: одно принуждение себя, в особенности, если оно разумно и не имеет внешнего давления, а делается человеком с охотой, по доброй воле, уже совершенствует его, искореняет в нём злые склонности и делает его способным к восприятию высшего самовоспитания, которое он найдёт в христианстве. Никакая борьба с собой и со своими недостатками не остаётся без внутреннего и действительного самоулучшения всего нашего существа и всей природы нашей. Окончив подобную ломку и насильствование своей злой природы, человек может сказать, что кончил первую часть своего нравственного и духовного воспитания. т.е. подготовил почву своей души для благоприятных всходов на ней семени слова Божия. Это будет уже вторая часть его самовоспитания, ещё более существенная, чем первая, но зато и ещё более трудная.

Легче отучить себя не делать людям зла, чем приучить себя делать добро; легче отучить себя от праздных слов и от отрицания того, о чём ты не имеешь понятия, чем полюбить Бога всем сердцем и всей душой; легче быть рабом буквы, чем вникнуть в дух закона; легче быть формалистом и исполнять известное количество внешних правил и обрядностей, чем быть верным слугой Бога, чистым, мудрым и смиренным духом и с самоотвержением повиноваться воле Божией. А если задача труднее, то и достижение её достаётся с большей работой над собой. Конечно, работа христианина над самоулучшением совершенно другого рода, чем

первоначальная работа над искоренением в себе зла; тем не менее, она очень трудна и сопряжена с большими принуждениями и борьбой с самим собой. При этом так же, как и при всяком новом нравственном и духовном улучшении себя, человек постоянно до некоторой степени совершенствует свой характер, свою жизнь и всю свою природу. Духовному воспитанию нет предела, – оно также бесконечно, как и сам Бог, и каждая новая степень даёт всё новые преимущества и новые совершенства.

Образование научное и умственное имеет совершенно другой характер. Конечно, чтобы что-нибудь знать, надо трудиться и работать. Чем более человек учится, тем он образованнее, – это несомненно (очевидно, в этом случае мы говорим об одном и том же человеке, так как природные дарования у людей весьма различны). Но при научном и умственном образовании ценится не количество положенного кем-нибудь труда, не самая его забота об образовании и не бессонные ночи, проведённые в изучении наук, но конечный результат, степень образованности и количество усвоенных знаний.

Человек, окружённый всеми средствами, облегчающими ему учение, достигает лучших результатов гораздо скорей и с меньшим трудом, чем другой, их не имеющий. Иной, живя между умными людьми и прислушиваясь постоянно к их научным разговорам, совершенно без всякого труда и даже совершенно нехотя может научиться тому, на что другие убили целые годы своей жизни. Простой безграмотный сторож-солдат в физической лаборатории научается через простую наблюдательность, но без всяких знаний физики, производить любой самый трудный физический опыт со всеми деталями. Таков характер умственного и научного воспитания, в котором более преуспевают те, у которых больше разум, память и сообразительность. Но вопрос в том, – преобразовывают ли эти знания человека? Делают ли они лучше и совершеннее самое существо его, улучшая его душу?

На этот вопрос надо несомненно ответить отрицательно. Умственные и научные познания расширяют ему только кругозор всего познавательного; открывают ему новые арены деятельности, на которые может он вступить или отказаться: позволяют ему более разумно и здраво относиться к природе, к людям и тварям; но

будет ли он в действительности так относиться, – это зависит от его личного желания. Но зато умственное развитие ведёт за собой и большее понимание житейских и личных вопросов, открывает ему глаза на его выгоды и расчёты, учит ловкости в обращении с людьми, учит командовать и господствовать над ними. Из чего надо заключить, что умственное развитие, вместе с приносимой пользой человеку, может принести ему и вред, ибо может породить в нём излишнюю уверенность в свои силы и достоинство, что вызовет тщеславную гордость и пренебрежение к людям, т.е. может сделать ему нравственный вред и он падёт с высшей ступени своего духовного развития на более низкую.

Ввиду этой разницы задач нравственного воспитания и умственного образования, учителя нравственности для воспитания своих учеников поступают иначе, чем профессора и учителя наук; а в периоды усиленного нравственного развития отношение духовенства к народу было иное, чем отношение учёных к тому же народу в периоды усиленных умственных развитий.

В течение всего первого и третьего периода духовенство имело безусловную власть над народом во все фазы его жизни: семейной, домашней, уличной и общественной. Мало того, духовенство оказывало давление не на одни только поступки людей, но и на все потаённые мысли каждого, заставляя на исповедах высказывать всё без малейшей утайки, под страхом двойкой ответственности. Первая ответственность была перед самим духовенством, которое наказывало разными способами за неполную исповедь; вторая же была перед самим собой и Богом, ибо совесть каждого не должна была давать покоя в течение всей жизни, в случае преднамеренной утайки какой-нибудь самой сокровенной мысли. Никто от руководства духовенства никуда скрыться не мог и всякий шаг каждого был под контролем.

Забываясь о внутреннем нравственном улучшении народа, духовенство, конечно, должно было не только оказывать давление, но даже употреблять некоторое насилие над волей народа, чтобы заставить каждого относиться к себе строго и в свою очередь принуждать себя насилловать свою злую природу, приучая её к добру! И, конечно, чем грубее был народ, тем и насилдование их воли было сильнее и выражалось в более грубых и принудительных формах.

Имея дело с полудиким народом, законоучители и не думали даже осведомляться о внутренних душевных качествах своего народа; ибо в каждом из них было ещё так много дикости и внешней грубости, что первой заботой духовенства было работать над уничтожением внешних проявлений их дикой и животной натуры. Моисей, например, никого не спрашивал, с каким внутренним настроением исполняет человек его закон и трудно ли ему воздерживаться от злодеяний; он говорит: «Будь проклят всяк, кто не исполняет закона». А закон усматривал каждый шаг даже домашней жизни и был необычайно мелочен и подробен; но тем не менее исполнение его было обязательно.

Ветхий Завет строго преследовал нарушение обрядностей; например: соблюдение субботы было обставлено самыми мелочными, до нелепости точными, до смешного ничтожными ограничениями. Пророк назвал её «отрадой», и поэтому ставилось в обязанность даже бедняку есть три раза в этот день. Евреи должны были пиршествовать, хотя не имели права ни зажигать огня, ни варить пищи. Согласно жестокому и узкому наставлению Шамайи, в субботу никто не мог даже ободрить вольного или утешить печального; спасти жизнь ближнего считалось нарушением субботы. Какой-нибудь вопрос о стебле бобов или о способе убивать дичь до её употребления в пищу возбуждал самые многочисленные трактаты, вырабатывающие новые затруднительные условия.

Общее религиозное убеждение каждого иудея сводилось к тому, что, хотя из 248 заповедей и 365 запрещений Моисеева закона иные были легки, а иные тяжелы, однако все они и в отдельности, и вместе взятые были необходимы к исполнению с самой строгой тщательностью, не только по духу и по букве, но и в бесчисленных выводах, к которым могла повести буква, когда даже последний след смысла и значения терялся в массе всевозможных определений. Этого, по убеждению иудеев, требовал Бог; только это считалось истинным понятием о безукоризненной праведности закона. Хотя подобный взгляд иудеев есть отчасти плод утрировки фарисейской, тем не менее, разве не торжественно и не решительно выражена заповедь: «не делать никакого дела в субботний день?» Разве сам Моисей и всё общество не побиили камнями человека в пустыне за то только, что он собирал дрова в этот день?

А разве легко было дикому народу под страхом ответственности почитать своих родителей, не воровать, не убивать, не завидовать, не пожелать жены ближнего, смирять свой гнев, который для них, по словам языческого поэта, «возникает как дым в сердце человека и слаще текущих капель мёда» и, вместо удовольствия мести и блаженства пролить кровь врага, его принуждали к воздержанию, спокойствию и смирению.

В третьем периоде строгость была другого рода – более тонкая, но не менее активная. Задача самоусовершенствования, возлагаемая на христиан, несравненно труднее, чем в других религиях. Установление инквизиции и обращение её с народом достаточно доказывает ту степень строгости, с которой католицизм поддерживал веру среди народа.

Научное и умственное образование имеет тоже своего рода принуждения, но они совершенно другого рода и гораздо слабее. В каждой стране учатся далеко не все, давления же духовного воспитания во все времена и у всех народов не избегал положительно никто; ни один человек и ни один ребёнок даже не был освобождён от полнейшего на него влияния духовенства. Далеко не так распространено воспитание у нас, в России; например, в светских школах и в университетах учится один ученик на 1 600 человек из общего числа всего народонаселения. Где же почерпают остальные 1 599 человек свои знания? Почерпают ли они вообще откуда-нибудь какую-нибудь премудрость, или остаются в полном невежестве – никому до этого дела нет. Обязательное обучение грамотности не введено ещё во многих странах в настоящее даже время; можно же себе представить, в каком состоянии оно было 300 лет тому назад, не говоря уже о втором периоде, который был 2 000 лет тому назад.

Никакая страна не в состоянии дать образование всем желающим его получить – на это не достанет её годового бюджета, а потому число учеников, обучающихся во всех школах и университетах каждой страны, в большинстве случаев ограничивается известным количеством, которое определяется в зависимости от числа необходимых чиновников, учителей, офицеров и вообще служащих в самой стране.

Кроме действительного желания просвещения, в эти учебные

заведения часто загоняет учеников нужда и необходимость доставать себе занятие и пропитание для всей предстоящей жизни. А там, где замешиваются вопросы нужды, холода и голода, может ли человек поручиться за чистоту своих намерений?

В этих заведениях, конечно, существуют своего рода строгости и взыскания. Они заботятся о том, чтобы оканчивающие курсы были достойны того. Но им всё равно – окончит ли в них Сидор или Карп, а потому, если Сидор плохо учится, то его выгоняют и берут Карпа на его место; и никому дела нет, где этот несчастный, малоспособный Сидор кончит своё образование, и будет ли он вообще учиться – также никого не интересует.

Вот причина, отчего мы назвали второй и четвёртый периоды свободными, а первый и третий – периодами нравственного насилия и обратили внимание читателя на то, что обоим периодам усиленного умственного развития предшествовали периоды строжайшей нравственной дисциплины, и что периоды нравственного воспитания были раз, по крайней мере, в 5 длиннее, чем периоды образования. Это было первое сходство.

II. Второе сходство заключается в том, что, как в первом, так и третьем периодах, после того, как общество начинало интересоваться научными вопросами и мировыми открытиями великих учёных, для него, кроме авторитета религии, являлся ещё другой авторитет науки. Согласить требования этих двух авторитетов общество никогда не могло. Оно никогда не умело держаться вполне необходимой середины, позволяющей человеку пользоваться преимуществами обеих сторон. Видя прежнюю над собой власть духовенства значительно ослабленной, вследствие веяния времени, оно старалось совершенно отделиться от него и переносило всё своё почитание на научные знания.

III. Третье сходство заключается в том, что как общество, так и его учителя и профессора никогда не могли дойти до той глубины мышления, которой владели великие мастера науки, и стать на то мировоззрение, на котором стояли сами авторы и создатели этих философских систем и научных теорий; а потому системы эти и теории передавались обществу совершенно в другом свете, значительно измененные, вследствие чего те же самые данные, кото-

рые приводили самого автора системы к одним заключениям и заставляли видеть в них новые подтверждения славы Божией, – доводили общество до совершенно противоположных убеждений и утверждали в нём материализм и атеизм.

Подробное доказательство этого странного явления будет помещено ниже.

IV. Четвёртое сходство заключается в том, что чем возвышеннее была философская система, чем более приближала она человека к Божественной истине, тем менее она понималась и тем менее имела она последователей. Наоборот, чем легче была система, чем более была она поверхностна и менее удалялась от видимого мира, тем более имела она последователей. Самое большое число последователей, как во второй, так и в четвёртый период, имел эпикуреизм, который поощрял развращённые вкусы тщеславного человечества, не корил пороки и потакал изнеженности и сластолюбию. Он учил, что в жизни следует выше всего ставить своё собственное счастье; что вся жизнь состоит в вечном стремлении духа к счастью, довольству и добродетели. Он отвергал влияние Богов на мир, не признавал загробной жизни, старался вдохнуть в учеников своих жажду к мудрости, умеренность, твёрдость духа и удаление от публичных обязанностей.

Такая лёгкая и приятная форма философии, позволяющая предаваться со всем пылом своим страстям, после той нравственной дисциплины, к которой обязывали религии, не могла не нравиться порочному человеку. И как только власть религии ослабевала, люди видели, что они предоставлены своему произволу и своей собственной свободной воле и что есть возможность заменить католицизм со всеми его обязательными правилами и стеснениями эпикуреизмом, – то они не замедлили это исполнить, что совершенно естественно.

V. Поразительное сходство видим мы в последовательном ходе развития мысли и философии и в форме суждения в течение каждого из этих двух периодов.

Люди могут быть более или менее образованы, знания их природы могут у одних быть несравненно выше и обширнее, чем у других, но сила и глубина их суждения, зависящая от внутреннего их развития, устанавливает всё одни и те же формы суждения.

Достойно положительно удивления, что, несмотря на то, что четвёртый период имел большой запас научных данных, больше средств к распознаванию истины и изучению природы, к личному самоусовершенствованию, однако он не создал ни одной новой формы философии, ибо каждая форма суждения имеет уже своих одинаково достойных представителей в древности.

Не вдаваясь в разные переходные и смешанные формы философии, надо сказать, что древний мир выработал шесть основных форм суждения, а именно:

а) Самой лёгкой и удобопонятной для всякого неразвитого нравственно человека формой философии представляется несомненно материализм, – он разбирает и анализирует все явления материи, отвергая или не замечая духа; для него духа нет, нет ничего отвлечённого и загадочного в природе, всё понятно, ибо он рассматривает дух и всё ему непонятное как свойства, развивающиеся или проявляющиеся в материи. Дух – это всё равно что цветок или плод, вырастающий со временем на древе вещества.

Одной ступенью выше материализма, как сказал Кант, на длинной лестнице всех философских систем, стоит скептицизм. Он не даёт ещё учения о духе, не познает его и не старается ни понять и ни изучить его; но, анализируя свои знания материи, он убеждается в шаткости их, ибо, по учению скептиков, всякое познание, которое может быть оспорено, не достоверно, а, следовательно, и не должно быть принято. Скептики держатся того убеждения, что мудрый человек не должен ничего решать, не должен останавливаться ни на чем, но всё подвергать только исследованию.

Иммануил Кант находить, что обе эти формы суждения должны быть отнесены к числу явных заблуждений.

б) Пантеизм – сливающий или, лучше сказать, не отличающий идеи Божества от видимого мира. По его учению, или Божество поглощает в себе весь мир, тогда можно сказать, что Бог есть всё, или мир поглощает Божество, тогда «всё» – есть Бог. В первом случае мир не что иное, как скопление феноменов или разных проявлений Божества без отдельного и реального существования его; во втором случае Божество составляет только всеобщую силу, распространённую в природе и сливающуюся с нею.

в) Дуализм или спиритуализм, – система, по которой дух и материя одинаково реальные начала, совершенно противоположные друг другу по своей природе и не имеющие между собой ничего общего ни в свойствах, ни в законах своего действия.

г) Идеализм или чистый спиритуализм, – система, по которой существует только дух, а материя есть только представление, одна из идей духа, но на самом деле её не существует. Материя – это только создание творческой мысли духа, имеющего потребность облечь в вещественный (трёхмерный) образ мыслимую им противоположность своего собственного бытия. Для этой системы реально существуют только идеи духа.

Чистый идеализм может быть назван непосредственной ступенью, ведущей к правильному пониманию учения Церкви. Уллик признаёт учение Церкви высшей формой человеческих познаний и называет его наукой всех наук, или философией всех философий, и как мы увидим ниже, он имеет на то полное и несомненное право.

Разбирая все появившиеся в четвёртый период формы философии, можно подвести их совершенно под одну с этими формами рубрику, и высокая учёность XVII и XVIII столетий не прибавила ни одной новой формы суждения.

VI. Шестое сходство второго периода с четвёртым – является тождественность окончательных выводов, до которых довели труды всех великих учёных обоих периодов.

Второй период создал философию, четвёртый её развил. Но в четвёртом, как и во втором, труды великих учёных шли независимо от того, как понимали их второстепенные, третьестепенные учёные, профессора, учителя и наконец всё общество. Великие умы понимали друг друга и, собственно говоря, в развитии их высоких идей и состоит прогресс мысли и значение века. Каждый новый великий деятель науки основывал свои выводы на точном смысле учения своих предшественников; исправлял и дополнял их пробелы и создавал свои системы, которые тоже исправлялись, критиковались и дополнялись вновь появляющимися великими умами и так росло знание науки. К концу XVIII века философия сказала своё последнее слово, которое было тождественно с тем выводом, к которому пришла наука, а именно: что человек может

познать истину только через Бога. Разница лишь в том, что второй период длился 1000 лет, – четвёртый же через двести лет пришёл к тому же результату.

Разбирая все идеалистические системы с последней половины XVIII столетия и начала XIX, не трудно убедиться, что в основном смысле окончательных их выводов чувствуются от человека те же требования, которые уже давно внушает ему Церковь, а они все дошли до своих положений, идя строгим логическим путём от данных положительной науки, пройдя всю трудную школу человеческих знаний.

Для примера, приведём некоторые их положения.

Кант находит, что «теологическая идея, дающая основание самому важному применению разума, которое, однако, при исключительно умозрительном направлении становится запредельным и потому диалектическим – это идеал чистого разума. При психологической и космологической идее разум начинает с опыта и чрез подбор оснований старается, где возможно, достигнуть до абсолютной полноты причинного ряда; здесь же, напротив, разум совершенно оставляет опыт, и от одних понятий об абсолютной полноте всего существующего, т.е. от идеи всесовершенной первосущности, нисходит к определению возможности, а потому и действительности всех других вещей». (Пролегомены, стр. 143).

Фихте главным образом старался установить тождество бытия и мысли, существования и сознания, объекта и субъекта. В виду такой цели он рассматривает «я», как деятельность по преимуществу.

Согласно с этим в практической части своей философии он приходит к заключению, что истинное назначение человека не мысль, но действие, которое есть осуществленная мысль. «Я свободен», говорит он. «Это откровение моего сознания. Я свободен; всё моё достоинство определяется не только моими действиями, но и свободным решением моей воли повиноваться голосу совести. Вечный мир для меня теперь светлее, и основные законы его устройства яснее раскрываются пред моим умственным взором. Моя воля, сокрытая в глубоком тайнике души моей, есть первое звено в цепи следствий, охватывающей невидимое царство духа,

точно так, как в этом земном мире действие, – движение, сообщённое материи, – есть первое звено в материальной цепи причин и следствий, охватывающей этот мир. Воля есть действующая причина, живой принцип духовного мира, движение же есть принцип чувственного мира. Я стою между этих двух миров: с одной стороны – мира видимого, в котором существенно только одно действие, тогда как намерение не имеет никакого значения; с другой – мира невидимого и непостижимого, на который воздействует воля. В обоих этих мирах я – действующая сила. Божественная жизнь, как её может представить себе конечный ум, есть самообразующаяся, самопредставляющаяся воля. Взору смертных она является облечённой в бесчисленное множество чувственных форм, она проникает меня и всю неизмеримую вселенную, пробегая по моим жилам и мышцам и сообщая жизнь деревьям, цветам, траве. Мёртвая, тяжёлая масса инертной материи, наполнявшей природу, исчезла, и вместо неё течёт из своего бесконечного источника светлый, вечный поток жизни и силы».

«Вечная воля есть Творец мира и Творец конечного разума. Кто полагает, что мир создан из инертной материи, которая всегда должна оставаться безжизненной, подобно сосуду, сделанному человеческими руками, тот не знает ни мира, ни его Творца. Только воля или бесконечный разум существуют в самом себе, конечный же в нём; в нашей душе воля эта создала мир, или по крайней мере то, при посредстве чего он раскрывается пред нами. В её свете мы видим свет и всё, что он обнаруживает. Великая животворящая воля, невыразимая словом и необъемлемая никаким понятием, к тебе я возношусь мыслью, потому что только в тебе я могу разумно мыслить! В тебе, непостижимая воля, разгадка моего собственного существования и бытия мира; в тебе я нахожу решение всех вопросов и обретаю царство полной гармонии. Я закрываю пред тобою лицо и налагаю перста на свои уста». (Льюис, т. II, стр. 290, 291).

Улликх называет религию «наукой наук», он отвергает все положения, основанные только на вероятности или догадке, как, напр., предположение сознательной мировой души; он определяет истину «как отражение в человеческой душе действительности,

действительного мира, с его вещами и силами, законами и событиями.

«Что находится за границами исследования, – говорит он, – то не должно входить и в религию». При этом для него религия есть «признание отношения человечества к некоторому вечному порядку, или, если угодно, к Священной Силе, которой оно должно подчиняться». «Единое, что нужно» есть устройство Царства истины, добра и прекрасного. Фундамент всего учения, следовательно, должен заключаться в соединительной точке этической и умственной части, в принципе, в силу которого строго научное познание приходит к нравственному действию. А этот принцип есть единство истины, добра и прекрасного. С истиною, вследствие этого принципа, приобретает более полная благородная человечность, которая ведёт к высшей красоте, к чистейшей радости и блаженству. (Истор. Мат. Ланге, т. II, стр. 424, 425).

Далее философии, конечно, идти некуда, она более невысказанна, ибо с достоинством и самым блестящим образом выполнила своё назначение; она ясно и точно доказала людям, что тайный и непонятный для многих смысл нашей науки доводит непременно до познания Бога, Высшей Воли, правящей вселенною. В настоящее время было бы очень жалко и недостойно, если бы мы не воспользовались поучительным выводом, даваемым нам историей философии, и не приложили бы его к нашей науке и к нашей повседневной жизни, проникнувшись той несомненно глубокой пользой, которую мог бы принести более религиозный и менее самоуверенный взгляд при изучении нашей, к сожалению сказать, вполне атеистической науки.

Чтобы окончить с четвёртым периодом, разберём более подробно весьма интересный и на первый взгляд совершенно невероятный факт: как могут дуалистические или идеалистические философские системы, открыто и определённо доказывающие, что Бог есть, что мир управляем, что дух существует самостоятельно от материи, производить на общество впечатление, подтверждающее его материалистическое мировоззрение, или порождать в обществе атеизм?

Подобных фактов в науке слишком много не только в XVII и

XVIII столетиях, но и в нашем XIX, а потому стоит несколько остановиться на нём.

Дело в том, что поборники строгой и безошибочной науки и современные позитивисты, считая сами себя психически несостоятельными, изобретают разные способы контроля в науке, не доверяя ничему, что не может быть подтверждено опытом, мерой и весом; но, к сожалению, до сих пор не изобрели ещё главного мерила – это мерило ума самого экспериментатора, мерило для определения степени логичности и глубины его суждения и, пожалуй, третье для оценки совершенства его внутренних чувств или так называемой духовной прозорливости. А пока подобных мерил нет, то всякий имеет возможность мнить себя умнее всех. Такова уже природа тщеславного человечества. Вот причина, отчего часто мелкие научные сошки и даже совсем не научные, но просто дилетанты, решаются критиковать, исправлять или дополнять великие труды гениальнейших мастеров науки, совершенно предварительно не поняв коренного смысла учения; результатом сего является совершенное искажение самого основного смысла всего труда.

К такому приёму прибегают учителя и профессора для того, чтобы более понятным образом передать эти труды учащимся; или так же точно поступает пресса, чтобы передать популярным образом читающей публике смысл какого-нибудь очень трудного и мало доступного сочинения великого автора. Не понимая его в том духе, как его понимал сам автор, они и не передают его в полном объёме, а выбирают из него только одну часть, которая им кажется более существенной или более интересной, переделывают её так, чтобы она была более понятной, вставляют свои комментарии и делают своё собственное заключение. Доверчивая публика читает эти сочинения и в простоте сердечной думает, что она читает труд и заключение самого автора, а в сущности ничего общего с оригиналом нет. Извращение выходит ещё больше, если рецензент решится писать не с подлинного труда, а с того, который уже отчасти искажён. Тогда уже совершенно ничего общего с подлинником и быть не может. Статьи эти делаются всегда очень популярны и вводят общество в крупные ошибки.

Происходит это главным образом от того, что в настоящее

время наука раздроблена на научные предметы, и никто не изучает какого-либо великого учителя, например, Ньютона, но изучают физику, математику, оптику и т.д. Только в древности изучали самого философа или учёного. Ученики каждого из них всюду следовали за своим гениальным учителем, принимали его мировоззрение, его взгляды на природу вещей, его способы и приёмы изучений и исследований, и затем, после смерти учителя, учение его сохранялось без искажений и если были у него достойные преемники и продолжали в том же духе разрабатывать дальше те же теории, то свет обогащался ещё большими открытиями, которых при другом образе действий не могло бы быть.

Платон был достойный ученик Сократа. Если бы он не продолжал начатого Сократом дела и создавал бы своё, то никогда не был бы Платоном, а был бы каким-нибудь второстепенным или третьестепенным философом, или совсем затерялся бы в массе неудачников, не имевших возможности в течение одной короткой жизни прочувствовать, продумать и высказать всё, что он высказал.

Современные адепты науки изучают не учёных, не их самих, но научные предметы. Астрономы выкроили у Ньютона всё, что касается до астрономии, оптики, что нужно для их науки; то же сделали математики; одним словом, что каждому нужно, то выхвачено и выкроено из учения Ньютона и других ему подобных, а вся общая часть, дающая, собственно говоря, всё значение Ньютону, как гению, та часть, которая открывает всё мировоззрение, руководившее его всю жизнь, которая помогала ему во всех открытиях, та остаётся мало известною.

Наконец, остаётся уже совершенно неизвестным всё то, что сказано каким-нибудь великим учителем на те темы, которые не могут быть причислены ни к одной из изучаемых научных рубрик. И как бы ни были эти истины велики и премудры, они прямо бракуются, не получают места в науке и самым варварским образом изгоняются.

Никто в настоящее время не унижится до того, чтобы с начала до конца, со всеми деталями, изучить какого-либо великого учителя или нескольких, но с одним и тем же направлением, и не за-

дастся целью продолжать в их духе начатую ими работу. Но всякий хочет создать своё, исправляет старое сообразно своего понимания и не хочет понять, как это пагубно отзывается на ходе развития науки, ибо через это он только портит великие произведения, которые, выйдя из-под его пера, может быть и становятся более популярными, тем не менее они теряют великое значение, какое они имели.

Изучая какого-либо великого учителя, необходимо непременно стать на ту исходную точку мышления, на которой стоял сам автор, обдумывая и создавая свою систему или совершая свои научные открытия. Только при этом условии можно составить себе правильное понятие о тех идеях, которые он проводит, а о тех разъяснениях явлений природы, которые он давал; ибо они ему самому стали ясны только благодаря его мировоззрению, его приёмам и той последовательности, которую он принял. Для этого необходимо изучать великих авторов в полном их объёме и в последовательном порядке и, мало того, необходимо вдумываться в основной смысл их и даже в причины, заставившие этих великих учителей думать так, а не иначе. Это очень ясно: ибо если мы допустим, что они сами стали бы на другую исходную точку мышления, то, конечно, все системы и все выводы были бы другие и никогда не достигли бы той высоты, на которую их довело именно это мировоззрение. Тем более всё вышесказанное должно относиться до всякого суждения о них постороннего человека, имеющего меньшие познания, меньшую опытность и навык и совершенно другое мировоззрение. К подобным суждениям надо всегда относиться очень скептически, ибо они часто приводили к большим и весьма существенным ошибкам.

Казалось бы, что прямая обязанность науки состоит в том именно, чтобы сохранять, как святыню, каждое слово и каждую мысль великих учёных в педантической неприкосновенности, в том именно виде и в том именно смысле, в котором сам автор представил её свету без малейших изменений, улучшений и дополнений, какие вводят в настоящее время люди, стоящие много ниже их по интеллектуальному развитию, ибо все эти так называемые улучшения ведут прямо к заблуждениям.

Приведём тому несколько примеров из истории материализма:

Как только общество стало выходить из своего научного индифферентизма, обратив внимание на научные труды Джордано Бруно, Галилея, Коперника, Декарта и Ньютона и стало следить за наукою, то этим общим возрождающимся стремлением к образованию чрезвычайно удачно воспользовались материалисты: Гессенди – во Франции, лорд Бэкон Веруламский и Гоббс – в Англии, а француз Ла-Меттри – в Германии.

Гессенди взял за основание своего учения несколько очищенный им эпикуреизм и подцветил его учением Декарта. Он придал всему своему учению чрезвычайно доступную, лёгкую и понятную форму изложения и материалистическую подкладку, вследствие чего учение его имело чрезвычайный успех среди общества, чему много способствовали потребности времени и всё более и более усиливающаяся в публике жажда знания. Суеверный и тщеславный (Ланге, т. I, стр. 180) Бэкон обращал главным образом людей на методы исследования. Атеист Гоббс утверждал, что в мире нет ничего реального; учение обоих имело главным образом своим основанием учение Декарта. Легкомысленный и задорный дилетант-философ Ла-Меттри (Ланге, т. I, стр. 229) поставил удовольствия главным принципом жизни. Под особым покровительством Фридриха Великого он издал своё сочинение «Человек-машина», за основание которого была им принята, главным образом, та часть учения Декарта, которая говорит, что все духовные и физические проявления жизни можно рассматривать, как продукты механических процессов.

Находясь под ревностным покровительством аристократии и дворов, материализм, распространённый четырьмя этими личностями, не обогатившими науку никакими самостоятельными научными трудами или открытиями, имел невообразимый успех, приобрёл последователей во всех классах общества; подражателям положительно не было конца, появлялись сотнями разные другие сочинения, основанные будто бы на учении Декарта, но с атеистической подкладкой, вполне покорившие публику, развившие в ней жажду знания в ущерб авторитета Церкви.

Таким образом Декарт, строгий и ревностный католик, человек глубоко верующий в Бога, как Творца Вселенной, написавший дуалистическую философию, отвергающий численность атомов,

говоря, что если бы существовали самые маленькие частички, которые никак нельзя было бы разделить, то всё же Бог мог бы разделить их, потому что делимость их мыслима, – попал во мнениях общества в материалисты.

Все, положительно все читающие произведения Гессенди, Гоббса, лорда Бэкона, Ла-Меттри и всю клику их последователей, полагали, что читают теорию Декарта, или, по крайней мере, учения, основанные на строгом смысле картезианского дуализма, чего в сущности совершенно не было; все эти теории не походили даже на выводы Декарта; они частью заимствовали одну наружную форму его, а большею частью заимствовали его переходные теории, из которых сам Декарт выводил совершению другие следствия, чем те, к которым приходили его последователи.

Первым восстал против материализма сам Декарт; немало посвятил он труда для убеждения людей в том, что учение его решительно не имеет того основного смысла, какой ему придают; сколько он прочёл публичных лекций, доказывая, что его философия не может быть понимаема в атеистическом смысле, однако модного стремления он не остановил.

За Декартом восстали на материализм Ньютон, Бойль, Клерк, Пристлей, Гэртли, Лейбниц, Фарадей, Баркли и многие другие, но труды их были оценены лишь в Англии. Материализм был так прост и понятен; от так соответствовал вкусам и взглядам общества и людей того времени, что они положительно отказывались от всякого другого мировоззрения; они почитали учёных за их ум и деятельность с радостью и некоторым даже рвением принимали новейшие открытия и успехи науки, *но всегда понимали их по-своему*, не меняя своего мировоззрения. Чем больше росло образование и жажда знания, тем сильнее вкоренялся атеизм.

В этом общем модном стремлении к атеизму труды даже таких набожных людей, как Ньютон, Фарадей, Клерк, Бойль и Бэрклей, которых глубоко возмущало непонимание истинного смысла наук, доводящее их до атеизма, принимались как подтверждения материализма.

Ньютон, например, давал математические разъяснения явлений, показывал те законы, которые поддерживают и производят явления, утвердил то великое обобщение, которое существует

между падением яблока и движением луны, полагая, *самым непреложным образом, что причиною или виновником возникновения этих законов есть Творец Вселенной*. Он говорил: «Естественные законы природы представляют постоянно и во всём самые ясные следы мудрейших целей, но нигде и ни в чём не удавалось нам подметить и следа необходимости».

Но всё это понималось совершенно иначе: ход истории окончательно выключил эту Ньютоновскую Высшую и Разумную Причину явлений и поставил самый математический закон в ряд физических причин. Удар атомов превратил в некоторую объединяющую мысль, которая, будто бы, в таком автоматическом виде управляет миром без всякого материального посредства. – То, что Ньютон считал такою «*великою бессмыслицей*», что никакая философски мыслящая голова не могла вместить, – как выразился он сам в своём письме к Бентли в 1693 году (Ланге, т. I, стр. 249) – потомство прославило как великое открытие его.

Многие места учения Ньютона принимались и перешли в науку не так, как понимал и учил сам Ньютон. Материалисты, например, говорят: «Ньютон открыл гармонию мирового целого», – это совершенно правда, но понимать это целое надо совершенно не так, как понимают они. Он говорил, что движение атомов производится через посредство всепроникаемой тончайшей материи по законам удара, причина которого скрыта от нас; принято же это учение было иначе, а именно: что частицы масс будто бы направляют своё движение, следуя математическому закону без всякого материального посредства. Это, конечно, почти всё равно для общего понимания мировой гармонии, и, может быть, усваивается гораздо легче и нагляднее, но, в сущности, второе объяснение заключает в себе громадную нелепость, утверждая, что сила или причина движения может действовать там, где её нет, т.е. всё понятие о «действии» атомов друг на друга рушится, и даже понятие о *причинности* должно принять другую, более абстрактную форму.

Почти то же случилось с трудами Фарадея, Пристлея и Давида Гэртли.

Давид Гэртли, с особой энергией боровшийся всегда против

материализма, в 1749 году издал довольно обширное теологическое сочинение, защищавшее чудеса и доказывающее всю необходимость библии; оно подробно трактует о загробной жизни, опровергая только положение Церкви о загробных мучениях. Небольшая часть этого сочинения была посвящена физиологии, или скорее психологии, в которой, Гэртли излагает учение своё об ассоциации идей, как основание внутренней духовной деятельности человеческого организма. Основание этой ассоциации Гэртли приписывал отправлениям головного мозга. Эта психологическая часть имела наибольший успех; она была переведена на все языки и дала богатую пищу атеизму, тогда как остальная, самая обширная и существенная, но теологическая часть его труда во многих странах осталась совершенно никому неизвестна и Давид Гэртли в общем атеистическом водовороте получил очень громкую известность, как философ-материалист, несмотря на то, что всю жизнь боролся против материализма.

В конце XVIII века и в начале XIX появилась идеалистическая философия Канта, не отвергающая ни Бога, ни отвлечённый в природе элемент, ни душу, ни свободную волю. Кант полагал только строгие границы между познаваемым и непознаваемым; он говорил, что правильно судить о вещах может человек только в известных границах, его неполнота чувств и разума человеческого кладёт пределы познания для неразвитых людей, дальше которых опасно идти при современных успехах наук; он находил более осторожным предоставить расширение пределов границы познания более отдалённому времени, сообразуясь в этом случае с развитием самих наук. Кант во всяком случае признавал, что в нас есть начало пространственного и временного созерцания *à priori*, он первый показал нам, что именно то, чем мы владеем *à priori*, не имеет вне нашего опыта никакого притязания на значение, потому что оно происходит из устройства нашего духа. (Подробно это его мнение мы дословно приводим ниже, говоря о позитивизме в науке и о его программе.)

Шлейден в своём прекрасном сочинении (*Ueber den Materialismus. Leipzig, 63 г.*) выразил свою полную уверенность, что философия Канта должна прочно установить идеи о Боге, сво-

бодной воле и бессмертии души и во всяком случае также неизменно, как установлены законы движения небесных тел, ибо для всякого, понявшего учение Канта в истинном его значении, т.е. в духе, как понимал его сам Кант, материализм должен был обратиться в абсурд и бессмыслицу.

Но в действительности вышло совершенно иначе: те места Кантовской философии, которые *прочно* устраняют материализм, не достигли общего признания, публика осталась ими недовольна и отвергла их, и даже то освобождающее от материализма действие, которое произвела философия Канта на более чутких к пониманию истины умах, длилось только одно мгновение, ибо было естественным путём заглушено всё усиливающимся потоком атеизма, более соответствующим духу времени. (Ланге, т. II, стр. 75).

О том, как большинство поняло учение Канта, можно сказать решительно то же самое, что сказал сам Кант о противниках Юма, что они «всегда принимали за допускаемое им то, в чём он именно сомневался и, напротив, всегда с жаром и часто даже с большей невежливостью доказывали то, сомневаться в чём самому Канту никогда не приходило на ум».

Кант остаётся постоянно недоволен своими рецензентами, он жалуется на то, что они не понимают его, недостаточно серьёзно изучают его, прежде чем судить о нём, а потому своими критиками только извращают смысл его систем: «Мой рецензент, – говорит он, – кажется вовсе не понимает, о чём, собственно, идёт дело в том исследовании, которым я удачно или неудачно занимался; виной ли тому недостаток терпения продумать обширное сочинение, или досада на угрожающую реформу в той науке, где он считает всё для себя выясненным, или, наконец, – что я неохотно предполагаю – действительная ограниченность понимания, не позволяющая ему никогда выйти мыслью за пределы своей школьной метафизики; коротко сказать, он порывисто пробегает длинный ряд положений, при которых, если не знать их предпосылок, нельзя совсем ничего мыслить, разбрасывать там и здесь своё порицание, коего основания так же мало понятны для читателя, как и те положения, против которых оно направлено, и таким образом он не может ни принести публике полезные сведения, ни повредить сколько-нибудь мне в суждении знатоков, поэтому я совсем бы

оставил без внимания этот отзыв, если бы он не давал мне повода к некоторым объяснениям, могущим в известных случаях предохранить читателя от недоразумения». (Эм. Кант, Прологомены, стр. 182, 183). И это вполне понятно, Кант относился к своему учению и к истине, как истый слуга науки, преданный ей всем своим существом; материалисты же в большинстве случаев люди, стоящие слишком близко к жизни со всеми её страстными проявлениями за существование. Они иногда дают направление научным истинам, сообразуясь с потребностями времени, преследуя какие-нибудь предвзятые мысли, тенденции, цели, совершенно не относящиеся к коренному смыслу их науки, иногда же подобные отступления допускаются ими в виду личных выгод или тщеславных стремлений. Такое двойственное отношение внушал сам родоначальник материализма Гессенди. Интереснее всего, что, хотя он по воспитанию был иезуит, но эту двойственность он основывает, руководствуясь примером Эпикура. В его произведении «Жизнь Эпикура» находится пространное рассуждение, суть которого заключается в положении, что внутренне Эпикур мог думать то, что он хотел, но в своих внешних отношениях он подчинялся законам и целям своего государства. Ещё резче развил это учение Гоббс: «Государство имеет безусловную власть над культом, – говорит он, – всякий частный человек должен подчинять свои суждения, но не внутренне, потому что наши мысли не зависят от произвола, и потому никого нельзя принудить верить». (Ланге; т. I, стр. 200).

Не дают ли эти три учёных – Эпикур, Гассенди и Гоббс – права заключить, что многие извращения научных трудов сделаны преднамеренно, не из одного непонимания учения или по неразвитости, но преследуя какие-нибудь посторонние принципы, может быть социальные, может быть полицейские или экономические, или личные, но во всяком случае не научные?

Вспомним ещё два факта из современной жизни:

1) Аббат Секки в заключении своего превосходного труда «Единство физических сил» посвящает тринадцать страниц одной общей силе, в которой находит начало всех существующих в природе сил. Эту всеобъемлющую силу называет он Всевышним Зодчим и находит в ней разумность. Во многих переводах эти 13 страниц прямо пропущены, что окончательно меняет весь смысл книги

и из глубокого Божественного смысла, который придавало чудеснейшее заключение автора, весь труд обращается в простую атеистическую физику без всякого конца и заключения.

2) Дарвин издал известный свой труд «Происхождение видов». Всю книгу редактировал англиканский пастор. Она всем обществом была принята и до сих пор ещё считается как безусловно подтверждающая материализм, а между прочим сам автор в заключительной главе той же книги говорит: «Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные в этой книге, могли бы быть оскорбительными для чьих бы то ни было религиозных чувств. Весьма утешительно вспомнить, как доказательство того, насколько преходящи подобные впечатления, что на величайшее из открытий, когда-либо сделанных человеком, – на закон тяготения, Лейбниц нападал, как на подрывающее естественную религию и непочтительное по отношению к религии откровенной. Знаменитый писатель и вместе духовное лицо писал мне, что он постепенно научился видеть, что верование в то, что Бог создал небольшое число первобытных форм, способных к саморазвитию в другие необходимые формы, составляет столь же верное и столь же возвышенное понятие о Божестве, как и то, по которому Ему понадобились бы новые акты творчества, для возмещения пустот, причинённых действием Его же законов» (Darv. Orig. of spec. VI edit., p. 421 – 422), – из чего мы видим, что сам автор никак и не думал, что его книга могла бы быть одной из причин утверждения в публике атеизма.

Пятый период. Наш XIX век есть век позитивизма. Ко всему сказанному выше о позитивизме мы добавим только, что позитивизм, собственно говоря, не есть творение Огюста Конта. Огюст Конт только привёл в систему, исправил и составил классификацию тому строю наук, который был до его времени. Он сам назвал этот строй совсем не позитивным и не рационализмом, но экспериментальным способом изучения природы. Это большая разница в понятиях. Позитивным назван этот строй наук уже последователями Огюста Конта.

Этот строй наук создавался мало-помалу, начиная с середины

XVIII века, как временная мера, вызванная необходимостью привести целые горы накопившихся в то время знаний в одну правильную систему. Разница лишь в том, что в XVIII веке позитивизм был сознательный, вызванный временными обстоятельствами и не приносил никому вреда; в XIX же столетии он стал принципиальным без всякой надобности и приносит огромный вред.

Постараемся это выяснить. В XVIII веке общество было несравненно менее развито, чем в настоящее время. Оно ещё не было в состоянии предъявлять какие-нибудь требования к науке, так как оно не поспевало даже и следить за слишком быстрым ходом развития наук. Одни открытия сменялись другими и всё более и более увлекали общество; оно положительно захлёбывалось в массе тех новых сведений, которыми изобиловал четвёртый период. В то время общество благоговело перед учёными и смотрело на них, как на нечто высшее, как на полубогов и, конечно, ни в каком случае не могло относиться к ним критически или просить их дополнять свои учения какими-нибудь новыми сведениями, ибо разница между средним уровнем развития учёных и средним уровнем развития общества была громадная и во всяком случае несравненно бóльшая, чем в наше время.

Трудно себе представить то обилие самых разнообразных знаний, сведений, теорий и научных систем разного рода, которые дали XVII и XVIII столетия. Наука была положительно запружена до такой степени, что разобраться во всём этом не было ни малейшей возможности. Дело это усложнялось ещё тем, что знания не были приведены ни к какой правильной системе и взгляды на них не были ещё установлены, что позволяло каждому относить их к разным научным рубрикам и преследовать свои самостоятельные цели, иметь свой особый образ мысли, и все стремились по-своему к увеличению количества познаний.

Великие умы создавали свои самостоятельные теории и системы, трудились над открытиями и изобретениями. Второстепенные и третьестепенные учёные заимствовали у первых великих мастеров науки некоторые части из их учений; дополняли, развивали их и строили на них дальнейшее здание науки. Эти системы выходили всегда в более лёгкой поверхностной форме и были всегда

доступнее и удобопонятнее для общества. Профессора университетов и учителя школ черпали и у великих мастеров науки, и у второстепенных учёных то, что они признавали самым полезным и существенным в педагогическом отношении; составляли свои лекции, курсы и просто руководства для всех возрастов. Наконец, пресса заимствовала у всех понемногу и уже в совершенно лёгкой и доступной форме помещала свои статьи в журналах и газетах.

Как различны были цели, для которых пользовались учёными трудами, так были разнообразны и взгляды каждого научного деятеля: одни признавали науку свободною в своих исследованиях и выводах, говорили, что её умозаключения могут быть распространяемы до неограниченных пределов и потому заходили слишком далеко в область гадательного и гипотетичного, другие вдавались в другую крайность: они преследовали чрезмерную доказательность в науке и, относясь ко всему в высшей мере скептически, признавали всё мало доказанным. Третьи уверяли, что наука ещё так молода и что все положения и теории так шатки, что следует пока ещё воздерживаться от всяких умозаключений и ограничиться одним собранием фактов. Четвёртых интересовали преимущественно вопросы сущностей и начал природы и основных принципов жизненных явлений. Пятые оспаривали совсем возможность науки затрагивать вопросы сущностей и жизненных принципов, они называли это научными утопиями; наконец, были и такие, которые, соглашаясь с Гоббсом и Эпикуром, признавали науку правительственным агентом и находили, что государство имеет безусловную власть над культом, а потому всякий слуга науки должен подчинять свои суждения видам правительства. Кроме того, наука стала слишком близка к жизни, вследствие чего в науку вносились атрибуты чисто житейские и личные.

В таком состоянии была наука к концу XVIII столетия, и понятно, что все стали тяготиться полнейшею путаницею, царившею в ней. Само благоразумие заставляло всякого серьёзно подумывать об ограничении компетенции науки и об установлении какого-либо общего взгляда на неё, чтобы иметь возможность сократить труд и облегчить непосильную работу разборки целых гор накопившихся разрозненных данных. Сначала и к этой задаче присту-

пил каждый по-своему, но это длилось недолго. В Англии и Франции, а в очень скором времени и во всей Европе, приняли один и тот же принцип, камертон для которого дал знаменитый физиолог и анатом доктор Бишá. Он признавал науку слишком молодой, чтобы позволять ей затрагивать вопросы основных сущностей и жизненных принципов, а потому советовал *изучать одни только явления природы* и оставить будущим поколениям заботу изучения причин, вызвавших их.

С самого начала XIX столетия стали все изучать одни явления и факты и оставили для будущего поколения всё остальное, всё трудно поддающееся доказательствам, всё гипотетичное, отвлечённое и всё умозрительное, все вопросы сущности и начала фактов и явлений природы.

Таким образом уже в начале XIX столетия был почти тот же позитивизм, который мы видим в настоящее время, но он был сознательный, ибо всякий знал и помнил, что вступил на подобную ограниченную почву своих исследований для того, чтобы быть последовательным и изучить раньше то, что более необходимо, но что за пределами его труда остаются заброшенными и покинутыми громаднейшие области знаний, изучение коих предстоит будущему поколению.

Выше мы сказали, что этот сознательный позитивизм не приносил никому вреда, и это понятно: общество было ещё так мало развито, что одни уже имеющиеся научные данные были сверх его сил и никаких лишних требований оно не могло предъявлять к науке. Одним словом, общество вполне удовлетворялось своей наукой.

С тех пор прошло почти 100 лет. Средний общий уровень образования и развития людей поднялся неимоверно. Наука же всё более и более стесняла рамки познаваемого до самых сороковых годов и постепенно забывало о всех тех задачах и обязанностях, которые возложены на неё предшественниками.

В сороковых годах стал устанавливаться в знаниях позитивный принцип, окруживший науку невозможно узкими рамками и поставивший окончательный крест на все те познания, которые не вошли в эти рамки. Позитивисты объявили торжественно, что наука дальше этих рамок идти не должна, что, выходя из них ей

случалось ошибаться, чего они впредь желают избежать; а потому, признавая человека психически несостоятельным, они могут дать веру только опыту, мере, весу и осязанию.

В настоящее время развитое общество само мыслит трезво и логично. Все меры, принимаемые к его образованию, делают то, что люди, окончившие высшее образование, знают столько же, как их профессора. Их занимают вопросы сущностей и происхождение явлений и фактов, они желали бы знать основные принципы жизненных начал, хотели бы отделить следствия от причин и вообще получить ответы на тысячи вопросов бытия, которые в настоящее время роятся в голове всякого любознательного и свободно мыслящего человека. Многие, может быть, и сами бы начали исследования природы в этом направлении, ума и познаний у них достаточно, но в наш меркантильный век не всякий имеет достаточно средств и времени.

Двести журналов и газет ежедневно возбуждают умы читающей публики тысячами сверхчувственных явлений и состояний, в которые впадает человек, постоянно возбуждается любознательность разными спиритическими фактами, явлениями призраков из загробного мира, медиумическими сеансами, гипнотическими и магнетическими исцелениями, фокусами факиров, силою воли индусов и теософов, всякий желает получить объяснение, составить себе правильное понятие об этих явлениях, требует строго мотивированных теорий, могущих удовлетворить его любознательность. Казалось бы весьма естественным обращаться за всяким научным разъяснением к науке; куда же больше? Но наука на все подобного рода вопросы отвечает, что у нас свои рамки; мы ведаем далеко не всеми познаниями, а только весьма ограниченной частью их и за пределами этих рамок мы ничего не отрицаем, ничего не отвергаем, но ничего и не утверждаем.

Получив такой определённый отпор со стороны науки, действительно приходится каждому действовать так, как каждый хочет или может, или как позволяют ему средства и обстоятельства, — одним словом обходиться без науки.

Как существенно необходимо было бы иметь в настоящее время не столь сухую, ограниченную и мертвящую науку, но жи-

вую, практическую, которая могла бы отвечать на вопросы, возрождающиеся в умах людей, которая на сколько-нибудь опережала бы своими познаниями общество и не тормозила бы его дальнейшего развития. Всё равно, истины высокой божественной и абсолютной человек никогда не узнает на земле, это, вероятно, станет его уделом за гробом; но у каждого человека есть врождённое чувство искать и доискиваться истинного во всех степенях его развития. Готтентоты, бушмены, самоеды – все решительно составляют себе какое-нибудь объяснение фактов и рисуют себе свой идеал по-своему и на этом успокаиваются; мы, люди более развитые, видим их заблуждения, но это им всё равно, они удовлетворены и потому довольны.

Мы совершенно так же, как бушмены, самоеды, как люди всех развитий, живущие на земле, желаем иметь тоже объяснение вопросов, нас интересующих, не превышающих силы наших способностей и ищем их, но мы лишены возможности получить их. Над нашим обществом нет инстанции интеллигентно более его развитой на одну или на две ступени, которая вела бы его по пути прогресса и развития и успокаивала бы его внутреннее стремление или жажду к распознаванию истины; однако без неё человек не может чувствовать внутреннего удовлетворения.

Конечно, через какие-нибудь сто лет род людской, усовершенствовавшись, нашёл бы, может быть, старое мировоззрение диким, уничтожил бы его и на развалинах поставил бы своё, более правильное и более близкое к Божественному идеалу истины. Но ведь и оно со временем претерпело бы ту же участь, чтобы уступить своё место ещё более возвышенному и более истинному. Это понятно, в этом состоит мировой прогресс, а потому люди понимающие, что истина получается единственно из непосредственного ряда заблуждений, не должны бы были бояться заблуждений до такой степени, чтобы лишать многие поколения отрады хотя приблизительно знать, что такое человек и что его окружает.

ГЛАВА IX.

Исходные точки мышления материалистов.

Проанализируем материалистическую мысль, постараемся указать на её особенности, так резко отличающие её от других образов мысли, и нам ясно обрисовывается неосновательность принимаемых материалистами исходных точек их мышления, от которых они начинают свои выводы и до которых они доводят свои окончательные заключения.

Как ни многочисленны и ни разнообразны материалистические учения, однако во всех есть много общих приёмов и совершенно тождественных допущений.

Для большей наглядности возьмём любую из их систем, например, их космогонию.

Все материалистические космогонии утверждают, что материя существует от вечности, что она от вечности обладает известными качествами и свойствами, которых в ней так много и во всяком случае совершенно достаточно, чтобы быть в состоянии самостоятельно и без посторонней внешней помощи или вмешательства совершать акты творчества и поддерживать во всём сотворённом полный порядок, гармонию и благоустройство. Вся вселенная, все миры, все явления природы, все существа, живущие на земле и всё, что мы видим, есть не более как следствие проявления свойств и качеств материи. «В природе нет ничего, – восклицает Бюхнер, – кроме атомов и пустого пространства». И это составляет девиз материалистов. По их мнению, все силы химические, физические и механические, всё живущее, сама жизнь со всеми её проявлениями органическими и разумными, сила воли, мысль, логика, ум, сила речи ничем, в сущности, не отличается от простой хими-

ческой реакции, ибо всё это составляет продукт проявлений качеств и свойств материи.

Материалисты полагают возможным себе представить:

1) Что материя, не обладая сама разумностью, способна производить самостоятельно все самые разумнейшие, мудрейшие и сложнейшие творчества без всякого участия, или руководства, или помощи какого-либо Разума, как находящегося внутри материи, так и вне её. Их учение в этом именно и заключается: что неразумные, бессмысленные и неодушевлённые атомы, бесцельно бродя в пространстве, творят разумнейшие акты. Если бы материалисты допустили разум в каком бы то ни было виде, или где-нибудь, то их учение уже не было бы материализмом. Если бы они допустили разум внутри атомов или где-нибудь, но внутри самой материи, то всё их учение превратится в пантеизм; если бы они допустили разум, находящийся в природе, но вне атомов и вообще вне материи и что разум этот имеет возможность влиять на материю или руководить ею, то всё их учение превратилось бы в дуализм.

2) Материалисты полагают возможность допустить, что материя, без всякой посторонней помощи, без какой бы то ни было посторонней, но вне её лежащей силы, или энергии, или воли, или какого-либо внешнего импульса, или силы возбудителя, или первоначального толчка, способна сама породить достаточно силы, чтобы управлять всеми явлениями природы и даже движениями миллиардов планет, летящих с незапамятных времён с неизмеримыми скоростями, и пополнять весь расходуемый при сём запас энергии единственно только качествами и свойствами, заключающимися в материи.

3) Материалисты полагают возможным допустить, что безжизненная, бессмысленная, инертная материя способна была породить жизнь на земле, как одно из свойств и качеств своих и что она по тем же причинам и до сего времени проявляет жизнь и разум, как продукт свои на земле.

Вообще, материалисты отвергают всякую предварительную цель в природе или какой-нибудь заранее обдуманый план или предназначения в последовательности действий явлений и фактов, сменяющихся в природе; по их учению те или другие качества и

свойства материи, чтобы произвести одно или другое явление природы, вызываются каждый раз роковыми и неизменными законами случайности, законами причинности или вообще законами природы.

В общих чертах все материалистические космогонии учат одинаково и этот их взгляд с разными детальными отступлениями применяется ко всем явлениям природы во всей вселенной, от самых обширных и грандиозных движений планет, образования новых созвездий и планетных систем и до прозябания малейшей инфузории. Всюду и везде фигурирует материя и вещество, всюду и везде одни качества и свойства, которые творят чудовищные дела в силу законов природы.

Деистические системы принимают, что вечен один Бог – Дух, Всемогущий, Премудрый, что всё, что есть в природе видимое и невидимое, – всё сотворено Его Всесильною и Разумною волею, всё, что сотворено, должно было иметь начало, а, следовательно, от вечности ничего существовать не могло, вечен один Бог.

Всё сотворённое Богом охраняется, управляется и руководится Им. Нет конца попечению Божию о мире; Бог бесконечен в своих предначертаниях и Своём предвидении и ведёт всё во вселенной к благому концу. Для Бога нет ничего ни большого, ни малого, ни великого, ни ничтожного, каждая инфузория охраняется Им и вызывает Его святое попечение в одинаковой степени, как и мир, как и вся вселенная, ибо для Существа бесконечного нет предела Вездесущию, Он всюду и везде одновременно.

Вся система деистов необыкновенно полна, логична, ясна и последовательна. Нет ничего непонятного и недоговорённого, всё вытекает одно из другого так просто, естественно и наглядно; всякий вывод основан на предыдущем выводе, одинаково неоспоримом для наших чувств; и таким последовательным образом строится вся система мироздания, и самым простым и естественным путём она совершенно незаметно доходит до самых премудрых и великих истин, которые при всяком другом способе мышления остаются вполне непонятны и не выяснены.

Этого не отвергают даже и материалисты. Но они всегда встают против Главного Элемента, на котором построены все деистические космогонии и которого материалисты никак признать

не могут, ибо они Его не видят, не чувствуют и не находят в своей науке, а потому требуют, чтобы им доказали Его существование на основании их же науки – этот Главный Элемент есть Бог.

То, что легко доказать одному, то очень трудно доказать другому. Спросите, есть ли Бог у необразованной части народонаселения, которая составляет $99/100$ всего числа, развитие которой не затемнялось научными предвзятыми мыслями; вся их жизнь шла естественно, а потому незначительное умственное развитие этих людей не преобладает над нравственным, – они ответят вам: «Какое же может быть сомнение, если я вижу Его всюду кругом себя и в себе самом, как могу я на минуту усомниться в Его существовании и попечении обо мне?» Задайте тот же вопрос всем столпам науки, великим учёным всех времён и народов, вы также получите утвердительный ответ; они скажут вам: «В существовании Бога сомневаться нельзя; без Бога ничего ни на один миг быть не может, и если бы Бог отступился от мира, то всё моментально рассыпалось бы в прах, и не было бы ничего, ибо всё в Нём, и Он во всём и без Него никакое существование немыслимо».

Только одни материалисты ответят вам: «Ничего не знаем, докажите. И им доказать существование Бога положительно невозможно. Как докажу я слепорождённому, что я вижу перед собою облако? Он сам не видит, никаким уверениям в ясности моего зрения не верит и требует, чтобы я дал ему ощупать облако? Как докажу я человеку, у которого паралич нравственного органа и полная неспособность чувствовать и понимать что-либо отвлечённое и духовное, что я ясно чувствую в себе некий духовный элемент, сливающий меня с природою видимой и невидимой? Мои чувства и все мои внутренние понимания себя и окружающей меня жизни положительно устраняет всякое сомнение в необходимости признать существование Единого Всеобъемлющего и Всесозидающего Начала?»

Положение это ещё более усложняется тем обстоятельством, что требуется представить доказательства, пользуясь одною лишь материалистическою или положительною наукою. Ибо никакой другой материалисты не признают, и как только умозрения станут удаляться от законов материи и вещества, они объявляют, что, как

ни убедительны доказательства, но человек психически несостоятелен, и остаются при своей материалистической космогонии.

Обратимся к ней и разберём, насколько она полна и доказательна. Материалисты чрезвычайно строги ко всем трудам, вышедшим не из их лагеря, и всегда отвергают их, говоря, что: «положение, не доказанное научно, должно быть отвергнуто». На этом основании следует ожидать, что все материалистические положения педантически точны, ясны и доказаны без малейшей гипотетичности. Посмотрим, так это на самом деле?

Главные основания, на которых материалисты строят свою космогонию и которые в настоящее время желательно проверить, следующие:

- 1) Вечность материи.
- 2) Свойства и качества материи.
- 3) Законы случайностей и законы причинностей.
- 4) Законы природы.

Приступим к их разбору.

I. «Материя вечна», говорят материалисты. Первое, что должно нас удивить, это то, что материалисты позволяют себе говорить о вечности. Разве вечность поддается опыту и наблюдению? Они ведь сами отняли у себя право выражать свои убеждения о всех подобного рода вещах, и о вечности их наука имеет менее права выражать свои суждения, чем о многом другом отвлечённом.

Но, кроме того, можем ли мы себе представить вечную материю? Вечность не измеряется цифрами. Какое бы мы большое число ни написали и сколько бы этих цифр себе ни представили, мы никогда до вечности не дойдём. Говоря о материи что-нибудь вещественное, мы должны положить материю одного вида, т.е. тоже вещественную, реальную, или цифровой, но ни в каком случае не отвлечённую и не вечную. Допустим вместе с материалистами, что материя существует очень давно, что она претерпевала миллионы раз различные преобразования из одного вида в другой, что нельзя выяснить, сколько лет она существует, — мы всё-таки можем допустить, что она существует вечно.

Но обратимся к материалистической науке и спросим: что доказывает, что материя вечна? К нашему изумлению окажется, что это ровно ничем не доказано. Это гипотеза ненаучного характера; это простое допущение или представление. Материалисты, видя, что при химических реакциях, преобразовываясь из одного рода в другой количество материи не изменяется, заключили, что материя не пропадает и не приобретает. В этом же факте они увидели новое доказательство древнейшей теории о вечности материи. Тут нет ни логики, ни последовательности. Весь вывод, который можно сделать из этого факта, состоит в том, что при известных нам химических реакциях количество материала остаётся одно и то же; но можем ли поручиться что мы знаем все химические реакции? Может быть, большинства их мы совсем не знаем. Наконец, материя претерпевает множество других преобразований, физических, механических, которые одинаково могут менять количество материи.

Наш мир, уносясь в пространство с невероятной быстротой, не теряет ли части своего воздуха на своём пути; мы этого не знаем, но есть большая вероятность что это так, а может быть, он при этом полёте приобретает ещё что-нибудь из окружающей среды, – опять ничего не известно. Наконец, прочтя, кинетическую гипотезу Ярковского, надо очень сильно задуматься и спросить себя; не растёт ли, в самом деле, наша земля, и тогда вопрос о постоянном количестве материи на нашей земле будет вопросом совершенно праздным.

Но главное заблуждение состоит совсем не в том, вопрос постоянства количества материи в химических реакциях не имеет ничего общего с вопросом о происхождении самой материи. Материя могла быть сотворена вчера, а сегодня она может доказывать нам постоянство своего количества при химических реакциях; для этого нет ещё основания предполагать материю не только вечной, но и древней.

Но как бы мы в самом деле мысленно ни отдалили срок появления материи, вопрос о том, откуда взялась материя, остаётся, тем не менее, крайне интересен. На это, конечно, в учении материалистов ответа нет. Они нашли возможным остановиться на совершенно бездоказательном представлении, что материя вечна, и это

ошибочное представление принимают за исходную точку своего дальнейшего мышления, на которой опять строят свои теории.

Более пытливые умы, даже из признающих вечность материи, конечно, спросили бы себя, а откуда же могла взятая материя? Сотворена ли она или появилась сама? Как и откуда она появилась? Какой первоначальный вид её? Что заставило её принять этот вид? И т.д.

Учёные, которые продолжали свои умозаключения и касались причин и начал, приходили всё к одному и тому же заключению, что первоначально существовала первичная материя, чрезвычайно тонкая; учёные её называли по-разному. Но всегда сходились на том, что она должна была существовать и что она есть результат акта творчества Разумной и Бесконечной Силы, которая есть Бог.

В заключение мы спросим: какое же из двух учений более правильно, материалистическое, или деистическое? Существование Бога, Творца вселенной, вне всякого сомнения; это подтверждает наука в лице своих лучших представителей, это подтверждают нам наши чувства, подтверждает премудрый и разумный порядок и гармония, царствующие в мире, и, наконец, полная невозможность представить себе всё существующее и живущее без Всесильного и Всеобъемлющего Промысла, руководящего всем. Положение материалистов о вечности материи, с этой точки зрения, должно показаться чистейшим заблуждением.

Но откинем всё это, примем временно материалистическое мировоззрение и вообразим себе, что мы тоже нравственно слепы и не в состоянии охватить всё величие деистического учения. Согласившись с материалистами, что материя вечна, спросим себя, что логичнее допустить: что некоторое Разумное Существо сотворило мир из этой имевшейся, будто бы, налицо вечной материи, или что бессмысленная, бездушная, инертная материя, совершенно случайно носящаяся в пустом пространстве, совершает премудрейшие акты творчества? Где в природе видели мы, чтобы нечто бессмысленное творило разумное, чтобы материя творила жизнь?

В природе мы никогда не видали никакого аналогичного факта, откуда могла явиться подобная мысль. Но, во всяком слу-

чае, где же доказательства? Всё это голословно, невероятно и нелогично.

II. *Свойства и качества материи.* Ещё до Эпикура материалисты-философы учили, что материя обладает разными свойствами и качествами, вследствие которых она производит все явления в природе, иногда даже самые сложные и чудесные, напоминающие акты творчества. Эпикур заимствовал это учение у своих предшественников и сам развивал его и дополнил.

Научных доказательств учение это совсем не имеет; учение о материи не только во времена Эпикура, но и в настоящее время не стоит на такой высоте, чтобы быть в состоянии точно доказать, составляют ли силы следствия свойств материи, или наоборот. Таким образом, и это положение материалистов не может быть даже причислено к числу научных гипотез, ибо научная гипотеза должна иметь верные и бесспорные умозрительные доказательства, построенные на опытных данных, здесь же ничего подобного мы не видим.

Это должно быть названо просто допущением или голословным представлением. Древние материалисты считали это положение настолько очевидным при своих малых познаниях сущности материи, что не трудились даже доказывать его.

Кроме того, что оно легко понимается, оно чрезвычайно удобно и прекрасно маскирует незнание учёными вопросов сущностей и начал. Что может быть более удобно, как объяснение всех явлений природы проявлением качеств и свойств материи, в особенности когда нет необходимости указывать, какое именно качество проявляется, каким образом и вследствие каких причин. Ведь это позволяет каждому незнающему человеку скрывать своё незнание за этими голословными заявлениями о качествах и свойствах, как за каменной стеной. Какое бы непонятное явление ни случилось в природе, всё объяснялось чудесными свойствами материи, и это представление, в сущности совершенно ненаучное, маскировало всё научное незнание людей и выставляло их знающими.

Опровержений этому положению появлялось слишком много, чтобы можно было упомянуть хотя о сотой части их; скажем

только, что против него писали: Ньютон, Декарт, Гюйгенс, Бернулли, и, наконец, Вольтер направлял свои злые сатиры на науку, допускающую такие несообразности. В опровержение этих пресловутых и никому не понятных качеств материи, никем не выясненных и ничем не подтверждающихся, больше всех писал Лейбниц и называл их *qualitas occulta*. В то время как столь великие умы протестовали против этого положения, оно от древних материалистов, в полном своём объёме и без малейших изменений, переходило к материалистам средних веков, а от них со временем перешло и к современным. Ничто не было в состоянии уничтожить или пошатнуть представление невежественное, но соответствующее низкому уровню нравственного развития общества.

Современные материалисты убеждены, что это положение в последнее время доказано Молешоттом и Бюхнером, которые находили также возможным признавать, что силы составляют свойства материи, но подобных доказательств и следа в науке нет. Молешотт и Бюхнер совсем и не думали доказывать этого, а те места, в которых они упоминали о свойствах материи, должны быть признаны лишь одобрениями давно, будто бы, известных и доказанных систем, но никак не доказательствами новой теории.

Вот что говорит Ланге (История материал., т. II, стр. 184, 185); «В молешоттовском „Круговороте жизни“ очень длинная глава, озаглавленная „Сила и вещество“, содержит главным образом полемику против аристотелевского понятия о силе, против теологии, против принятия сверхчувственной силы и т.п., но в ней слишком мало указаний и полное отсутствие доказательств об отношении простой силы притяжения или отталкивания между двумя атомами к самим атомам, которые предполагаются носителями этой силы. Мы слышим, что сила не есть толкающий Бог, но мы не слышим, как же собственно она это делает, чтобы, начиная от частички вещества через пустое пространство вызвать движение к другой частичке. В сущности, мы получаем только один миф вместо другого мифа».

«Именно то свойство вещества, – говорит он, – которое делает возможным его движение, мы называем силой. Основные вещества обнаруживают свои свойства только по отношению к другим.

Но если они недостаточно близки, при надлежащих обстоятельствах, то они не обнаруживают ни сталкивания, ни притяжения. Ясно – здесь недостаёт силы, но она незаметна нашим чувствам, потому что нет случая к достижению. „Где бы ни находился кислород, он обладает сходством с кали“ ...

В этом месте сочинений мы застаём Молешотта в полном разгуле самой бездоказательной схоластики с таким авторитетом, что можно подумать, что он сам творил мир; его „сродство“ есть превосходнейшее качество, как того только возможно требовать. Оно сидит в кислороде, как бы с человеческими руками. Если приблизить кали, то руки сейчас же его хватают; если нет, то всё же существуют руки и желание хватать кали.

Бюхнер ещё менее Молешотта вникает в отношение силы и вещества, хотя самое известное своё сочинение озаглавил этими понятиями. Только мимоходом выставлено его положение: „Сила, которая не обнаруживается, не может существовать“. Это, по крайней мере, здравое воззрение в противоположность указанному олицетворению человеческого отвлечения у Молешотта. Самое лучшее, что Молешотт говорит о силе и веществе, есть длинное место из предисловия Дю Буа Реймона к его исследованиям животного электричества, но именно самый ясный и самый важный отдел этого предисловия пропущен у Молешотта».

Призвать эти мимоходные соображения за доказательства столь важных и сложных научных положений нет никакой возможности. Доказать, что материя обладает такими неограниченными качествами и свойствами, очень трудно. Если бы даже материалистам и удалось доказать, что некоторые силы действительно составляют свойства материи, то ведь этим бы ещё дело не ограничилось; этого было бы слишком недостаточно. Чтобы сделать свою теорию доказанной, им следует доказать, что все силы, решительно все, которые существуют в природе, составляют свойства материи, а этого доказать нельзя: во-первых, потому что в природе есть множество сил, которые нам положительно неизвестны. Разве может человек, слабое и ничтожное создание, думать, что он когда-нибудь познает все силы в природе, всю её энергию, все причины, вызывающие движение и преобразование в мире, одним словом всю Премудрость Создателя и весь строй Его

святого попечения о вселенной? Во-вторых, из известных нам сил, конечно, найдутся такие, которые могут казаться свойствами материй, но эти силы всегда возбудят научные несогласия между учёными; одни будут думать так, а другие иначе; но никто пока ещё не решится утверждать это, ибо наши знания законов материи ещё слишком малы. Ибо из известных нам сил найдётся ещё большее число таких, которые ни в каком случае не могут быть названы свойствами материи; и ни один учёный никогда не мог бы быть противоречащего о сём предмете мнения.

При современном состоянии наук большинство физиков несомненно выразится, что они более склонны признать материю пассивной, а силы активными во всех явлениях. Разбирая ли материю, двигающуюся в бесконечном пространстве межпланетного эфира в виде солнц, планет, комет и тел всякого рода, или перейдя затем в область более ограниченную, в ту среду в которой мы её видим. Сила оказывается в большинстве случаев самостоятельной как по силе своей, по форме, так и по своим проявлениям. Разве звук, свет, магнетизм и электричество принадлежат материи? Разве они составляют нераздельное качество или свойство материи? Можно ли хоть на минуту усомниться, что силы, развивающиеся в динамомашинах, составляют свойство материи? Солнечная теплота произвела растения, которые превратились в каменный уголь и возвращают сложенную в них силу непосредственно электрической энергией. Силы могут развиваться очень большие, но ни один человек не признает (если не замешаются предвзятые идеи), что во всём этом акте материя играет даже не пассивную, но одну лишь передаточную роль, а всю активную роль играют силы. И таких примеров можно привести множество.

Нет, опыты показывают совершенно противное: это только различные виды движения частиц. Причина движения должна лежать вне частиц, что правильнее, понятнее и логичнее; единственное затруднение – при сём объявляются следствия, а не причины, ибо при сём надо допустить, (чего материалисты никак допустить не хотят), что кто-нибудь или что-нибудь даёт форму этому движению и управляет этими силами. Сами ли силы управляются, одна ли Верховная Сила обнимает их всех, – это уже вопрос вто-

ростепенный; во всяком случае, не материя и не частицы управляют силой, иначе самой материи надо приписать, если не разум, то нечто вроде разума, какие-нибудь отправления свободной воли, что также не может быть допущено материалистами. Материя всегда и во всех случаях своего движения есть предмет пассивный и страдательный.

О жизненных явлениях, как результате свойств и качеств материи, мы позволим себе совсем умолчать. Давно доказано, что жизнь порождается только жизнью, и никакие опыты о произвольном зарождении никогда не приводили к благоприятным результатам. Конечно, Эпикуру это могло быть неизвестно, но современные материалисты должны же это знать и постараться ответить на вопрос, кто или что вдохнул первый задаток жизни на земле, чтобы она имела возможность разрастись и размножиться.

Материалисты очень часто, вместо того, чтобы постараться разъяснить самое понимание какого-нибудь явления, ограничиваются тем, что делают себе о нём представление или заменяют понятие словом – и считают всё выясненным, в то время как даже и к изучению данного представления ещё не приступали. К этим словам или к представлениям так привыкаете все, что их не замечаете. Например: «жизненные свойства материи», «галлюцинация», «воображение», «экстаз», «сомнамбулизм», «атом», «анестезия», «аффект», «каталепсия», «химическое сродство», «сила», «ежедневный сон человека» и т.д., и т.п., – и таких слов употребляются тысячи, которые, будучи совершенно не поняты и неразъяснены положительными науками, принимаются за понятия и даже за исходную точку логического, будто бы, хода мышления. От них начинают свои доказательства и к ним приводят свои выводы, решительно не понимая самой сути явлений, которые обозначены этими словами.

«Мы верим во что-либо не потому, что оно действительно истинно, – сказал Паскаль, – но мы считаем истинным то, что мы любим, к чему мы привыкли. Привычка есть вечное препятствие человеческого прогресса. Мы любим истину не потому, что она истина, но потому, что нам кажется, что она согласуется с теми воззрениями, которые мы привыкли считать правильными». Очень

немногие, и только люди с действительно развитой душой, преданные своему делу беспредельно и безусловно, поставившие себя независимо от предрассудков и предвзятых идей, оказываются достаточно сильными, чтобы отрешиться от рутины СВОИХ научных привычек и принципов. Это труднее, чем можно себе вообразить; для этого надо иметь правильное понятие о действительном значении своей науки и о значении и смысле жизни на земле, не умаляя, но и не превознося ни одного из них. Надо уметь правильно сопоставить одно с другим и определить каждому своё место; тогда только человек будет в состоянии сосредоточить всё своё внимание на одной высшей истине в силу твёрдого убеждения, что никакое знание никогда не может быть вредно, какими бы признаками ни было бы оно окружено.

Попробуем попросить объяснения по существу у позитивиста, что такое, например, «жизненные свойства материи», или что такое «галлюцинация», «экстаз», «атом» – он удивится, как можно задавать подобные вопросы, или вообще затрагивать эти запрещённые научными вековыми обычаями темы; он почтёт вас еретиком науки и ответит вам с тщеславным достоинством, что слова эти достаточно сами себя обрисовывают и не требуют других пояснений.

Но как же это?!.. Если какая-нибудь подмётка на сапоги вызывает для поставки своей в армию тысячи разных условий, которым она должна удовлетворять, если о простом порезе на пальце или подседе на лошадиной ноге пишут многотомные сочинения и получают такие же опровержения, то последовательно ли, говоря о нашей душе, о всей сути жизни нашей, которая в сущности и подразумевается под словом «жизненные свойства материи», отделяться одним названием, не давая ровно никаких объяснений; или, говоря об атоме, из которого, по мнению позитивистов, состоит весь мир и которым он управляется, – ничего не сказать об его сущности и природе?!

Этот приём науки маскировать в себе всё непонятное, чтобы придать себе большее значение и большую цельность и законченность; чего в сущности в известных случаях и не бывает, – составляет чрезвычайно важную ошибку, не только допускаемую по

необходимости, но иногда практикуемую в самых обширных размерах; он очень много содействует узкому и поверхностному мирозерцанию и придаёт всей науке тщеславный и деспотический вид, а в некоторых случаях прямо лживый смысл, позволяющий злоупотреблять научными выводами. Для примера возьмём вето «Философию Бессознательного» Эдуарда фон-Гартмана; это громадный труд, находящий себе миллионы поклонников во всех странах света; он многими выставлялся на такую высокую степень гениальности, что может будто бы оспаривать пальму первенства у лучших философских систем, – и что же мы находим в нём? Как только дело дойдёт до чего-нибудь непонятного, превышающего программу позитивизма, чего-нибудь долженствующего служить началам выяснения сущности или начала явлений или фактов из философии, обрывается всегда на одном и том же: это всё, говорит Гартман, действия «Бессознательного» и как только встречается какой-нибудь ещё неразъяснённый опытной наукой вопрос, – это просто действие «Бессознательного», – повторяет он, в полной уверенности, что это ничего, в сущности, не выражающее слово, при том значении, которое ему угодно дать, приобретает особую силу, способную разъяснить всё, устранить все трудности понимания; вследствие чего разбираемое явление или факт становятся будто бы выясненным. Это слово «бессознательное» служит ему каменной стеной или непроницаемой бронёй, за которую он очень удачно прячется каждый раз, когда является необходимость отвечать на те недостижимые для науки вопросы, которые сами напрашиваются, вследствие затронутых его философией тем.

Ф.А. Ланге даёт весьма меткое сравнение этой системы, принятой Гартманом; он находит, что американские индейцы делают постоянно совершенно то же самое. Когда они видят что-нибудь для себя непонятное или неразъяснимое – они говорят “devil devil” (чёрт, чёрт) и думают, что этим они решительно всё себе разъяснили (Истор: матер. т. II; стр. 267).

III. *Закат случайностей и причинностей.* Ньютон сказал: «Чем дальше человек проникает в тайны природы, тем яснее перед ним открывается Единство Предвечного Плана». Но материалисты не разделяют с ним этого мнения. Они находят, что Предвечный План не может быть доказан наукою, и потому им кажется, что

несравненно научнее предположить, что миром управляют законы, из которых мы теперь разберём – закон причинностей и закон случайностей.

Вся атомистика материалистов была бы мифом, но им самим не понята и не наглядна, если бы для придания ей законченности материалисты не ссылались во всех непонятных местах своего учения на существующую будто бы в природе безусловную и неограниченную силу закона случайности или закона причинности, управляющих будто бы вселенной, вызывающих будто бы сами собой, без всякой разумной причины, все явления природы и даже формы существа. Эти законы составляют постоянную исходную точку всех материалистических систем, от которых они начинают свои выводы и до которых не доводят их, как только что-нибудь помешает им вести свою теорию дальше.

Например, Джон Ст. Милль; в своей «Системе логики» стр. 106, говорит: «Я убеждён, что каждый, кто привык к абстракции и анализу и правильно употребляет свои способности, как скоро его воображение приучилось питать это понятие, нимало не затруднится представить себе что, например, в одной из твердей, на которые теперь астрономия разделяет вселенную, могут следовать друг за другом события произвольно и без определённого закона; и в нашем опыте или в нашем уме нет ничего; что могло бы составить достаточное или в действительности лишь какое-нибудь основание для того, чтобы думать, что это нигде не бывает».

Отсюда можно ясно заключить, что Милль, становясь на сторону материалистов, считает вместе с ними, что вера в закон причинности есть прямой результат произвольной для самого человека индукции, которая может допустить, что на нашей земле, точно так же, как в самых отдалённых твердях могли бы возникать и образоваться не только целесообразные явления, не только отдельные, но и целые миры без всякой разумной причины, без всякой цели, совершенно случайно и произвольно.

Это что-то очень трудно понимается, однако, признаётся всеми материалистами. Атомы, бродя в пространстве, произвольно, через свои столкновения и удары с соседними, также безличными и неразумными атомами, без всякой причины, а часто случайно, могут составлять тела, целые миры разумных существ,

образовывать в них мысль, сознание, разум, нравственность, совесть и т.д. – и всё это совершенно случайно...

Простая логика должна опровергать подобную силу случайности.

Руссо в одном своём сочинении говорит: «Если бы мне сказали, что в соседней комнате рассыпался типографский шрифт и что случайно при падении шрифта на пол из букв сложился первый стих Энеиды, то я даже не поднялся бы с места, чтобы посмотреть, правду ли мне говорят».

Он вполне прав. В общежитии всякий назвал бы подобного рода допущения чистейшим абсурдом, недостойным никаких опровержений. Какой бы охотник согласился, выйдя в поле, стрелять вправо и влево без разбора куда и зачем, думая, что этим способом он убьёт больше дичи, чем если бы он её отыскивал и стрелял с прицелом только после того, как отыщет дичь? Кто согласится, иметь вид написать какую-нибудь философию, взять в руки перо, писать всю свою жизнь, писать, не размышляя разный набор фраз, надеясь на то, что случайно из этого бессмысленного набора глупостей выйдет когда-нибудь философия? Ведь подобных людей никто не задумался бы посадить прямо в сумасшедший дом, а совершенно такие же мысли и допущения, родившиеся в голове авторитетных, патентованных наукой лиц, принимаются за великие идеи, находящие себе миллионы последователей, несмотря на всю бездоказательность этих идей, на полный разгул несдержанной фантазии, в защиту которой не говорит ни один факт. Простой здравый ум должен отвергнуть всё это, ибо обыкновенная логика до этого дойти не может.

Это ошибочное понимание законов причинности так же старо, как и сам материализм, и внушалось ещё Эпикуром, хотя во все времена человечества вызывало удивление своею нелогичностью. Это воззрение очень редко оспаривалось, ибо заключает в себе настолько наглядную и произвольную погрешность, понятную каждому, что всякому более или менее научному человеку оспаривать её делалось смешно и совестно. Ещё Эпикур принимал возможным для атомов уклонения их от прямой линии без всякой причины; Кант, всегда более чем деликатный по отношению к чу-

жим мнениям и всегда умеренный в своих выражениях, не мог, однако, воздержаться, чтобы не назвать прямо это воззрение бесстыдным (Allg. Naturgesch. Hartenst. I, S. 217).

Как можем мы причину явления искать в самом явлении? Это совершенно ненаучно. Как можем мы в самой грозе искать причину её возникновения, в самом человеке искать причину его жизни, в самой планете искать причину её движения? – Ведь это ряд ни с чем не сообразных абсурдов.

Ф.А. Ланге, в своей «Истории Материализма», стр. 54, протестуя против вышеприведённой выдержки из «Логики» Миля, говорит: «Вследствие подобного же понятия причинности происходит то, что обезьяна хватая лапою позади зеркала, или оборачивает насмехающийся снаряд, чтобы найти причину появления своего двойника. Вследствие понятия причинности происходит то, что дикарь приписывает гром колеснице Бога, или воображает при солнечном затмении дракона, который хочет проглотить раздаятеля света. Закон причинности заставляет трудного ребёнка соединить благодетельное появление матери с своим криком и порождает этим путём опыт. Привилегированный же глупец, приписывающий всё случаю, мыслит себе (если он вообще мыслит) случай, как демоническое существо, коварство которого заключает в себе достаточное основание для всех его напастей».

Чрезвычайно трудно, занимаясь постоянно положительными науками или преследуя материалистическое мировоззрение и привыкнув думать, что ничего духовного в природе нет, – перейти потом к правильному и свободному пониманию почвы чистого идеализма. Несмотря на то, что многие, более развитые, сами собой доходят до убеждения, что позитивизм слишком поверхностно изучает природу, и чувствуют естественное влечение проникнуть глубже своими познаниями в тайный смысл вселенной, но привычка старого образа мысли постоянно сбивает их с пути и вовлекает в невольные заблуждения. В этом очень часто сознавались сами атеисты; например, Фейербах, самый отъявленный пропагандист атеизма (Философия будущего, 43 года, стр. 23), не мог умолчать об этом невольном тормозе человеческой мысли, сказав: «Кто сосредоточивает свой ум и сердце только на вещественном, на чув-

ственном, тот фактически отрицает реальность сверхчувственного: потому что (для человека по крайней мере) только то действительно и реально, что составляет предмет реальной и действительной его деятельности». И в этом случае Фейербах больше чем прав. Редко встречаем мы человека, который работал бы над своим внутренним духовным развитием и заставлял бы себя думать так, как думали великие умы и нравственно развитые люди. Напротив, мы несравненно чаще встречаем принцип отвергать всякий авторитет даже людей гениальнейших; и каждый находит возможным дойти самому до высших истин и высшего знания, всякий убеждён, что сам ничуть не глупее каких-то Декартов, Ньютонов, Гумбольдтов и Кантов, и решительно не желает, да и не может сам знать верную оценку своих сил, способностей и внутреннего развития.

Вот причина, отчего все материалистические учения и системы были всегда более популярны, чем всякие другие, более трудные.

Учения материалистов во все времена делались очень скоро известными и всегда проникали скорее всяких других во все слои общества. И это весьма естественно и очень понятно.

Представим себе молодого ещё не окрепшего в своих знаниях науки, человека, который, заинтересовавшись вопросом жизни, вздумал бы, понадеясь на свои силы ума, обратиться к изучению философии без дельного и всесторонне образованного руководителя, – он непременно увлётся бы учением материалистов. Во-первых, потому что не может один человек прочесть все философии, существующие в мире – их тысячи. Не будучи в состоянии прочесть всё, он, конечно, возьмёт на выдержку самые популярные и известные системы, а они-то как раз и есть материалистические. Во-вторых, избрав для своего изучения несколько теорий, может ли он, нетвёрдо знающий науки, быть разумным судьёй в степени правильности и непогрешимости суждения какой-нибудь из них? Ведь явных и грубых ошибок ни в какой теории нет, есть неточное объяснение фактов, сбивчивые толкования начальных принципов. Все ошибки каждой теории заключаются в неуловимом уклонении от истины, в неправильном взгляде на вещи; надо быть хорошо образованным человеком и во всяком случае иметь правильный

взгляд на мир, чтобы уловить и тонко оценить эту неверность, а на этих-то мелочных уклонениях и построены все те следствия, которыми так радикально отличаются материалистические теории от философских.

Следовательно, каждый неизучивший специально предмета наук и обладающий достаточной силой логики, чтобы верно оценить правильность суждения каждой из представляющихся его усмотрению теорий, может только увлечься какой-нибудь из них, но не судить о ней, не изобличать её в ошибках и заблуждениях.

Как только одна из теорий или систем ему понравится больше других, он сейчас и принимает её, как правило и руководство в жизни. Но почему же он должен увлечься непременно материалистической или атеистической теорией? А вот почему: весь период нашего образования, т.е. с самой молодости до самой возмужалости, а иногда половину всей жизни нашей, мы занимаемся изучением наук, в которых никогда и ничего о Боге не слышим. Мы до того отстаём от этого понятия, до того привыкаем к атеизму науки, что безбожие науки отражается и на нашей жизни; мы невольно думаем, что так как Бога нет в науке, следовательно, Его нет и в природе, и никто и никогда не говорил нам противоположного.

Мы чуждаемся, если нападаем на какую-нибудь философскую систему, открыто говорящую о Боге, душе или свободной воле, мы удивлены ею и думаем, что напали по ошибке на какое-нибудь духовное сочинение, на наших устах появляется улыбка, нам как будто совестно читать эту книгу, и по невольному чувству привычки подрывается в нас весь авторитет к ней.

Нам дико встретить имя Бога в философии, ибо мы никогда Его в нашей науке не встречали, и наоборот – мы чувствуем себя в своей сфере, когда возьмём Бюхнера, Бруссе, Кабаниса, Фейербаха и т.д., мы чувствуем, что-то своё, привычное; они самым понятным образом выясняют нам факты, совершенно в духе нашего понимания; и с каким апломбом, и с какою уверенностью защищают они свои положения. В материалистических учениях вы сплошь и рядом встретите такие обороты речи: *я утверждаю, я отвергаю, этого нет, это не существует, наука присудила, наука произнесла свой приговор, наука осуждает подобное*; – и всё это нравится, всё это в духе времени; эта уверенность, эта сила речи

поневоле заставляют всех, поверхностно знающих предмет, следовать за ними и преклоняться перед этими учениями. Это совершенно естественно: ошибок в теории науки молодёжь уловить не может, а наружная форма так увлекательна и так понятна.

Истинный смысл науки не так понятен; и сама наука по наружной своей форме далеко не так самоуверенна; истинная наука далека от всякой гордости, она не имеет и тени даже подобного апломба. Наука ищет и изучает, она работает и предлагает свои выводы для проверки. Вы нигде у серьёзно учёных людей, живущих для своей науки, не встретите: *утверждаю, запрещаю, приказываю*; – это совершенно ненаучные приёмы. Ньютон говорит: «Нам кажется, предыдущие наблюдения дают нам право предположить....» Кеплер говорит: «Я предлагаю на ваше обсуждение эти гипотезы... может быть закон таков» и т.д. В истинной науке вы встретите только подобные обороты речи, вполне скромные и вполне соответствующие тому глубокому смыслу и правоте, заключающейся в самом учении. Ньютон сказал: «Я похож на ребёнка, собирающего раковины на берегу моря».

Материалисты же своими фразами вводят в заблуждение тех, кто не имел возможности знать столько, сколько они сами знают. Они пользуются своим преимуществом и увлекают внешней стороной своих доводов и часто бездоказательных положений. Они слишком часто забывают, что, явившись посредником между наукой и её искателями, надо совершенно точно объяснять факты, надо оставаться верным и скромным служителем науки.

«Известно, что нелепость, предложенная дерзко и без уловок, – говорит Жантильи, – имеет иногда странное могущество; она ослепляет, как правило... Как только раз ум имел слабость сомневаться в видимой нелепости – он погиб. Как нечего более ожидать от ума, требующего доказательства очевидности, так тем более нельзя надеяться на ум, ожидающий опровержений нелепости, которая есть очевидное заблуждение. Очевидность нечего доказывать; нелепость нечего опровергать. Философия тут останавливается.... Тогда ум, лишённый точки опоры очевидности и поддержки нелепости, выходит из границ разума и покидает здравый смысл и может дойти до любой нелепости». (Атеизм опровер. Наук., стр. 143).

Как много погубил молодёжи один из современных философов, воскликнув: «Небо теперь очищено, мы свели оттуда Бога!» Грустно и тяжело смотреть, как эти праздные речи с некоторым особым увлечением повторяются людьми, от которых, судя по их образованию, можно было бы ожидать более серьёзного отношения и более осмысленного суждения о таких воззрениях, которые служат основой всей нашей жизни и составляют критериум всего нашего существа.

IV. *Законы природы.* Одно из самых распространённых между материалистами представлений, которое чрезвычайно дополняет все их системы и делает многое совершенно непонятное – понятным, это представление о законах природы.

Материалисты говорят, например, что материя, пользуясь своими свойствами, производит все тела в мире. Атомы, через непосредственный ряд комбинаций, слагаются иногда в самые причудливые формы и образуют самые сложные вещи, например, глаз человека. Всякий, конечно, задумается над этим; как в самом деле бессмысленные, неразумные атомы, простые бездушные шарики, вроде нашей охотничьей дробы, случайно насыпанные в каком-нибудь уголке человеческого тела, вдруг сложились так, что сделали глаз, и почему этот глаз сделался на том месте, где ему надлежит быть, а не где-нибудь под мышками или на пятке. Это весьма логичный вопрос, на который ответить было бы очень трудно, если бы каждый раз не являлось на выручку представление о законе природы. Ведь это закон природы, отвечают материалисты, и всё становится ясным. И в самом деле, если в природе есть закон, который направляет действия всех атомов, и они слагаются в силу законов природы, то что же остаётся ещё объяснять? Всё становится понятным для человека, не привыкшего додумываться до конца.

Разберём, какими законами управляется вселенная и может ли быть такой закон природы, который играл бы *активную* роль в явлениях природы, направляя всё существующее к целесообразным действиям. Вопрос этот в подробности разобран Н.Я. Данилевским в его книге «Дарвинизм» (т. II, стр. 516–520), а потому мы имеем возможность его прямо заимствовать оттуда.

«Слово „закон природы“, так же, как и слово „развитие“, вводит многих в большие заблуждения. Как, подведя явление под развитие, думают, что получили его объяснение, точно так же думают, что сделали это, когда говорят, что подвели его под закон. Выражение „закон природы“, очевидно, метафорического происхождения; например, я скажу:

„Раб слепой слепых законов,
Мчится поезд в тьме ночной“.

(Гр. А.А. Голенищева-Кутузова).

В стихах, дело которых представлять нам живые, смелые, красивые, величественные, увлекательные образы, – что прекрасно. Метафора – их область. Я даже не придерусь к тому, что поезд собственно никак уже не раб слепых законов, а целесообразнейших намерений, выразившихся в постройке дороги, кладке рельсов, устройстве машины, в коих всякая малость была предусмотрена, целесообразно соображена и разумно выполнена, в гораздо большей степени, нежели простая дорога и экипаж, везомый лошадьми и правимый кучером. Слепота очевидно относится тут к законам упругости паров; но пары ведь – или просто бы шипели и свистели, выходя понемногу и увеличивали бы влажность окружающей атмосферы, или разорвали бы котёл, а не везли бы поезда, совершенно как и те силы, которые действуют в организме, да и во всём мире, ничего толкового бы не произвели, или даже ровно, ничего бы не произвели, если слепо строили организмы или миры. Но стихи всё-таки хороши, и дело в том, что внимание явлений, в них выраженное, вполне соответствует тому, которое соединяют с понятием о законах природы не только образованные люди, но и многие учёные, – понимание, по которому явление есть раб, исполняющий некое веление некоей слепой воли – закона. Очевидно, что это метафора, а метафоры, метафорический смысл которых забыт, всегда производят великую путаницу в головах человеческих, как, например, и понятие развития, которое также ведь метафора. Но мало метафор, которые бы столько путали, как метафора „закон природы“. Берётся одна сторона явлений, представляющая частную аналогию; по этой аналогии наименовывается предмет

или явление; пока дело совершенно невинное, – но это происхождение метафоры скоро забывается, и всё выражающееся в метафорическом названии принимается за полную аналогию, за тождество – и путаница готова!

В самом деле, как представляется людям, не получившим естественно-научного образования или весьма поверхностно к нему относящимся, знаменитая Ньютонова формула? Во-первых, её называют законом природы, хотя она и нечто гораздо высшее, как сейчас покажу; далее думают (и это опять говорю по опыту), что это некая уловка, некий фортель, в одной части которого придумано, что притяжение действует в прямом отношении, а в другой части как-то обратно; и затем в первой части просто во сколько раз больше масса, во столько же раз и сильнее должна она притягивать, а во второй части не просто, а ухищрением, это притяжение должно ослабевать в квадратном отношении. Штука преудивительная. И вот в эту-то штуку, уловку, в этот фортель и в это ухищрение проник Ньютон, как бы отпер секретный замок. Конечно, люди мало-мальски естественно-научно образованные так не думают, но всё-таки многие и очень многие и из них вполне отрешаются от ошибочности в понимании выражения „закон природы“, ошибочности, приставшей к нему от его метафорического происхождения, и всё ещё приписывают этим законам какое-то таинственное, мистическое, объяснительное значение.

В выражении „законы природы“ аналогия, послужившая поводом к этому метафорическому термину, заключается в сходстве обязательности, замечаемой в известном порядке явлений, с обязательностью поступков людей, повинующихся гражданскому закону. Но закон гражданский есть нечто и извне обязательное и извне объясняющее характер поступков с ним сообразных. На вопрос, почему вы так-то и так-то поступаете – даётся ответ: потому, что так повелевает закон, – и вы понимаете поступок, т.е. нет ни внешнего повеления, нет ни объяснительной причины, пока так называемый закон природы есть не более как закон. Например, в Европе средним числом рождается 106 мальчиков на 100 девочек. Это называется законом; но кто или что повелевает этому так быть? И где тут объяснение явлению? – ни того, ни другого не видно. То же самое будет и относительно более точных и строгих

законов, например, относительно знаменитых Кеплеровых законов. В первом отношении ясно, что обязательность тут внутренняя, а не внешняя. И потому правильнее было бы говорить об обычаях, чем о законах природы; потому что обычай в себе самом носит свою обязательность. Другое преимущество заключалось бы в том, что исполнение обычая гораздо сильнее обеспечено, чем исполнение законов. В самом деле, какой закон исполняется так строго и точно лицами ему подлежащими, как, например, обычай делать визиты на новый год членами общества, признающими это правило? Хотя аналогия была бы полнее и метаформа правильнее, но всё-таки осталась бы метафорой. В сущности же закон природы есть не что иное, как явление или факт не единичный, а известной общности, – общности, могущей распространяться и на очень малое число единичных явлений или фактов, даже всего на два, и на очень большее число их, даже на все. Это будут законы частные и законы общие, между которыми различие только количественное. Все планеты движутся по эллипсам! Что это такое? – это есть общее, замеченное в форме всех планетных путей. Велик или мал их эксцентриситет, то или иное взаимное наклонение плоскостей этих путей, во всём этом и во многом другом они могут различествовать – это будут единичные, индивидуальные для каждой планеты факты, а эллиптичность орбит есть их закон. Но чем же закон отличается от этих единичных фактов? – Ничем, кроме его общности для всех планет, потому что из него, как из закона, не видно ни причины факта, ни того, что составляет его обязательность, совершенно так же, как и в том, что на 100 девочек рождается 106 мальчиков, как и в том, что при известном роде лихорадки пароксизмы появляются каждый день, – что также для этой лихорадки составляет закон, т.е. общее явление, между тем как многие другие могут быть (и действительно бывают) различными, особенными для каждого больного индивидуума. Причины периодичности мы и тут не знаем, в чём и откуда её обязательность, или, лучше сказать, мы самую ту констатированную общность, метафорически называя законом, как бы принимаем за обязательность. Если вместо одних планет мы возьмём все тела нашей солнечной системы, т.е. и кометы, мы должны будем сказать, что вообще они движутся по кривым, называемым коническими сечениями, к числу коих принад-

лежит и эллипсис. Закон получит бóльшую общность, будучи общим явлением для большего числа орбит, но все прочие свойства его не изменяются, ничего он нам по-прежнему не объяснит, и не укажет, чему приписать его обязательность?

Но не только закон природы, всё равно частный или общий, ничего не разъясняет, – он и есть именно то, что преимущественно, даже почти исключительно требует объяснения. Объяснение частного, отдельного факта с одной стороны малоинтересно, а с другой – по большей части невозможно, потому что он зависит от переkreщивания множества неуловимых причин и обстоятельств. Так, в вышеприведённом астрономическом примере, кто может сказать, почему такая-то планета имеет именно такое, а не другое наклонение её орбиты к плоскости? Но эллиптичность всех этих орбит, будучи законом, т.е. общим фактом, с одной стороны и вызывает объяснение, требует его, а с другой объяснение это становится возможным, и Ньютоном дано. Это объяснение также называют законом, но совершенно неправильно. Это объяснение заключается в гипотезе существования притягательной силы, свойственной всякой доле материи и распространяющейся равномерно во все стороны; и объяснение это, заметим, есть метафизическое предположение, как и всякое действительно объясняющее начало, а никак не закон природы. Так же точно: какой интерес и какая возможность объяснить тот единственный факт, что безводная сернистая кислота состоит из 32 частей серы и 32 кислорода, а безводная серная из 32 же серы, но 48 кислорода? Но если мы найдём, что вообще тела соединяются в немногих простых между собою отношениях и взаимно замещаются в таковых же, т.е. получим общий факт, так называемый закон, то явится интерес, и даже принудительный интерес, а вместе и возможность объяснения его, как это сделал Дальтон атомистическою гипотезою, т.е. предположением существования мельчайших, абсолютно неделимых частиц, составляющих материю или вещество. Этот предполагаемый атомистический состав материй никак не может быть назван законом природы (предполагая даже полную достоверность гипотезы), а так же точно, как и сила притяжения, есть объяснительное начало, и опять-таки метафизическое.

Итак, законы природы суть не что иное, как факты или явления различной степени общности; но именно это-то общее в них и требует объяснения, и, конечно, само себя объяснить не может. То именно, что факты не остаются в своей единичности, а сводятся во всё более и более общие категории фактов и явлений, – это, и только это, собственно, и требует себе объяснения».

Одним словом, и в этом случае повторяется также ошибка материалистов, которая проходит через всё их учение. Они составили себе представление о всемогущих законах природы, не проанализировав, какую действительно роль играют законы в природе и не позаботившись уже насколько о каком бы то ни было, хоть малейшем, доказательстве своего постоянно применяемого представления.

В сущности же говоря, представление «закон природы» должно всецело быть причислено к *простым грамматическим метафорам*, через посредство которой замаскировано какое-то совершенно непонятное и не изученное наукой явление природы. Это явление, природы как раз требовало бы изучения и разъяснения, которого наука, не выходя из узких рам позитивизма, дать не может, а следовательно, оно до преобразования программы позитивизма останется вечно неизученным.

Однако Бюхнер и Молешотт настаивают на своём и восклицают: «Никому непонятно, – говорит Бюхнер в своём *Stoff und Kraft*, – как вечная, управляющая миром причина может согласоваться с неизменными законами. Или законы природы управляют, или вечный ум; вместе им существовать нельзя: между ними были бы постоянные столкновения. Если бы миром управляла вечная мудрость, законы природы были бы излишними; или же, напротив, неизменные законы природы управляют миром, они исключают всякое вмешательство Высшего Разума».

«Если какая-либо личность, с какой-нибудь целью, управляет материей, – говорит – Молешотт, – закон необходимости исчезает в природе. Каждое явление делается достоянием случайности и произвола».

На два эти положения ответить очень легко, тем более, что они сами по себе неверны. С одной стороны, материалисты не хотят

допустить возможности, чтобы Предвечная Мудрость могла согласоваться с законами, а с другой стороны они вместе с деистами находят, что идея неизменности и постоянства в природе гораздо более согласуется с идеальным совершенством неведомого Существа, которого мы называем Богом, чем идея изменчивости и произвола.

Не странно ли утверждать, что постоянство, порядок и гармония, царствующие в природе, составляют признак отсутствия Высшего разума? Деисты понимают это в обратном смысле: постоянство и мудрость, которую мы видим в законах природы, доказывают мудрость в причинах возникновения этих законов; именно *эти* законы и показывают им Вечный Разум, правящий вселенной. Материалисты же хотят видеть беспорядок и произвол в природе, чтобы признать существование Бога.

Для сравнения возьмём орган. Он прекрасно сделан; все звуки, выходящие из него, удовлетворяют всем законам гармонии и мелодии; он совершенно машинально производит самые упоительные мелодии, и, конечно, не может взять ни одной фальшивой ноты, ни одного негармоничного звука. Материалисты нашли бы в этом отсутствие интеллигентной воли строителя его и признали бы её только тогда, когда бы он стал фальшивым.

Разве идея о законе в государстве исключает идею о правителях страны? Разве мы не видим опровержения слов материалистов в административном строе каждого государства? Разве каждое государство не имеет столько законов, что, можно сказать, всякий шаг подданных рассчитан и предусмотрен ими и, тем не менее, правителям остаётся ещё достаточно дела при управлении своими странами? Тем более это должно относиться к Управлению Вселенной.

Мы спросим: Кто дал эти законы природе? Кто устроил эту производительность? Кто дал природе постоянное стремление к развитию и к прогрессу? Кто дал атомам их премудрый строй и способности составлять материю? Материи – силу производить жизнь? Кто выдумал живых существ? И кто дал им их формы и органы, приспособленные к достижению одних и тех же целей? Кто заботится о сохранении неделимых и родов, дав им ткани, ко-

стяную основу, механизм движения и предусмотрительный инстинкт? Кто одарил их всеми разнообразными способностями, соответственно назначению своему и тому положению, которое они должны занимать в мире? Одним словом, – если сила жизни одного свойства с молекулярной силой, – кто же произвёл её? Не от того ли они отвергают Творца, что Он не произвёл этого, так сказать, собственными руками? Зачем хотят сделать они из Бога чернорабочего, ворочающего атомами, по своему произволу без всякого порядка? Ни один мудрый правитель страны никогда не отступал от изданных им же самим законов; разбирать же форму управления, принятую Богом для поддержания и хранения своих творений, было бы, во всяком случае, преждевременно, если не совсем невозможно, человеку, который не может даже познать Его своими слабыми чувствами. Довольно же и того одного, что правильное понимание науки позволяет нам, в настоящее время, с полным убеждением признать, что мир управляем Разумной Волей, и это уже шаг громадный, который должен изменить весь взгляд науки как на самого человека, так и на всю вселенную и на все отношения наши ко всей природе. Поэтому совершенно понятно, отчего всё истинно учёное человечество, как мы раньше уже видели, люди глубоко и разумно верующие.

ГЛАВА X.

Общий характер материалистической науки.

Разбор четырёх коренных материалистических положений, которые служат для дальнейших выводов и на которых материалисты строят свои мировоззрения, решительно не подтверждает их обещания ни в чём не уклоняться от строгого опыта и непосредственного наблюдения. Напротив, мы видим одни допущения и бездоказательные представления, которые не имеют даже права называться научными гипотезами.

Проследив всю материалистическую науку, вы везде найдёте тот же самый характер бездоказательности.

Самые опыты наблюдения и исследования производятся серьёзно и научно, но все выводы, делаемые на основании этих опытов, имеют свой особый материалистический характер, ибо ко всякой новой научной данности, добытой опытом для разъяснения её себе, они применяют свой обыкновенный взгляд на природу вещей и свои принципы, отделяющие их от всей вселенной китайской стеной разных допущений и представлений, отчего получается прежняя бездоказанность, недоговорённость, поверхностность взглядов, требующая опять новых представлений или новых слов вместо понятия или, наконец, ссылок на всесильное действие законов природы.

Например, Бюхнер сказал: «Мир состоит из пустого пространства и атомов». Что такое атом? – Неделимая часть материи.

Вы думаете, что, делая такое авторитетное заявление и ставя подобный окончательный научный постулат, он понимает и знает, что такое атом и что такое пространство, всесторонне и абсолютно? – Вы думаете, что он выяснил себе их ясно и наглядно до

такой степени, что может ответить на все могущие возродиться вопросы в голове человека, ищущего истины вообще, или природы вещей и сущности фактов и явлений? Совершенно нет!

Было бы бесполезным стараться искать и доискиваться не только у самого Бюхнера, но и во всех остальных материалистических учениях определений или исследований касательно природы атомов, или чего-нибудь, касающегося сущности или происхождения их; таких объяснений совершенно нет.

Все материалистические учения считают понятие об атомах совершенно установившимся и начинают все свои дальнейшие выводы о каких бы то ни было явлениях природы, как о следствиях или свойствах этого, давно будто бы нам известного, атома. Не говоря уже о неорганическом мире, весь органический мир разбирается ими, преследуя это не вполне выясненное понятие; – наши мысли, сама жизнь наша, наше сознание, – всё это они считают следствиями свойств атомов.

Приведём слова Вундта (*Grundz d. Phys. Psychologie, Leipzig, 73 г., S. 226, 228*), которыми он думает разъяснить проявление сознания и другие сложные отправления человеческого организма.

«Мы можем себе представить, что известное первое волокно или известная узловая клеточка функционирует только в форме ощущения света, или двигательного импульса, но не так, что известные центральные элементы служат фантазии, а другие рассудку. Очевидно, противоречие здесь заключается в том, что представляешь себе сложные функции связанными с простыми образованиями. Но мы необходимо должны предположить, что элементарные образования способны только к элементарным же действиям. Такие элементарные действия в области центральных функций суть ощущения, побуждения к движению, а не фантазия, память и т.д. Всё, – замечает далее Вундт, – что мы называем волей и интеллигенцией, разрешается, как скоро она преследуется до своих физиологических элементарных феноменов, в одни превращения чувствительных впечатлений – в движения».

Материалисты полагают, что подобными, совершенно уже бездоказательными, голословными положениями они могут удовлетворить любознательность людей, желающих действительного познания природы самых явлений. Неужели они думают, что

этими поверхностными словами они выяснили всё, что интересует в этом случае человека, разбирающего и анализирующего, что такое сознание? Что такое атом? Что такое этот двигательный импульс, играющий такую видную, первенствующую и причинную роль во всех отправлениях живого организма?.. Неужели этот самый главный двигатель человеческой жизни и деятельности не достоин большего исследования? Отчего удостаивают они его таким малым вниманием? – Заменять понятия словами есть общераспространённый приём во всех материалистических учениях; попробуем обрисовать более наглядно общий характер мышления материалистов.

Приведём здесь пример, помещенный у Ланге (Истор. Матер., т. II, стр. 324), как опыт выяснения материалистических приёмов.

Купец сидит удобно в кресле и сам не знает, должен ли он заняться куреньем, спаньем, чтением газет или пищеварением. Входит лакей, приносит депешу, а в ней стоит: «Антверпен и т.д. Йонас и К° обанкротился». – «Пусть кучер запрягает лошадей», – вскрикивает купец. – Лакей летит. Барин вскочил, встрепенулся; несколько шагов по комнате – вниз в контору, прокуристу приказано, письма продиктованы, депеши посланы, потом в экипаж. Лошади фыркают; он в банке, на бирже, у деловых приятелей, – не прошло и часу, он дома, бросается опять в кресло со вздохом: «Слава Богу, в самом скверном случае – я в безопасности. Теперь надо обдумать дальше».

Это прекрасный мотив для душевной картины, могущий служить темой для целой поэмы. Испуг, надежда, потрясение, расчёт, гибель, и затем победа; всё это совмещено в один какой-нибудь час времени; все эти возбуждения были произведены самыми разнообразными впечатлениями и представлениями, вызванными одними образами и представлениями, возникающими постепенно, вследствие каких-то высших, от организма человеческого совершенно не зависящих причин, которые человеческое сознанием не обнимает.

Материалист, разбирая данное лицо, *как объект вещественного мира*, сказал бы: «Что вошло в этого человека? Образ нескольких черт синим карандашом по белому фону. На сетчатую оболочку упали известные лучи света, которые в своих колебаниях

сами по себе не развивают более живой силы, чем всякие другие лучи. Живая сила для процесса проведения подготовлена в нерве так же, как сила сокращения мускулов – в мускулах; бесконечно слабым импульсом волны света она лишь разрешается, как разрешается сила бочки с порохом тлеющей искоркой. И ничего большего материалист не скажет, ибо все дальнейшие его исследования повели бы к необходимости признать отвлечённости, чего материалист не допускает, – следовательно, для него остаётся одно только возможное исследование, что он в данном случае и делает; не принимая сознания, он может только проследить физический причинный ряд, через мозг до первого повода к внезапному движению; а затем вся самая существенная сторона факта остаётся неразъяснённой: каким образом происходит, что *эти синие черты производят именно в этом человеке такое именно действие*, которого они не произвели бы никогда, если бы изображение их пало на сетчатую оболочку глаза какого-нибудь другого человека, не имеющего никакого отношения к делам «Йонас и К°»? Не произвело ли бы на него другое впечатление, если бы в телеграмме были тем же синим карандашом написаны другие слова, например: «Невеста ваша даёт вам согласие на свою руку и сердце»; или «Отец ваш умер»?

Всякий ответ, который ссылается на «представление» в этом случае, не может считаться ответом, – это уклонение от желания знать истину. Мы желали бы в этом случае видеть проводники, пути живой силы, объём, способ распространения и источники физических и химических процессов, из которых исходят первые импульсы, известным способом приводящие в деятельность каждый мускул отдельно. Мы желали бы видеть несравненно более важные нервны точки, которые распространяются в органах речи, в дыхательных мускулах, производят приказание, слово и крик, которое повторяют десять раз ту же игру путём звуковых волн и слуховых нервов других неделимых. Мы желали бы, одним словом, разъяснить так называемое психическое действие и объяснить физическое, которое мы видим, физическими причинами.

Пусть читатель не думает, что в этом случае мы требуем чего-либо невозможного, ибо материалисты признают в принципе, что

как строение организации живых существ, так и причинность явлений ими вполне поняты. Если же они признают себя настолько сведущими, то, следовательно, им должны быть ясны все эти явления, которые мы и просили бы разъяснить подробно, не прибегая к употреблению слов и названий, взамен прямого и точного описания явления, или в противном случае мы должны были бы просить их сойти с своего авторитетного пьедестала всезнания и признаться в своём неведении, или, по крайней мере, в ограниченности своих знаний.

Мы могли бы ещё удовлетвориться, если бы нам выяснили связь между первым впечатлением волны света и соединёнными с точным фиксированием букв импульсами движений так же ясно, как мы видим, например, отражённое в судороге бедро лягушки. А они вместо этого разыскивают в мозгу «мышление», «чувствование» и «хотение», всё равно, как если бы в мускулах под мышкою пианиста желали открыть *Dur*, *Moll*, *Allegro*, *Adagio* и *Fortissimo*, каждое в особенном закоулке (Ланге, т. II, стр. 326).

Несомненно, что причина всех этих недомолвок и поверхностного исследования научных вопросов лежит в том узком и совершенно спокойном взгляде, с которым все материалистические системы смотрят на окружающий их мир, вследствие чего явления очень сложные и самая жизнь наша являются пустым и шуточным фактом. Такое опасное поверье глубоко вкоренилось в убеждении нашей публики, за него стоят не одни люди науки, но и литература наша с лучшими представителями в главе. Например, Д. Писарев в одной из своих статей пишет: «Мы все сильно заражены склонностью к натурфилософии, к познанию общих свойств естества, основных начал бытия, конечной цели природы и человека и прочей дребедени (!), которая смущает многих даже специалистов и мешают им обращаться как следует с микроскопом и анатомическим ножом...».

Этот спокойный, исключаяющий возможность всякого глубокого анализа взгляд Н. Страхов описывает чрезвычайно типично и совершенно в духе материалистических учений в своём сочинении «Мир как Целое», 1872, стр. 160 – 168, желая утверждать всякого от излишних и, по его мнению, суетных требований от жизни и от

науки. Он говорит, что замечание: *«Нет великого человека, который бы был великим для своего лакея»* – неблагоприятно не для великих людей, как многие думают, но для лакеев. Лакей великого человека видит в нём только черты, которые в силах понимать, т.е. черты обыкновенного, или даже плохого человека.

«О человеке должно судить не по тому, что он есть в данную минуту, а по тому, чем он был и чем он может быть.

Вместо того, чтобы спрашивать: что есть человек? – Мы должны спрашивать: чем может быть человек? Вместо того, чтобы исследовать, из чего состоит человек, мы должны рассмотреть, что бывает с человеком; вместо сущности нужно взять деятельность, вместо постоянного – переменное, вместо души – жизнь. Тогда мы убедимся, что нет существа более разнообразного, менее подчинённого каким бы то ни было ограничениям, более общего и, следовательно, совмещающего в себе более противоречий, чем человек.

«В самом деле, что содержит этот мир, который озаряется светом сознания? И для чего служит самое озарение? Где искать твёрдого зерна жизни? Что от неё остаётся, что из неё выходит?»

Возьмём вопрос в этой последней форме. Так он был предложен одним из лучших наших писателей. В порыве скорби, возбуждённой в нём картиною жизни современного человечества, он спросил: что выходит из жизни? – И казалось не нашёл ответа. Трудно представить себе что-нибудь печальнее безответности на такой вопрос.

По-видимому, однако же, он разрешается легко. Можно сказать, что из жизни, кроме жизни, действительно ничего не выходит, – но что и не нужно, чтобы что-нибудь ещё из неё выходило. В самом деле – выходит жизнь; чего же больше?

Представьте, например, что кто-нибудь идёт по тротуару. Так или иначе, но только здесь совершается некоторое явление жизни. Положим, философ наблюдает это явление и старается понять. Что найдёт он? – Человек идёт. Идти, двигаться, это ведь значит чего-нибудь достигать, приближаться к какой-нибудь цели. Но философ очень бы ошибся, если бы стал задавать себе вопрос: куда и зачем идёт этот человек? Он никуда и ни за чем не идёт; он вовсе не хочет куда-нибудь прийти; он идёт просто для того, чтобы идти.

На человеке шляпа. Философ, пожалуй, подумает, что она надета с какою-нибудь целью и станет рассматривать её с этой точки зрения. По-видимому, даже нет сомнения, что она служит для защиты от холода, так что голова – цель, а шляпа – средство. Ничуть не бывало, во-первых, у этого человека прегустые волосы, так что для головы не нужна другая защита, а во-вторых совершенно наоборот – не шляпа служит для головы, а голова служит поддержкой шляпы. Шляпа куплена для того, чтобы её носить во время прогулок, и если этот человек несёт на своей голове шляпу, то именно для того, чтобы нести её.

Точно так же напрасно мы бы стали ломать себе голову, если бы вздумали объяснить себе форму этой шляпы. Форма её также не имеет никакого внутреннего значения. Шляпе дана такая форма ради самой этой формы».

Казалось бы, что, в настоящем пытливом веке точных наук, исследований и анализов всякого рода, это узкое и поверхностное мирозерцание должно было бы находить себе очень мало последователей, а на поверку выходит, что большинство образованных людей, придерживаясь материализма, совершенно для себя незаметно являются поборниками его. Гораздо труднее стараться философским путём проникнуть до познания сущности и природы явлений и фактов, чем остановиться на полдороге из-за каких-то принципов и вообразить себе, что дальше идти не следует. Неужели же в самом деле этот взгляд на вещи может быть признан философским взглядом; никакой мало-мальски философски сложенный ум не может допустить, что человек живёт только для того, чтобы жить, идти по улице только для того, чтобы идти, носить голову на плечах от того, что у него есть шапка? Это значило бы исключить всякое понятие о цели даже в желаниях и стремлениях самого человека, это должно быть признано несообразностью всяким, который только потрудился бы вникнуть в отношения свои к условиям жизни и к обстоятельствам, окружающим его.

А между прочим можно без всякой утрировки сказать, что все без исключения материалистические системы носят на себе этот отпечаток детской или примитивной науки и смешивают идею с формой, внешность с сущностью. Материалистам кажется, что

они уже исчерпали вопрос тогда, когда они начали его, не имея достаточно оснований, и окончили, не разъяснив ровно ничего.

Эта общая черта справедливо заставила многих, более глубоких мыслителей, совершенно не признавать материалистические учения за философии, а, причисляя их к позитивизму, считать их за особый род научных обобщений, не выходящих из программы, которой придерживаются положительные науки.

Так говорят о материалистических философиях противники материализма; приверженцы же материализма говорят то же самое; они тоже исключают их из области философии и причисляют также к позитивизму, оставляя всецело за философией метафизическую и умозрительную части. Они говорят, что только в Англии злоупотребляют словом философия, называя даже протоколы парламентских заседаний «философскими», – так широко применяют они это слово.

Поборники материализма находят, что большинство материалистов никогда не уклонялось в своих произведениях от программы позитивизма; каким же образом можно причислить их произведения к рубрике философских, если в них нет и следа метафизики? Они восхваляют как своё мировоззрение, так и результаты, добытые через него; они говорят, что единственно через него они успели приобрести те неocenённые и бесспорные данные для своих познаний, которыми они владеют в настоящее время. Заканчивая свою историю философии, Дж.Г. Льюис (перев. с английского, 1885 г., стр. 367) говорит: «Достоинно внимания – и это факт весьма знаменательный, – что в развитии умозрения наблюдается прогресс только в отношении тех вопросов, которые доступны позитивному исследованию. Если мы в настоящее время столь же далеки от решения какой-либо онтологической проблемы, как и во времена Прокла, то мы уже гораздо менее невежественны в отношении законов деятельности человека. Психология ещё не закончена, но она обладает уже многими несомненными истинами. Хотя многое ещё остаётся сделать, но многое уже сделано и, благодаря новому позитивному методу, мы обладаем отрадным сознанием того, что вышли, наконец, из заколдованного круга *диалектических и логических ухищрений* (?) и идём путём прямым, где каждый

шаг приближает нас к позитивному познанию, где каждое завоевание есть неизменная истина».

Это, конечно, дело личного взгляда, но надо думать, что не все согласятся с ним. Вопрос в том: что лучше? – помощью ли диалектических и логических ухищрений (если бы точный анализ был действительно немислим) стараться проникнуть в сокровенные тайны природы и таким образом достигнуть истины, или совершенно обходить их, а если они сами попадают нам в глаза и возбуждают наше внимание, то маскировать их разными ложными *представлениями* или исключать их совсем из науки? На это мы заметим только, что программа положительных наук нужна человечеству для установления категорий знания, для определения границ, возможных по точной науке познаний; тем не менее, положительные науки далеко не могут исчерпывать всего того, что было бы желательно знать свободномыслящему человеку и что он рано или поздно должен достигнуть при развитии науки, так как в голове каждого уже гнездятся целые рои вопросов.

Дю-Буа-Реймон, говоря в строгом смысле слова, тоже материалист и поборник механики атомов, также убеждён, что всё познание природы может быть сведено, рано или поздно, к механике атомов; но он философ в том отношении, что не признаёт свою науку окончательной и допускает причину движения, лежащего не в самих атомах, что ещё больше расширяет его свободный и ясный взгляд на мир и на способы исследования его. Он смотрит не узким материалистическим взглядом на задачу жизни и науки, его требования относительно знания этой атомистической механики совершенно другие.

На конгрессе немецких естествоиспытателей и врачей в Лейпциге, в 1872 году, он сказал: «Что ум, который знал бы положение и движение всех атомов вселенной для данного, очень маленького, периода времени, должен быть также в состоянии, по правилам механики, вывести из этого всё будущее и прошедшее. Он мог бы посредством надлежащего развития своей мировой формулы сказать нам, *кто была Железная Маска, или как погиб Президент*. Как астроном предсказывает тот день, в который через многие годы опять возникнет на небесном своде комета из глубины мирового пространства, так этот ум читал бы в своих уравнениях тот день,

когда греческий крест будет блистать на соборе Софии, или когда Англия сожжёт свой последний каменный уголь. Если бы он вставил в мировую формулу время равным бесконечности, то перед ним раскрылось бы загадочное первобытное состояние вещей. Он увидел бы в бесконечном пространстве материю или уже движущейся, или неравно распределённой, так как при равном распределении неустойчивое равновесие никогда не нарушалось бы. Если бы он увеличивал время безгранично в положительном смысле, то он узнал бы, угрожает ли теорема Карно вселенной, лишь после бесконечного или уже после конечного времени ледяной неподвижностью».

По его мнению, только подобная формула могла бы утвердить человека в истинности его познания атома. Эта задача, конечно, могла бы и не быть скоро выполнена; может быть до этого никогда не достиг бы человек, но тем не менее, пока задача эта ещё не разрешена, пока подобная формула ещё не отыскана, наука должна стремиться и добиваться такого знания, и сознавать, что вопрос этот в сущности остаётся ещё совершенно открытым, одним словом – наука должна чувствовать своё бессилие и видеть пробелы своих знаний.

ГЛАВА XI.

Бог и бесконечность Его творений.

«Бога никто же не видел нигде же, Единородный Сын в лоне Отче Той исповеда».

(Иоанн I).

На основании всего вышесказанного, мы считаем себя в полном праве заключить нижеследующее:

1) Что истинная и свободная наука в лице своих лучших и гениальнейших представителей признаёт Бога Творцом и Промыслителем вселенной и Его Высшую бесконечную Волю – правящей и руководящей всем сущим, сотворённым Им.

2) Позитивисты, материалисты, вообще представители так называемых рациональных наук, не только не опровергли существования Бога, но не имели бы к тому ни малейшей возможности при всём своём желании, так как в рамки их наук не включена ни одна из тех наук, которые могли бы трактовать о столь возвышенных и отвлечённых темах. Поэтому, если когда-нибудь какой-нибудь из учёных, принадлежащих к лагерю позитивизма или материализма, и позволил себе сказать что-либо о Боге, то это его мнение должно быть признано частным и совершенно произвольным, ибо никаких оснований, почерпнутых из его положительной науки, оно ни в каком случае иметь не могло.

3) Надо быть вполне уверенным, что когда средний уровень духовно-нравственного развития людей, стоящих во главе господствующей ныне науки, возвысится до того, что они поймут всю недостаточность и бездоказательность теорий и представлений их науки, то они, конечно, перестанут удовлетворяться ими. Тогда они увидят себя принуждёнными пересмотреть все свои науки и

исправить все неточности и ошибки, вкравшиеся в них от неестественного допущенного ими мировоззрения и от применения в науке не строго разумом проверенных оснований. Для облегчения этого предстоящего им громаднейшего труда, они волей или неволей должны будут преклониться перед авторитетом великих и гениальнейших учителей науки и вновь отыскать давно заброшенные и уже заплесневевшие странички старой науки, покрытые мхом и пылью, где давно уже были подняты и до некоторой степени разработаны вопросы о сущности и природе вещей, фактов и явлений, где великие учителя требовали включения в науку Высшей Воли и Высшего Разума, как главных факторов природы, как начало всех начал. Только после своего преобразования новая возрождённая наука и её последователи будут в состоянии продолжать исследования природы, но уже в новом духе, на новых основаниях и в том божественном направлении, в котором науку начинали вести их великие учителя. Перед адептами этой новой науки будут открываться сокровенные тайны премудрости Бытия, как некогда открывались они и перед гениальнейшими их предшественниками, и они тоже станут прозревать великие истины и увидят Бога в природе, управляющим вселенной. Только тогда они поймут до какой степени ослепление их было велико, что они могли простую грамматическую метафору под пресловутым названием «закон природы» возводить на степень Божества, способного творить чудеснейшие и премудрейшие дела и управлять вселенной.

Тот, чьё духовно-нравственное развитие позволяет вникнуть в величие и премудрость вселенной, тот никогда не мог бы впасть в столь тяжёлую, крайне грустную ошибку; ибо он не мог бы себе иначе представить вселенную, как фактически бесконечной, как по её протяжению, так и по обилию проявляющихся движений и жизни в каждом уголке её.

Понимая в истинном свете сущность бесконечности, он не усомнился бы, что сотворить бесконечность могло только такое Существо, которое Само обладает бесконечными качествами, способностями и властью, а следовательно, Оно никогда не может быть постижимо человеку. Поэтому сам здравый смысл и логика

должны были бы протестовать, если бы кому-нибудь пришло в голову назвать творцом вселенной что-либо конечное или вообще находящееся в пределах человеческой познаваемости. Он должен был бы сказать себе: «Нет, это невозможно, это не творец мира, ибо это я понимаю, а Создавшего бесконечность я понять не в состоянии; это было бы слишком смело и тщеславно с моей стороны думать, что я охватил своим разумом, постиг бесконечность и Бога».

Вглядитесь в звёздное небо в тёмную ночь; постарайтесь сосредоточиться на этих миллиардах звёзд, сияющих перед вашими глазами. Находясь перед этим величием, на каждого нападает благоговейное чувство необходимости преклониться перед обилием непостижимой премудрости. Является невольное желание слиться с природой, вознестись над всем миром, хотя бы одними своими мыслями и превратить её всем своим существом в одно безраздельное созерцание.

Рассматривая небо, человек видит планеты и их спутников, вращающихся около солнца, и знает, что все эти планеты, суть отдельные миры, такие же, как и наша Земля; что одни из планет лучше по условиям жизни, другие— хуже, но что все они, по данным современной астрономии, обитаемы, все они кишат жизнью и растительностью, и во всём соответствуют тем условиям, которые даёт сама планета; а потому флора и фауна одних планет может не походить на флору и фауну других. Разнообразие форм жизни так же многочисленно, как и сами условия. Каждая из них имеет свой год, свой месяц, свою длину дня; особую силу тяжести и напряжения солнечных: теплоты и света, а следовательно, и разные напряжения магнитных, электрических, эфирных и других токов; особое число спутников, особые составные части воздуха и разное наклонение осей эклиптики, устанавливающее климаты и времена года планет; особую плотность материи, составляющую как неорганическое, так и органическое царство их; особую силу притяжения, дающую разные ускорения движениям тел на планете и обуславливающую вес предметов.

Астрономическая физиология, разбирая всё это разнообразие жизни, приходит к самым интересным и в высшей степени замечательным выводам. Она совершенно изменяет самоуверенный и

тщеславный взгляд людей на свою планету и на будто бы исключительное положение земного человека во вселенной. Успехи астрономии показывают не ничтожество человека, но настоящее его место в природе. Астрономия показывает, что если мы и можем быть последним звеном творения на Земле, то мы, всё-таки не единственные существа в своём роде. Другие планеты имеют также существ, аналогичных нам, из которых многие лучше и совершеннее нас. Жизнь на этих планетах легче и более удовлетворяет условиям развития телесных форм и образованию интеллектуальных качеств.

Но разнообразие физиологического сложения тела жителей планет относится только до формы и способностей тела, но не до состава души и разумного начала существ. Об этом прекрасно говорит Камилл Фламарион: (*Les terres du ciel*, 2 ed., 1877, p. 165). «Разница условий жизни на планетах породила соответственные разнообразия организмов существ, живущих на них. Тела их не похожи на наши тела; но это не может относиться до души их, ни к разумному началу; ибо чистый разум один, и истина одна. Могут быть разнообразия в степени разумности, в проявлениях способностей души, но не в сущности разума и в существе души. Может быть на некоторых планетах не едят, может быть ходят не на ногах, у них глаза, уши, зубы могут быть сделаны иначе; но несомненно, что везде рассуждают о бесспорных принципах совершенно так же, как и мы: на всех мирах дважды два – четыре, везде треугольник состоит из трёх углов, и сумма его углов равна двум прямым. Везде совесть приближается, более или менее, к тем же абсолютным нравственным истинам. Как бы тела ни различались в своём сложении, но мыслящие души должны непременно быть сёстрами между собой».

Кроме упомянутых здесь планет есть ещё неисчислимое количество мелких тел, следующих по солнечной системе: болидов, метеоров, падающих звёзд и просто камней, падающих на землю. На них мы не будем останавливаться, упомянем только об астероидах. Астероиды – это остатки разорванной планеты, находившейся между Марсом и Юпитером. Это маленькие планетки, числом около 180, имеют свой совершенно правильный и самостоятель-

ный ход, свои времена года и все особенности, как и большие планеты. Астрономия не отымает и от них возможности быть заселёнными. Она говорит, что не величина планет даёт ей жизнь. Юпитер в 114 раз больше земли, Сатурн в 64, – это нисколько не мешает земле быть заселённой.

От астероидов перейдём к кометам. Кометы также двигаются кругом солнца, следуя его поступательному движению, но они не имеют кругового движения, они проходят близко около солнца по дуге эллипса; затем, следуя той же дуге, удаляются на разные, более или менее значительные расстояния и приближаются обратно к солнцу через известные для каждой кометы периоды времени. Множество комет, в особенности маленьких, направляются прямо на солнце, и массы таких комет падают на него и поглощаются им.

Из всех являющихся на небе комет только малая часть видна простым глазом; мы видим только большие и только те из них, которые проходят близко от земли. Не все кометы имеют постоянное своё движение только кругом солнца; есть такие, которых скорые их ход увлекает за сферу притяжения солнца, и они улетают дальше, вертясь около других солнц, а может быть есть и такие, которые гуляют кривыми траекториями по всей вселенной.

Самая замечательная комета эта та, которая проходила по нашему небосклону в 1843 году, её хвост был длиной 320 000 000 вёрст. Она прошла по дуге параболы чрезвычайно близко от солнца, именно 800 000 вёрст от центра его, или 50 000 вёрст от математической или видимой поверхности солнца; а так как, на высоту до 320 000 вёрст от поверхности солнца поднимаются массы, бросаемые вулканами и взрывами постоянно кипящего ядра солнца, а водород, окружающий солнце, идёт ещё дальше, то надо сказать, что эта комета пронизала эту поверхность солнца и испытала всю силу его жары. Жара эта по крайней мере в 3 000 раз сильнее той, которую мы получаем от солнца. Эта жара, не имеющая себе подобных в мире, не произвела, однако, никакого видимого влияния на комету. Комета совершенно своевременно и в таком же виде появилась на другой стороне солнца, неизменно продолжая своё движение. Скорость этого движения была ужасная, ядро кометы двигалось 600 000 вёрст в час, т.е. в 6 раз скорее земли, а хвост её (как и у всякой кометы, держал своё направление

от солнца, т.е. в каком бы положении ни была комета, – хвост её направлен в противоположную сторону) описал круг, отворачиваясь от солнца, с ни с чем несравнимою быстротой, а именно: окончность хвоста сделала 500 000 000 вёрст в час.

Эта ужасная быстрота заставила астрономов предположить, что хвост кометы не материален. Они полагали, что что-нибудь весомое и материальное, в особенности газообразного сложения, не может рассекать пространство с такою скоростью; они хотели остановиться на том определении, что хвосты комет состоят из какого-нибудь эфира или игры света, или вообще из состава, нам неизвестного; но спектральный анализ ясно показывает, что хвост имеет своею главной составной частью углерод; тем не менее, подобное состояние углерода в науке окончательно неизвестно.

Движение комет крайне интересно и загадочно. Если мы думаем, что знаем причины движения планет крутом солнца, ибо подобрали такие математические формулы, которые показывают нам законы их движения, то всё же мы решительно ничего не можем сказать о кометах. Что заставляет их двигаться с такой быстротой? Почему, летя к солнцу, они заворачивают кругом него? Зачем и почему, отходя от него нормально, на известное расстояние, они опять возвращаются назад, делая крутой поворот? – Всё это темно и не выясняется астрономами.

Астрономия говорит только, что странные и загадочные силы начинают тревожить комету, когда она подходит к солнцу: ядро её из круглого делается овальным, она вытягивается по направлению к солнцу, – до того притягательная сила его велика: но что задерживает её? Какие развиваются отталкивающие силы, мешающие ей упасть на солнце? – Это неизвестно и непостижимо.

Есть ли жизнь на этих кометах? – Многие астрономы выражались утвердительно; стесняло их только одно обстоятельство, что кометы имеют всегда изменяющиеся температуры. Некоторые из них проходят слишком близко от солнца, но затем, испытав всю силу его жары, они удаляются в царство ни с чем не сравнимых морозов на многие столетия. Но! – восклицают астрономы, – после всего, что нам приходится видеть, мы можем спросить: где же кончается материя и где начинается дух? Разве мы это знаем? Разве трудно предположить такую переходную степень в организации

существ, где бы не ощущались переходы температуры. Температура есть только состояние эфира; действует ли это состояние эфира на всё живое, или есть живые существа во Вселенной, на которых это состояние не отражается и не действует, – мы на это ответа дать не можем.

Какое пространство занимает солнечная система? – Мы сказали, что солнце имеет поступательное движение со скоростью 3.333 версты в час и что все планеты, вертясь около солнца, описывают винтовые линии, следуя за движением солнца; то же делают все небесные тела солнечной системы, соблюдая строгий порядок и последовательность, следуя движениям солнца; но велика ли обширность, или вся площадь, занимаемая движением этих тел? Мы видели, что самая отдалённая планета от нашей системы, Нептун, отстоит от солнца на 4 440 000 000 вёрст; мы видели комету 1680 г., которая отходить от солнца на 128 000 000 000 вёрст, но это далеко не всё, – сфера притяжения солнца ещё гораздо дальше.

Ближайшая соперница солнцу – это звезда α созвездия Центавра, видимая на южном полушарии и находящаяся в расстоянии от солнца в 32 триллиона вёрст (32 000 000 000 000). Её масса равна половине массы солнца, следовательно, дальность одинакового притяжения солнца и α Центавра будет на расстоянии 24 триллионов вёрст от солнца. Следовательно, тело, которое выйдет из-за этого предела, будет притянуто звездой α Центавра. С другой стороны солнца мы видим ближайшую к нам звезду, это β -звезду созвездия Лебедя. Предел притяжения солнца с этой стороны 60 триллионов вёрст; остальные звёзды все гораздо дальше. Следовательно, наша солнечная система занимает площадь поперёк своего движения принимая в расчёт сферу притяжения α Центавра, 3 кональона квадратных вёрст

(3 000 000 000 000 000 000 000 000 000).

И вся эта солнечная система, с миллиардами спутников своих, не может, по отношению ко всей Вселенной, сравниться даже с одной песчинкой в Сахаре, с одной каплей воды в океане.

Какое же представление можем мы себе сделать о Вселенной? – Мы положительно теряемся в этих величинах при наших ограниченных пяти чувствах; если бы мы и призывали на помощь всё

ваше внимание и всё наше воображение, то тогда разве только мы получили бы тень некоторого понятия об этих бесконечных пространствах, или, лучше сказать, мы вполне поняли бы и убедились бы, что представить себе и охватить своими способностями Вселенную мы положительно не в силах.

Разве уже так велика Вселенная? Разве так разнообразно небо, сотворённое Богом? Да, – обширность неба и те новые разнообразия, которые мы встретим в условиях жизни на планетах, так бесконечно многочисленны, как и само число планет, как бесконечно то пространство, по которому двигаются все миры.

Мы попробуем сделать беглое описание Вселенной в самых кратких чертах, не упоминая о миллионах весьма замечательных, но второстепенных, по-нашему, предметов, для которых мы положительно не имеем места в нашей книге.

Когда в безоблачную ночь вы наблюдаете небо, то видите его усеянным звёздами. Но то, что вы видите простым глазом, – это только одна десятитысячная часть всего того, что вы можете видеть в телескоп. То же, что вы видите в ваши самые сильные телескопы, в свою очередь, будет, опять-таки, самая ничтожная часть того количества звёзд, которое в действительности существует.

Все эти звёзды называются нами «постоянными» и кажутся нам стоящими неподвижно на небосклоне, но тем не менее каждая из них имеет своё определённое и чрезвычайно скорое движение, а кажутся они нам стоящими неподвижно по причине своей от нас отдалённости.

Всякая из этих звёзд составляет отдельную солнечную систему, совершенно такую, как и наша система; кругом каждой из них вертятся такие же планеты с их спутниками и кометы, как и кругом нашего солнца, которые получают совершенно так же от своих солнц движение, свет, теплоту, жизнь и т.д. Мы, конечно, не видим этих планет, ибо они слишком далеки от нас, мы не видим даже их в самые сильные телескопы, но существование их вполне доказано ещё со времён Кеплера.

Все эти планеты, как мы уже сказали, такие же отдельные миры, как наш; на них такая же жизнь, такая же растительность, но все они имеют разные условия существования, во многом несхожие с нашими условиями, например: многие такие системы

находятся в зависимости от двух звёзд, или солнц своей системы, многие – от трёх и даже от четырёх. Конечно, те системы, которые имеют два, три или четыре источника тепла, света, а следовательно, несколько центров притяжения, должны иметь многие условия физические и механические, совершенно не похожие на наши условия жизни и движения, о которых мы, в настоящее время, мало имеем понятия.

В этих многосолнечных системах замечательно главным образом то, что в большинстве случаев одно из этих солнц имеет белый цвет, а другое солнце цветное: синее, красное, желтое или зеленое. Например, в созвездии «Персея» есть звезда, которая сопровождается другим солнцем синего цвета. В созвездии «Змееносца» есть два солнца, красное и синее и т.д. Таких систем очень много. Во всех этих системах с цветными солнцами свет должен странно разнообразить ландшафты.

Надо большое художественное воображение, чтобы представить эти сочетания цветов, нам, привыкшим видеть всё освещённым в один только белый цвет. Какое представление может мы себе сделать о ландшафте, который освещён одновременно двумя солнцами: одним красным, а другим синим? Или представить себе полдень: – синее солнце светит полной своей силой, и освещённые предметы имеют ярко-блестяще-синий цвет; тени тёмно-синего цвета и звёзды видны на небе, ибо воздух недостаточно освещён, чтобы скрывать их от взора жителей; в это время встаёт красно-пурпуровое солнце, как зарево огромного пожара; это сочетание цветов трудно себе представить, оно изменило бы видь всего, на что мы привыкли смотреть. Спутники планет, которые окрашиваются тоже в разные цвета, должны представлять глазу совершенно нам не постижимые зрелища. Какой художник может изобразить, или какое воображение может себе представить ландшафт, освещённый сразу четырьмя разноцветными солнцами и четырьмя такими лунами, какие являются тени и полутени, во что обратится всякий наш вид после такого освещения?

Это разнообразие цветов и присутствие нескольких сильных центров притяжения и источников тепла должно неминуемо отразиться на быте, на условиях жизни и составе всего находящегося на планетах подобной системы: на климат, на произрастание, на

приливы и отливы, на ветры, на магнитные и другие токи, на все физические явления и т.д., и т.д., вообще на все состояния и организмы жителей и на всю жизнь этих планет.

Приведём здесь другую, резко отличающуюся особенность звёздных систем. Свет, распространяемый солнцем и большинством постоянных звёзд, имеет одну и ту же силу и цвет, которые никогда не прибавляются и не убавляются. Но есть звёзды, у которых сила света чрезвычайно изменчива; мы видим их сегодня светлыми, а завтра совершенно бледными; через некоторое время свет их опять усиливается. Есть такие, которые совсем пропадают и более никогда не видны. Об этой способности звёзд было много писано, например: у Араго (*Astronomie populaire*, 372-376). Тут же желающие ближе ознакомиться, на страницах 370 и 380, найдут указания о том, что многие звёзды, которые были долгое время наблюдаемы астрономами, исчезли и погасли окончательно.

Звезда «О» в созвездии Кита вообще чрезвычайно светла; но временами она бледнеет и пропадает совсем; через некоторое время появляется опять. «Х» в созвездии Лебедя очень часто, моментально, из пятой величины превращается в звезду десятой величины, и через некоторое время моментально делает обратное превращение, – из десятой величины переходит в пятую. Многие звёзды имеют периоды для подобных превращений в силе своего света, другие переменяют его совершенно произвольно.

К. Фламарион, разбирая в своём сочинении *Les merveilles celestes*, стр. 131, все следствия, которые должна оказывать эта способность изменять силу света у солнца на планеты его системы, – приходит к разным, чрезвычайно замечательным заключениям. «Солнце такой системы иногда расточает в огромном количестве свет и теплоту на планеты, отчего поверхность их нагревается непомерно, иногда просто накаляется. Через несколько месяцев мы видим, что светило, без всяких видимых причин, гаснет и мало-помалу погружается в абсолютную темноту; и вся система, вслед за своим солнцем, стынет, замерзает, и всё покрывается льдом; есть планеты, которые совершают это периодически, другие совершенно произвольно и неправильно. После некоторого, более или

менее продолжительного, времени светило опять возгорается и достигает своего первоначального блеска и теплоты.

Это резкие особенности, которые астрономия открыла в жизни планет и которые не встречаются у нас в нашей солнечной системе. Мелких особенностей можно было бы привести очень много, они положительно неисчислимы. Скажем только, что как бесконечен Бог, создавший эти планеты, так бесконечно и то количество условий, которыми он ведёт существа к высшему благу и совершенству. Если бы материя имела свойство порождать все эти явления, как учат материалисты, то проявления были бы всегда однообразны; мы видели бы на каждой планете повторения того же самого, как следствие способности материи. Это же постоянное разнообразие не допускает сомнения в Правящем и Высшем Разуме и служит одним из самых убедительных доказательств бесконечной и разумной силы Творчества.

Перейдём к расстоянию, отделяющему нас от других планет. Но для этого надо сперва оговориться. Эти расстояния так велики, что мы не можем считать их верстами; цифры помрачат совсем наше понятие и не будут давать ясных представлений. В астрономии принято считать эти расстояния, принимая за единицу меры расстояние от земли до солнца. Расстояние это равно 152 000 000 вёрст.

Переходя от нашей версты, как единицы меры, на другую, более обширную единицу, надо, для лучшего её представления себе, сделать наглядное сравнение её с представлениями, нам хорошо известными: 1) Пушечное ядро, весом в 30 фунтов и заряженное 15-ю фунтами пороха, летит 1750 фут. в секунду; этою скоростью ядро долетит от земли до солнца в 10 лет. 2) Звук, если мы предположим, что он будет распространяться также скоро и за пределами нашего воздуха, т.е. 1225 фут. в секунду, – дойдёт только в 15 лет. 3) Скорый поезд железной дороги, делая каждый час по 50 вёрст, дойдёт до солнца в 340 лет. 4) Свет от солнца идёт до земли 8 минут и 13 секунд. Вот какое расстояние будет нашей единицей меры.

Посмотрим теперь, насколько удалены ближайшие к нам звёзды. Самая близкая из них отстоит от нас, как мы уже сказали, на Южном полушарии, – это звезда « α » в созвездии Центавра, а на Северном 61-я звезда созвездия Лебеда; первая удалена в 222 000 раз более расстояния от земли до солнца, а вторая в 404 000 раз больше. Чрезвычайно удобно мерить эти расстояния временем прохода света; свет пробегает 300 000 вёрст в одну секунду или 1 миллиард вёрст в 1 час (1 000 000 000), от « α » Центавра свет проходит в $3\frac{1}{2}$ года, а от 61-й звезды Лебеда $6\frac{6}{10}$ года. Это ужасные расстояния: звук прошёл бы от « α » Центавра до нас в 3 миллиона лет, а поезд железной дороги, идя 60 вёрст, в час, дошёл бы до « α » Центавра в 60 миллионов лет.

Приведём здесь несколько звёзд, как например:

НАИМЕНОВАНИЯ:	Видимая величина звезды	Расстояния от земли до солнца	Время прохода света.
„ α “ Центавра	1	222.000	$3\frac{1}{2}$ года.
61-я Лебеда	$5\frac{1}{2}$	404.000	$6\frac{2}{10}$ „
Сириус	1	1.069.000	$16\frac{7}{10}$ „
Вега	1	1.146.000	18 лет.
„ α “ Лирь	1	1.330.700	21 год.
„ α “ Большой Медведицы	4	1.551.000	$24\frac{8}{10}$ „
Арктус	1	1.624.000	$25\frac{4}{10}$ „
Полярная звезда	2	2.714.000	$42\frac{1}{2}$ „
Капелла	1	4.484.000	$76\frac{6}{10}$ „

Итак, мы видим, что даже от звёзд первой величины, т.е. самых блестящих на нашем небосклоне, свет может идти до нас 76 лет, делая по миллиарду вёрст в каждый час. Если бы вследствие какой-нибудь катастрофы эта звезда исчезла, мы узнали бы это только через 76 лет; а в продолжении всех этих 76 лет свет доносился бы до нас, пробегая эти громадные пространства. Очень возможно, что астрономы наблюдают в настоящее время такие звёзды, которые уже десятки лет не существуют.

В приведённой таблице, мы видели одну звезду, очень близкую к нам, которая 5-й величины, и, наоборот, Капеллу – первой величины, как самую отдалённую от нас из всех приведённых нами звёзд, – это указывает только на разнообразие их величины. Дальность, однако, играет всё-таки существенную роль в видимой величине звёзд; очень большие звёзды покажутся нам, за дальностью расстояния их, ничтожными и, наконец, пропадают у нас совсем из виду, как это мы сейчас увидим.

В приведённой таблице мы поместили преимущественно звёзды 1-й величины. Разбирая же звёзды меньших величин, мы увидим, что они несравненно дальше. Звёзды 5-й и 6-й величины отстоят так далеко, что свет от ближайших из них идёт до земли в периоды времени около 1 000 лет, а от более отдалённых до 3 300 лет.

Разбирая звёзды, видимые только в телескопы, например, 14-й величины, мы увидим, что свет от них достигает земли только через 120 000 лет, ибо они находятся от нас в расстоянии одного квинтиллиона вёрст (1 000 000 000 000 000 000).

Следовательно, есть звёзды, погибшие или потерявшие свой блеск до появления человека на земле и ещё до сих пор (Доносящие лучи света до земли, а человек изучает их, думая, что они ещё существуют).

Видимое нами, в настоящее время, небо показывает нам только древнюю и давно прошедшую историю звёзд; звезду, которую мы видим на небе, была на этом месте несколько тысячелетий тому назад; где она теперь и в каком она виде, мы положительно не можем составить себе никакого понятия.

Все звёзды – самостоятельные солнца своих систем; все они, в этом бесконечно пустом пространстве, одиноки, ибо всё так же далеки до своих соседей, как и наше солнце; все они оказывают своё влияние и своё притяжение друг на друга; но не это притяжение является причиной их скорого хода в бесконечной пустоте. Причин их скорого полёта мы совершенно не знаем. Многие летят несравненно быстрее, чем наше солнце, а следовательно, можно себе представить, с какою скоростью вертятся планеты и спутники их. Артус, например, имеет поступательное движение около 300 000 вёрст в час, это в 100 раз скорее, чем двигается наше

солнце. Маленькая звезда из созвездия Большой Медведицы под № 1830 движется ещё скорей; она в 1 час уходит 460 000 вёрст или 150 раз скорее солнца.

При всей их быстроте эти звёзды кажутся нам неподвижными, ибо расстояние их до земли слишком велико, так, звезда № 1830 отстоит от нас в 133-х триллионах вёрст, а, следовательно, при этом расстоянии движение её нам мало заметно; именно: в 255 лет она передвинется на ширину видимого нами нашего солнца. Вот та причина, по которой мы видим и считаем наши созвездия постоянными, несмотря на то, что все звёзды двигаются с разными скоростями, в разные стороны; но переживут сотни и сотни поколений людей, пока форма созвездия видимо изменится. Большая Медведица, например, через 50 000 лет передвинется настолько, что будет всё-таки узнаваема, несмотря на то, что все её звёзды двигаются в разные стороны.

Относительно количества звёзд надо сказать, что число их также неисчислимо: что простым и невооруженным глазом мы видим их около 6 000 на всем небосклоне; в телескоп астрономы видят их до 60 000 000 шт., а улучшите наши телескопы, и вы увидите их ещё и ещё гораздо больше. Вы увидите всё небо усыпанным сплошь золотыми песчинками, через которые нигде не будет видно небесной лазури, ибо число их бесконечно.

Да, звёзд ещё гораздо больше, чем мы до сих пор об этом говорили. Вселенная ещё обширнее, она в полном смысле бесконечна, и конца её никакие наши средства и чувства охватить или понять не могут. Мы укажем в этом случае на туманные пятна, видимые на небе, и на Млечный Путь.

Туманные пятна на небе состоят из большего количества таких же звёзд, как и все, но, по причине своей отдалённости, каждая из них не может быть видна, а видны только на тех местах, где они так близки одна от другой, что сливаются вместе и таким образом представляются нам одним общим освещённым пятном. Млечный Путь совершенно то же самое; масса таких пятен, покрывая небо, слилась в одну туманную полосу, которую мы и называем Млечным Путём. Есть туманные пятна, на глаз совершенно невидимые, но в телескоп представляющиеся чрезвычайно маленькими бле-

стящими пятнышками, местами слившимися вместе и образующими таким образом светлое пятно, которое постепенно сливается с небосклоном от постоянно редееющих звёзд.

Есть ли возможность сосчитать их? – Астрономы считают их приблизительно; верное число их неизвестно, ибо они чрезвычайно мелки и, кроме того, целые десятки звёзд слиты вместе, и только при этом условии образуют одно, еле заметное в телескоп, пятнышко. Араго считал их однажды в одном туманном пятне, которое около созвездия Центавра, и не в самом ядре пятна, где они закрывают друг друга, а на окраинах пятна, где они реже, – и нашёл, что на пространстве неба, не более одной десятой части нашей луны, их находится до 20 000. Сколько же их окажется на всем небе? Гершель считал число звёзд в одном туманном пятне и нашёл более 18-ти миллионов. Луч света от этих солнц достигает земли в пять миллионов лет. Это расстояние ужасающе уже само по себе; если же мы скажем, что это расстояние до тех звёзд из туманных пятен, которые видны в одиночку, а не до тех из них, которые слились десятками вместе и которые ещё гораздо дальше, – мы должны признать вселенную положительно бесконечной и беспредельной в полном смысле этого слова.

Но, повторяем, что это не пустое пространство, но что оно всё переполнено жизнью. Солнца имеют свои планеты, планеты своих спутников, всё пространство между ними переполнено кометами, которые имеют свой правильный ход вокруг солнц; есть такие, которые переходят от одной системы к другой и гуляют по всем небесам; везде жизнь кипит, везде существа дышат и наполняют все сферы. Везде всё имеет своё определённое место, всё подчиняется одному строгому порядку и закону, исходящему непосредственно от Владыки и Творца Вселенной.

Только Тот, кто сумел сотворить всё это, Тот только может сохранить и целесообразно вести всю эту бесконечную громаду к благим целям. Наше слабое воображение должно теряться в своих представлениях, ибо мы не сделаны для того, чтобы понимать всю эту бесконечность Премудрости Божией.

Однако, сделаем ещё попытку вникнуть глубже во всё это. Мы попросим каждого, думающего отвергать руководящее Начало и

Высший Разум, управляющий Вселенной, объяснить нам следующее: положим, что это бесконечное небо кажется нам только таким, ибо мы ничтожны в своих пониманиях; положим, что в действительности конец существует где-нибудь, может быть на расстояниях в миллионы раз больших, чем могут охватить наши инструменты и наши знания; тогда мы можем себя спросить: как держатся и по каким законам двигаются последние звёзды на окраинах этой, будто бы мнимой, бесконечности? Отчего они, притягиваемые соседними звёздами только с одной стороны, не имея ни одной, уравновешиваемой это притяжение силы с другой стороны, не придвигаются к своим соседкам? А это непременно должно бы было случиться, если бы вселенная имела конец. Подобное передвижение всех крайних солнц и их систем к одному общему центру было бы неминуемым следствием того, что вселенная имеет конечные пределы. Отвергать это положение, значило бы отвергать все известные нам законы тяготения. Но в этом случае мы увидели бы все небесные тела подвигающимися к одному общему центру, и скоро бы образовался один мир, или одно громадное тело, ибо все миры слились бы в один общий мир. Исходя из этого рассуждения, мы должны заключить, что наша материалистическая наука не может допустить конца, она должна, опираясь твёрдо на свои законы, объявить, что конца в звёздном небе действительно нет и быть не может и что оно в полном смысле бесконечно во все стороны, по всем направлениям, иначе не было бы вселенной, а было бы одно только тело.

Бесконечность!.. Как может положительная наука признать то, о чём она понятия не имеет; может ли она признать что-нибудь бесконечным? Разве есть у нас, в материальном мире бесконечность? Разве имеем мы в какой-нибудь части наших наук учение о бесконечности? – Нет; даже математика не изучает бесконечность; математика, изучая конечные величины, применяет только свои выводы к очень большим величинам и только в этом смысле употребляет слово: бесконечность. Она говорит, что «бесконечность есть предел большой величины, или, что бесконечность больше всякой данной величины». Но, ведь, этого в сущности нет; всегда можно написать величину больше данной другой величины, следовательно, это ещё не будет бесконечность. Математика говорит, что когда угол между двумя пересекающимися линиями нуль, то

линии параллельны, т.е. пересекутся на бесконечном расстоянии. – Никогда они не пересекутся, продолжите их мысленно на это бесконечное расстояние, продолжите их хотя ещё дальше – они и там не пересекутся, ибо они параллельные. Математика ни в каких случаях не изучает бесконечные величины, а если употребляет это слово или понятие, то только для замены другого, более для нас ясного, слова «нигде», или «никогда», ибо бесконечность, по её мнению, не есть величина, это только предел величины, это математическая фикция или неопределённость.

Математика, изучая величины и их законы, приближается лишь к бесконечности, но не доходит до неё, так что бесконечность остаётся за пределами её понимания, иначе её можно бы было изобразить по аналитике. Бесконечность ей так же недоступна, как и всем остальным отраслям знания. Положительная же наука не должна отвечать на те вопросы, которые выходят за пределы её компетенции, а потому и этот вопрос должен быть оставлен без ответа, несмотря на всё существенное значение его.

Главная сбивчивость понимания заключается в том, что, бесконечность, которую признают математики, имеет одну природу с численными величинами; ибо она измеряется ими, а следовательно, должна быть одной с ними природы и сущности. Тогда же, когда мы говорим бесконечное время или бесконечное пространство, мы должны себе представить нечто совсем другое, имеющее совсем другую сущность и природу, ибо это нечто совсем цифрами измеримо быть не может; нечто совсем из цифр не состоящее. Но что же это такое? Что это за протяжённость времени или пространства, которая не измеряется величиной? Как можем мы себе представить неизмеримую цифрами протяжённость? Вот этот вопрос останется всегда за пределами научных сил человека.

Но, допустим, что наука была вправе ответить так и допустить вселенную действительно бесконечной, – но из этого является совершенно уже непонятное следствие: мы спросим, как образовались небесные тела, все ли разом, или по одиночке, т.е. одни раньше, а другие после? На этот вопрос всякий, изучивший физику, ответит: «Непрерывно разом, – предполагать иначе мы не можем, ибо если один мир образовался бы прежде других, то он,

наверное, притянул бы следующие за ним, начинающие образоваться миры, ибо два тела в пространстве должны притянуться друг к другу и слиться вместе, если нет другого, оттягивающего в противоположную сторону, элемента.

Да, образование миров должно было непременно начаться одновременно во всём этом бесконечном пространстве. Они могли, в первые времена, быть дальше один от другого, или, вообще говоря, – реже; но образование их, во всяком случае, должно было совершиться одновременно и при том, с тем непременным условием, что каждое тело начало бы своё образование на тех местах вселенной, и в таком размере, чтобы оно было одинаково притягиваемо со всех сторон, чтобы оно не выходило из равнодействующей точки сфер притяжения других тел, дабы другая какая звезда не притянула бы её к себе.

Итак, образование планетных систем должно было начаться во всей вселенной одновременно. Мы до сих пор строго держимся туманной гипотезы Канта и Лапласа, которая понятнее и определённое других выяснила нам порядок тех комбинаций, которые должны были превратить материальные элементы простых тел, парящих в эфирном пространстве, сперва в туманную массу, затем в жидкую, наконец, в твёрдую, каковую мы теперь видим. Если первыми двумя частицами, которые сплотились вместе и образовали таким образом центр притяжения, более сильный, чем окружающая среда, и к которому начали притягиваться последующие, вблизи находящиеся, частицы, руководил один случай, то при сём образовался бы сперва только один центр. Трудно предположить, чтобы случайность могла повториться во многих местах одновременно; и ещё труднее предположить, что эта случайность повторилась на *бесконечном числе пунктов*.

Мы говорим «на бесконечном числе пунктов», ибо полагаем, что вселенная занимает бесконечное пространство. Если это пространство бесконечно, то оно должно иметь бесконечное число звёзд, и как бы ни были они редки, их будет всё-таки бесконечное число, так как бесконечность, делённая на конечное число всё-таки не изменится, – она останется всё-таки бесконечностью. Предположить одновременное образование бесконечного числа цен-

тров притяжения, вследствие одного случая, без какой-нибудь бесконечно разумной и руководящей силы, – очень мало вероятности; а именно: как один против бесконечности, и такое предположение должно быть отвергнуто. Случай мог образовать одну систему, один центр; но в таком случае все остальные стали бы примыкать к нему и не было бы стольких солнц. Не случайность здесь нужно видеть, здесь ясно проявляется разумная, обдуманная причина, здесь беспредельный Божественный Разум и никогда не ошибающаяся Предусмотрительность.

Туманная гипотеза передает законы и последовательность образования солнца со всеми его планетами. Законы кругового движения планеты также выяснены. Но в ней и намёка нет на поступательные движения солнц; что заставило их иметь это движение и с такой громадной быстротой? Кто выяснит нам законы движения планет по винтовой линии, следуя так послушно всем движениям солнца? Кто объяснит нам движение комет? По каким законам они не надают в солнце? По каким законам они двигаются и возвращаются? По каким законам они следуют движениям солнца, отходя от него на страшные расстояния? – Все солнца, имея громадные скорости, не могут быть всегда в равнодействующем пункте притяжения своих соседок, однако они не падают на них, не сталкиваются в пути своём с другими системами, а имеют правильный ход и порядок; это не может быть дело случая, это не следствие способностей слепых атомов, это не свойство материи, – это руководящая Рука Создателя их, находящегося всегда и всюду во всех частях всего сотворённого Им, направляющего всё, дающего всему законы для сохранения себя и полного порядка и гармонии.

Постичь всего этого мы, конечно, не можем, как и много чего другого. Но надо сильные данные, чтобы оспаривать подобный простой и логичный вывод, который всегда сам напрашивается, сам приходит каждому в голову и который отвергается только из тщеславной уверенности в непоколебимость микроскопического знания людей, которые не хотят вникнуть в величие и разум природы и в своё собственное ничтожество.

Бог везде в природе, – разве можно положить предел Творцу всей этой бесконечности? Не будем Его искать здесь, или там. Он

езде одновременно, иначе мы себе Его представить не можем. Как можем мы постичь Существо, создавшее бесконечность? Всякий, создавший что-нибудь, должен стоять выше того, что он создал; что можем мы сказать о Боге? Если Он мог создать, – Он должен уметь управлять Своим творением, наблюдать за ним и направлять его, и эти способности должны быть в нём так же совершенны, как и всё остальное.

Это непреложная истина, которая прямо приводит нас к естественному, внутреннему стремлению души нашей и к врождённой её потребности верить в Бога, а следовательно, благословлять и преклоняться пред Творцом вселенной. Только преследуя и развивая одну истинную науку, человеку удастся узнать: что он такое, какое его назначение на земле и для чего его создал *Всесильный Бог*.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	I–XXII
ГЛАВА I.	
Главное разногласие	1–12
<p>Познает ли человек сам себя, свою природу и смысл своей жизни? За этими познаниями одни обращаются к науке; другие добывают их через веру – 3. Разные способы достижения самопознания породили целую пропасть в понимании «себя» и смысла бытия – 5. Разногласие в одном и том же человеке – 6. Три фазиса мышления: теологический, метафизический и позитивный – 7. Возражения 7 – 12.</p>	
ГЛАВА II.	
Мировоззрение учёных.....	13–35
<p>Ко всякого рода отрицаниям следует относиться весьма осторожно – 13. Истинная наука никогда не высказывалась в смысле отрицания Бога – 14. Отзывы учёных в смысле признания Бога: Анаксагор, Сократ, Платон – 14. Аристотель – 15. Стоики, Александрийская школа – 16. Декарт, Лорд Бэкон Веруламский – 17. Спиноза – 18. Ньютон, Лейбниц – 19. Гейлинкс, Локк, Иммануил Кант – 20. Шлоссер, Виктор Гюго, Паскаль – 21. Агассис, Малекбранш, Берклэ, Ватсон, Гершель – 22. Кепплер, Гёте – 23. Гизо, Уоллес – 24. Секки, Дарвин – 25. Карл Фогт, Тиндаль – 26. Линней, Вольтер – 27. Фихте, Шеллинг – 29. Гегель, Шлейден – 30. Клод Бернар, Пер, Сент-Илер, Кавелин – 31. Погодин – 32.</p>	
ГЛАВА III.	
Цель и назначение науки	36–43
<p>Что главнее: разум или нравственность? – 36. Мысли о сем: Герберта Спенсера – 36. Г.Г. Льюиса – 37. Огюста Конта – 38. Почерпает ли человек из внешнего мира все впечатления, которые в нём есть – 38. Всё хорошее, почерпнутое человеком, применяется ли им к жизни и всё это совершенствует ли его? – 39. Порочная мысль легко прививается к порочной душе – 41. Рассудок есть раб сердца и чувств – 42. Назначение науки – 42.</p>	
ГЛАВА IV.	
Позитивизм	44–94
<p>Позитивизм не во всё согласен с учением Огюста Конта – 44. Район деятельности позитивизма по М. Литтре – 47. Дж. Г. Льюис о позитивизме – 49. Свод обоих мнений – 49. Иммануил Кант о категориях</p>	

знания – 52. Позитивизм впадает в большие ошибки чем те, от которых оберегает людей – 55. Примеры тому – 56. Нетерпимость современного позитивизма – 59. По количеству изобретений нельзя ещё судить об успехе наук – 60. Знания состоят из двух самостоятельных факторов – 61. Если их обоих нет, нет и науки – 62. Сходство позитивизма с музеем, у которого нет указателя – 62. Прогресс техники и механики даёт новые средства позитивизму – 63. Позитивизм ищет знаний для самих знаний, но не для общественной пользы – 64. Безусловно ли непогрешимы знания, добытые позитивизмом? – 65. Чувства наши передают не вещь в самой себе, но одни лишь впечатления – 66. Неполнота позитивной мысли – 67. Полнота знаний вообще – 68. Знания научные пользуются снисхождением – 70. Масса не ответственных вопросов – 71. Молодость науки – 79. Смелые учения – 80. Разрозненность и хаос – 83. Правильный ход мышления – 85. Позитивизм не есть наука – 86. Мысли о сем: Огюста Конта – 86. Шопенгауэра, Карлейля – 87. Иммануила Канта – 88. Либиха, Ланге, Чольбе – 89. Моль, Грог, Бенедикт – 90. Погодин – 91. Данилевский – 92.

ГЛАВА V.

Мировоззрение материалистов..... 95–109

Нет атеистической философии – 96. Эпикур – 97. Кара, Ксенофонт, Толанд – 98. Гессенди, Гоббс – 99. Де-ла-Меттри – 100. Бруно – 101. Огюст Конт – 102 – 109.

ГЛАВА VI.

Атеизм 110–112

Атеизм окончательно ненаучен – 110. Говорящий, что наука довела его до атеизма – говорит несообразность – 111. Мысли об атеизме: Паскаль – 111. Рихтер, Лорд Бекон Веруламский – 112.

ГЛАВА VII.

Материализм и спиритуализм 113–120

Разномнение в учении о соотношении природы духа и вещества – 113. Аргументы Бэна – 114. Параллель, сгруппированная Горвицем – 114. Свод аргументов – 115. Соотношения силы и вещества – 116. Что такое сила? – 117. Либих о жизни – 119. Ничего само собой в природе не делается – 120. Не смысл науки ведёт человека к безверию, но недостаток развития самого человека, занимающегося наукой – 120.

ГЛАВА VIII.

Обзор истории развития мысли..... 121–162

Материализм не есть естественное следствие современного успеха науки – 121. Первый период, развития; духовный – 122. Второй период; умственный – 124. Развитие мысли шло независимо от того, как понимал её народ – 127. Философия Плотина – 127. Прокл – 130. Третий период; духовный – 130. Образование новой арены деятельности – 131. Четвёртый период; умственный – 134. Разница между условиями, сопровождающими второй и четвёртый периоды – 135. Сходство между ними: первое – 136. Разница между нравственным воспитанием и умственным образованием – 136. Второе сходство – 142. Третье сходство – 142. Четвертое сходство – 143. Пятое сходство – 143. Шестое сходство – 145. Окончательный вывод философских

учений ведёт к тем же убеждениям, которые внушает и церковь – 145. Философия Иммануила Канта – 146. Фихте – 146. Улликх – 147. Далее философии некуда идти в своём развитии, она блестяще окончила свою задачу – 147. Как могут идеалистические философии утверждать в публике их атеистические взгляды – 148. В настоящее время изучают научные предметы, но не великих мастеров – 149. Учения великих учителей искажаются – 156. Против материализма восстают Декарт, Ньютон, Бойль, Клерк, Пристлей, Гэртли, Лейбниц, Фарадей, Баркли, но учения их доводят публику до атеизма – 152. Учения великих учителей остаются непонятыми: Ньютон – 153. Гэртли – 153. Иммануил Кант – 154. Секки, Дарвин – 156. Пятый период; позитивный – 157. Сознательный позитивизм XVIII века и бессознательный XIX века – 158. Вред от бессознательного позитивизма – 160. Истина познается через непосредственный ряд заблуждений – 161.

ГЛАВА IX.

Исходные точки мышления материалистов 163–188

Материалистическая космогония – 163. Деистическая космогония – 165. Материалисту трудно внушить понятие о Боге – 166. Доказательны ли материалистические принципы – 166. I. Вечность материи – 167. II. Свойства и качества материи – 169. III. Законы случайностей и причинностей – 175. IV. Законы природы – 181. Доводы о законах природы Н.Я. Данилевского – 182. Понятие о «законе природы» есть не более, как грамматическая метафора – 186. По Бюхнеру и Молешотту, вечная управляющая миром причина не согласуется с законом природы – 186. Опровержение – 187.

ГЛАВА X.

Общий характер материалистической науки 189–197

Бюхнер – 189. Вундт – 190. Пример, приводимый Ланге – 191. Д. Писарев – 193. Спокойный взгляд на жизнь Н. Страхова – 193. Злоупотребление словом философия – 195. Дж. т. Льюис о диалектических ухищрениях – 196. Дю-Буа-Реймон о механике атомов – 197.

ГЛАВА XI.

Бог и бесконечность Его творений..... 198–215

Наука признаёт Бога. Позитивизм не имеет возможности опровергнуть Его – 198. С развитием наук упрочатся правильные понимания природы и Бога – 199. Звёздное небо – 200. Замечательная комета – 202. Есть ли жизнь на кометах – 203. Пространство, занимаемое солнечной системой – 203. Расстояние до планет – 204. Сочетание цветов – 200. Расстояние до звёзд – 207. Есть ли фактический конец звёздному небу; как держатся крайние звёзды – 211. Бесконечность – 212. Бесконечность не измерима цифрами – 213. Образование планетных систем должно было начаться на бесконечном числе пунктов – 214. Бог везде в природе – 215.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	3
ГЛАВА I. ГЛАВНОЕ РАЗНОГЛАСИЕ.	28
ГЛАВА II. МИРОВОЗЗРЕНИЕ УЧЁНЫХ.	41
ГЛАВА III. ЦЕЛЬ И НАЗНАЧЕНИЕ НАУКИ.	66
ГЛАВА IV. ПОЗИТИВИЗМ.	75
ГЛАВА V. МИРОВОЗЗРЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТОВ.	130
ГЛАВА VI. АТЕИЗМ.	146
ГЛАВА VII. МАТЕРИАЛИЗМ И СПИРИТУАЛИЗМ.	149
ГЛАВА VIII ОБЗОР ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МЫСЛИ.	158
ГЛАВА IX. ИСХОДНЫЕ ТОЧКИ МЫШЛЕНИЯ МАТЕРИАЛИСТОВ.	203
ГЛАВА X. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ.	231
ГЛАВА XI. БОГ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ ЕГО ТВОРЕНИЙ.	241
ОГЛАВЛЕНИЕ.	261